

ПРИЧАСТНИКИ
БОЖЕСТВЕННОГО СВЯТА

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИК
И ЦЕЛИТЕЛЬ
ПАНТЕЛЕИМОН

Причастники Божественного света (Благовест)

**Святой великомученик
и целитель Пантелеимон**

«Благовест»

2013

Святой великомученик и целитель Пантелеимон / «Благовест»,
2013 — (Причастники Божественного света (Благовест))

В этой книге рассказывается о жизни и многочисленных прижизненных и посмертных чудесах святого великомученика и целителя Пантелеимона, прошедшего спасительный путь приближения и уподобления Господу Богу. Он был милостивым, и всем сердцем хотел помочь людям больным, страдающим, нуждающимся в его помощи. В книге повествуется и о Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне, где покоится честная глава святого великомученика, и о пребывании ее в Москве в 1996 году. Приводится также Акафист великомученику и отрывок из книги Б. К. Зайцева «Святой Афон» о монастыре святого Пантелеимона. Книга рассчитана на широкий круг православных читателей.

, 2013

© Благовест, 2013

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Часть II	19
Чудеса святого великомученика Пантелеимона в Никомидии	30
Чудеса святого Пантелеймона в Кюс-Кюнджюке[16]	44
Чудеса святого Пантелеимона в других местах	52
Некоторые чудеса святого великомученика Пантелеймона в России	56
Часть III	64
Общие сведения	64
История	65
Строения	75
Уставы и чиноположения русского монастыря святого Пантелеймона	77
Часть IV	78
Приложение I	86
Послание	86
Новые чудеса, явленные с верою притекавшим к честным мощам святого великомученика Пантелеимона	91
Из книги посещений Афонского подворья	93
Приложение II	97
Монастырь святого Пантелеимона	97
Список использованных источников	99

**Святой великомученик
и целитель Пантелеимон
Составитель Плюснин А. И**

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви (ИС
13-222-1863)*

Предисловие

Каждый день святая Церковь, а вместе с ней и верующие люди совершают память святых угодников Божиих. Делается это для того, чтобы мы обращались к ним с молитвой и, научаясь их добродетелям, освящались их святостью. Так происходит не потому, что мы лишены возможности обращаться непосредственно к Богу или что Господь в таком случае не слышит нас. Он вселюбящий Отец и принимает всякого приходящего к Нему, но воля Его такова, чтобы мы, обращаясь к святым, общались с ними и соединялись в Нем, а размышляя об их святости, думали о своей жизни, цели и призвании. Возможность общения со святыми в единой христианской семье в вере и любви, в чистоте и святости, в молитве – это дар Божий, за который необходимо благодарить Господа.

Жизнь великомученика Пантелеимона и показывает нам этот истинный путь приближения и уподобления человека Богу. Бог не только велик и славен, и силен, Он еще и милостив. И святого Пантелеимона мы называем «подражателем Милостивого». Ведь он был милостивым и всем сердцем хотел помочь людям больным, страдающим, нуждающимся в его помощи. Всего себя, как врач безмездный, он отдавал людям, потому, что любил людей. Помощь великомученика больным превзошла силу земного врачевания, он стал врачом благодатным. Святой Пантелеимон смог уподобиться Богу в Его силе, а вместе с Божественной силой пришла и слава. Слава не земная и преходящая, а та, которой прославляет человека Бог.

Мы смотрим своим внутренним взором на жизнь святого Пантелеимона и видим, что он уподоблялся Богу в том, что человеку доступно, а Бог дал ему и то, что человеку недоступно. Больше полутора тысяч лет назад жил святой великомученик Пантелеимон, но мы и ныне прославляем его и просим его помощи. А он слышит наши молитвы и имеет силу помочь нам.

Почитание святого в Русской Православной Церкви известно с XII века: великий князь киевский Изяслав, во святом крещении Пантелеимон (ок. 1097–1154), имел изображение святого на шлеме и его заступлением остался жив в войну 1151 года. Великомученик Пантелеимон почитается Православной Церковью как небесный покровитель воинов и милостивый целитель. Бесчисленны свидетельства русской истории об исцелениях святым Пантелеимоном болящих, а также о прекращении по его предстательству пред Богом страшных моровых поветрий и эпидемий. Ведущие духовную брань также прибегают к святому с мольбой об исцелении душевных язв. Святые мощи великомученика Пантелеимона частичками разошлись по всему миру, а его честная глава с XIV века хранится в Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне.

Так будем же благодарны Богу, дивному во святых Своих, и в молитвах к святому великомученику и целителю Пантелеимону будем просить для себя милости Божией, мира, чистоты, святости и чтобы он исцелил нас душевно и телесно.

Все замечания и пожелания читателей будут с благодарностью приняты Издателем.

Андрей Плюснин

Часть I

Житие великомученика Пантелеимона

(переведено святителем Феофаном из Метафраста. Сличено и с свт. Димитрием)

Когда в царствование Максимиана, лютого христиан мучителя, великое всюду належало на верующих во Христа гонение, и исповедники пресвятого имени Иисуса Христа в большом количестве были избиваемы по всем градам и весям, пострадал в Никомидии, городе Вифинском, и святой великомученик Пантелеимон. Сей великий и дивный между мучениками страстотерпец Христов в сем же городе родился от отца, сановитого и богатого, именем Евсторгия, и матери Еввулы. Отец его был предан идолопоклонническому нечестию и истово прилежал ему; мать же была христианка, от прародителей наученная святой вере, и усердно работала Христу Господу. Таким образом, они, будучи соединены телесно, до противоположности разделены были духом: тот служил ложным богам, а эта единому истинному Богу приносила жертву хвалы.

Родивши сего, о коем предлежит нам слово, первенца своего, они дали ему имя Пантолеон, что означает – «по всему лев», как имевший льву уподобиться мужеством. Но после он был свыше переименован в Пантелеимона, т. е., всемилостивца, когда показал себя ко всем милостивым, исцеляя безмездно всякие болезни и неоскудно помогая нуждающимся из оставшегося ему от отца имения.

Пока был еще Пантолеон в детстве, мать воспитывала его в христианском благочестии, научая его познавать единого истинного Бога, на небесах сущего, Господа нашего Иисуса Христа, веровать в Него и угождать Ему добрыми делами, а идольского многобожия всячески отвращаться. Отрок усердно внимал материнскому учению и отчасти понимал его, сколько доступно оно отроческому разуму. Но, к прискорбию, недолго пришлось ему пользоваться попечением матери, потому что она скоро отошла ко Господу, оставив дитя свое незрелым и по возрасту, и по разуму. По смерти же ее отрок, естественно, пошел вслед отцова заблуждения, будучи водим им к идолам и учим их нечестию.

Затем пришло отроку время обучения, и отец сначала отдал его учиться грамматике, а потом и другим наукам. Когда же увидел, что он довольно уже успел в этих науках и в греческой словесности, вручил его славному в то время врачу Евфросину, учиться врачебному искусству. Здесь он, по быстроте своих способностей, скоро оставил позади себя всех своих сверстников и соучеников, подобясь птице быстрокрылой, которая без большого труда легко пролетает повсюду, стремительностью полета удобно рассекая воздух. Был он к тому же добр нравом, в обхождении и беседах приятен и красив лицом, отчего всем был любезен, у всех был на языке и почитался всеми за некое диво. Скоро стал он известен и самому царю Максимиану, который в то время жил в Никомидии и жестоко преследовал христиан, – сжег двадцать тысяч святых мучеников в церкви, в день Рождества Христова, убил святого Анфима-епископа и многих других через различные муки разным предал смертям. Во дворец этого мучителя, как придворный врач, часто приходил Евфросин, и к самому царю, и к другим придворным лицам. Приходил с ним туда и отрок Пантолеон, и все дивились красоте его, благонравию и разуму. Не пропустил его без внимания и царь, когда увидел его при сем однажды, но, подозревая к себе, расспросил, кто он, откуда и чей сын; и уведав все, повелел учителю его поскорее и поусерднее обучить его всему врачебному искусству, имея в мысли взять его к себе во дворец, как достойного предстоять царю и служить. В те дни был там, в Никомидии, некий старец-пресвитер, по имени Ермолай. Он с некоторыми христианами укрывался, страха ради нечестивых, в одном малом и невзрачном доме. Пантолеону, когда он шел к учителю своему и возвращался домой,

путь лежал мимо этого малого дома, в котором укрывался Ермолай. Старец, видя часто Пантолеона, когда он проходил мимо, и по внешнему его виду, по поступу, движениям, взору очей прозревая внутреннюю доброту его души, как по раковине узнают кроющуюся в ней жемчужину, уразумел, что он имеет быть избранным сосудом Богу, и достойным труда делом почел уловить такую душу. Почему однажды, когда обычно следовало юноше проходить мимо, вышел старец из дома навстречу ему и упросил зайти к себе на малое время. Юноша, смиренный и благослушливый, охотно вошел к старцу, ничтоже сумняшеся. Старец, посадив его близ себя, начал спрашивать о роде его и родителях, о том, какой он веры и о всей жизни его. Юноша все рассказал ему подробно и поведал, что мать его, бывшая христианкою, умерла, а отец жив еще и, по эллинскому обычаю, почитает многих богов. При сем спросил его святой Ермолай: «Ты же, чадо доброе, какой части и какой веры желаешь быть, отчей или матерней?» На это Пантолеон ответил: «Мать моя, когда была жива, научила меня своей вере, и я желал бы ее веры; но отец, как большую имеющий власть, заставляет меня жить по его вере, желая при том доставить мне место при дворе».

«А какое учение проходишь ты?» – спросил старец. Юноша отвечал: «Я изучаю Асклепиево, Гиппократово и Галеново искусство. Так угодно отцу моему; но и учитель мой удостоверяет меня, что если я научусь этому как следует, то силен буду излечивать всякую человеческую болезнь и с помощью этого искусства преодолевать всякое страдание тела нашего». Эти слова подали святому Ермолаю повод к спасительной беседе, и он начал в сердце юноши, как в добрую землю, сеять семя Божественных словес, и, как в добрый сосуд, вливать Божественное миро веры, говоря: «Поверь мне, добрейший юноша, истину тебе говорю, что это Асклепиево, Гиппократово и Галеново искусство малозначительно и что средства, им предлагаемые, не во многом могут помогать употребляющим их; да и самые боги, которых царь Максимиан, отец твой и прочие эллины почитают, суть пустые басни, легких умов праздное изобретение, и помогать они нисколько ни в чем не могут. Един же есть истинный и всесильный Бог, Господь Иисус Христос, в Которого если уверуешь, то одним призванием всеятого имени Его будешь прогонять всякие болезни. Он слепым подавал прозрение, мертвым – воскресение, прокаженным – очищение, демонов же, которым Максимиан и все эллины поклоняются, единым словом и повелением изгонял из людей. И не только Сам Он, но и одежды Его цельбоподательны были; ибо жена, кровотечением 12 лет страдавшая, как только коснулась воскрилия одежды Его, тотчас получила исцеление. Но кто может чудесные Его дела исчислить подробно? Исчислять Его великие и дивные дела то же есть, что исчислять песок морской, звезды небесные и капли водные. Он и ныне присущ рабам Своим, как споборник и помощник им непобедимый; утешает в печалях, избавляет от бед, дает исход находящимся в тесных обстоятельствах; и все сие творит, не ожидая молитв и прошения, но предваря самое уготовление к тому сердца. И не только это, но и боящимся Его Он дает силу чудодеев-ствовать, и притом в большей мере, нежели Сам чудодействовал, завершая сие дарованием жизни вечной в славном Небесном Царствии Его».

Всем сим словам, как добрая земля, прирав в сердце свое и сокрыв их в нем, Пантолеон поверил, как истинным, и сладко поучался в них умом своим. Старцу же сказал: «Все это я часто слышал от матери своей и нередко видал ее молящеюся и призывающею Бога, Которого ты проповедуешь». С сего времени Пантолеон каждый день заходил к старцу-пресвитеру, наслаждался добрыми его беседами, и все более и более утверждался в святой вере Христовой. Всякий день ходил он к учителю своему врачу и, возвращаясь от него, не прежде входил в дом свой, как усладив наперед слух свой душеспасительными словесами старца.

Случилось ему однажды, возвращаясь от учителя своего Евфросина, немножко уклониться с пути по какой-то нужде; и видит он отрока мертвого и подле него находящуюся ехидну, как бы в показание, кто совершил убийство: очевидно было, что эта гадина ужалила его, и он умер. Страх объял Пантолеона, и он немного отступил назад; но скоро потом пришел в себя и помыслил: вот верный случай искусить и делом удостовериться, воистину ли неложно

сказанное старцем Ермолаем. Помыслив сие, он воззрел на небо и сказал: «Господи Иисусе Христе, хотя я и недостойн призывать Тебя, но если благоволишь, да буду раб Твой, яви силу Твою, и сотвори, да во имя Твое отроча оживет, ехидна же мертва да будет». И тотчас как бы от сна отрок восстал живым, а ехидна расселась пополам и пала мертвою.

Тогда Пантолеон, в совершенную пришедши веру во Христа, возвел свои душевные и телесные очи на небо и благословил Бога, со слезами и радостью благодаря Его, что извел его из пагубной тьмы в свет ведения спасительной истины. Затем, не будучи более в состоянии удерживать в себе объявшую его духовную радость, течет к святому Ермолаю, рассказывает ему бывшее, как мертвый отрок ожил силою имени Иисуса Христа и как смертоносная ехидна пала мертвою, – и просит у него себе Божественного крещения. Слыша это, святой Ермолай, встав, пошел с ним посмотреть издохшую ехидну и, увидев, возблагодарил Бога, что благоволил совершить такое чудо и им привел Пантолеона в совершенное Себя познание; возвратясь же в дом, окрестил юношу во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, и, совершив святую литургию во клети своей, причастил его Божественных Тайн Тела и Крови Христовых.

По принятии святого крещения Пантолеон пробыл у старца Ермолая семь дней, помазанными его словесами орошая сердце, утучняя душу и чрево исполняя реками благодатными, по слову Господа: реки от чрева верующего потекут воды живы в обильнейшее приношение духовных плодов на благо верующим всем, благодатью Христовою. Когда же настал восьмой день, приходит он к отцу своему. Отец, увидев его, спросил: «Где был ты, сын мой, столько дней пред этим? Я был в большом о тебе беспокойстве, не случилось ли с тобою что неожиданное и нежелаемое?» Он ответил: «Одного из царедворцев схватила тяжкая болезнь, и мы, я и учитель, ходили за ним. Как он очень любезен царю и достоин всякого попечения, то нам неудобно было оставить его, и мы пробыли при нем семь дней, пока он совершенно не выздоровел». Сказал же это Пантолеон не как лжелюбоец, но как притчею таинственно и гадательно истину прикрывая, которую не пришло еще время прямо открыть отцу. Под учителем разумел он не Евфросина, а Ермолая-пресвитера, дворцом царским называл ту внутреннюю клеть, в коей совершалась Божественная тайна, а больным – душу свою, небесным Царем любимую, которая духовным врачевством была целима семь дней. Когда после того на другой день пришел он к учителю своему Евфросину, спросил его и тот: «Где был ты столько дней?» Он ответил: «Отец мой купил село и посылал меня принять его; мне нельзя было отлучиться оттуда, и я поневоле умедлил там, пока не осмотрел со вниманием всего купленного; оно драгоценно и никакое другое стяжание не может идти в сравнение с ним». И это рек он иносказательно, разумея св. крещение, которое приял, и прочие таинства святой веры, которые уведал и которым цены нет, – так как они стяжаны Кровию Христовою. Услышав это, Евфросин не стал спрашивать его более.

После сего внешние дела потекли обычным чередом; внутренне же блаженный Пантолеон, исполнен будучи благодати Божией и нося в себе сокровище святой веры, весь объят был заботою об отце, о том, как бы извести его из тьмы идиолобесия и привести в свет познания Христова, желая за рождение от него по плоти, поелику не мог воздать равным, воздать несравненно большим – возрождением духовным. С этою целью не упускал он ни одного случая, будто мимоходом, предлагать ему неудоборешимые вопросы, относительно идолопочитания неудоборешимые, и тем мало-помалу колебать его приверженность к идолопоклонству. Так говорил он ему: «Отче! Отчего это боги стоячие, как сначала поставлены были, так и доселе стоят и никогда не садятся, а те, которые сделаны сидячими, донныне сидят и никто никогда не видал их вставшими?» Слыша такие и другие подобные сим вопросы, отец недоумевал, как их разрешить, и начал понемногу колебаться в своем о богах высоком мнении и охлаждаться к почитанию их; что видяще, святой Пантолеон радовался, величал имя Иисуса Христа и благодарение Ему воссылал, что, по крайней мере, колеблющимся сделал Он отца его, раздирающим свое сердце (Ос. 10: 2) и уже не приносящим, как обычно, обильных жертв идолам.

На первых порах святой Пантолеон порывался было не раз сокрушить и истребить всех отцовых идолов, которых по дому было много; но удержался, не желая раздражать отца, так как тот очень дорожил ими. «Лучше, – говорил он себе, – я убеждением, кротостью и терпением доведу его до уверования во Христа, и тогда мы оба вместе истребим их». За такие чувства к отцу Даровавший заповедь чтить отца, приняв как жертву Себе Самому эти сыновние чувства Пантолеона, скоро доставил ему случай, – и отца своего тихо и кротко привести к вере, и самому себе стяжать великую награду. Ибо между тем, как Пантолеон так определился в мыслях своих, приходят к нему некие, ведя с собою слепца; стучат в дверь и спрашивают, дома ли Пантолеон, врач; узнав же, что дома, ожидают его. Тот, услышав, что пришли имеющие к нему нужду, вышел к ним с поспешностью, пригласив с собою и отца. Увидев же слепца, спросил, что ему нужно. Тот сказал: «Света ищу, которого лишился и которого слаще ничего нет для людей. Смилуйся над моим несчастьем и не оставь меня жить такую несовершенную и как бы половинчатою жизнью, но дай видеть солнце, потому что в таком положении мы, живые, ничем не лучше сущих во аде. Все врачи, какие есть в этом городе, лечили меня и не только никакой не принесли пользы, но лишили и того малого света, который еще оставался у меня. Я все истратил на этих добрых врачей, а от них получил вместе с потерей имени потерю и зрения. Сжался же надо мною». Святой Пантолеон сказал ему: «На других врачей ты все истратил, никакой не получив пользы; мне же что ты дашь, если я уврачую тебя, и ты опять станешь видеть?» – «Все, что еще осталось у меня, тотчас положу к ногам твоим», – ответил тот. На это Пантолеон сказал: «Дар зрения Бог, Отец светов, подаст тебе чрез меня, недостойного раба Своего; а что обещал ты мне – раздай ты бедным, когда возвратишься отсюда здоров».

Услышав это, отец его стал отклонять его от такого начинания, говоря: «Сын мой возлюбленный! Не берись за дело, которого совершить не можешь, чтобы, в случае неуспеха, не быть осмеяну. Ибо что можешь ты сделать более тех превосходящих тебя опытом врачей, лечивших его и не могших вылечить?» Пантолеон ответил ему: «Что я хочу употребить для этого человека, того не знает ни один врач; между ними и учителем, научившим меня сему, большое расстояние». Подумав, что он говорит это об Евфросине, отец сказал: «Я слышал, что и учитель твой лечил этого человека, и ничем не помог». На это Пантолеон так отозвался: «Подожди немного, отец мой, и само дело покажет, истинна ли моя уверенность в успехе». Сказав сие, коснулся он очей слепого и, призвав имя Христа Господа, помолился об исцелении его и сказал: «Во имя Господа Иисуса Христа, просвещающего ослепленных, прозри и виждь». И тотчас отверзлись очи его, и он прозрел. В тот час уверовал во Христа Евсторгий, отец Пантолеонов, и явно исповедал веру свою; уверовал в Господа и прозревший слепец, двойное получив про зрение, вместе с телесным – и душевное; ибо слепотствовал и душою, будучи усердным поклонником идолов. Оба уверовавшие тогда же получили крещение от пресвитера Ермолая и были сопричислены к сонму верующих. И исполнились все радости духовной о благодати и силе Иисуса Христа. Но на этом не могла остановиться ревность по вере Евсторгия, как отца великого Пантолеона. Движимый ею, спешил он показать, сколь искренно возненавижено им прежнее заблуждение, и начал сокрушать всех бывших в доме его идолов, в чем помогал ему и Пантолеон. Сокрушив всех и раздробив на мелкие части, ввергли они их в глубокий ров и засыпали землею, как достойных всякого забвения.

Через некоторое время после этого умирает отец Пантолеонов, умирает смертью телесною, так как от душевной избавился уже он чрез веру и святое крещение. А Пантолеон, получив, таким образом, свободу к удовлетворению давнего своего желания отрешиться от всего, всех домочадцев своих отпустил на свободу, щедро одарив каждого, а прочее оставшееся ему от отца имение пошло по рукам бедных, больных, вдов, сирот, убогих и иждивалось на страждущих за веру. Начал он обходить темницы и узилища, доставляя содержащимся в них все потребное, требующих исцеления исцелял и нуждающимся давал возможность забывать о своей бедности. То же и по городу – все получали от него неоскудную помощь и потребное

врачевание, в чем наипаче споспешествовала ему благодать Божия. Ибо свыше дан был ему дар исцелений, и он исцелял не обычными только врачевствами, но наипаче призыванием имени Иисуса Христа, – и исцелял всех безмездно. И обратился к нему весь город со своими больными, оставив других врачей; потому что ни от кого не получалось такого скорого и совершенного исцеления, как от Пантолеона, не бравшего при том никакой платы. За это славилось имя милостивого и безмездного врача во всем народе, а к прочим врачам все относились презрительно, а не с похвалами. Отсюда восстала большая зависть и немалая ненависть к безмездному врачу от других врачей, которые и начали подыскивать случай, как бы умалить и посрамить его.

Этот случай подал им прежде исцеленный Пантолеоном слепец. Проходил он как-то мимо некоторых из них. Взглянув на него, они говорили друг другу: «Не тот ли это слепец, которого мы лечили и не могли излечить очей его? Как же он ныне видит? Кто вылечил его? Каким врачевством и как мог он этого достигнуть?» Подозвали исцеленного и спросили: «Как ты ныне видишь? И кто помог тебе?» Тот не утаил истины и не скрыл целителя, но прямо сказал, что исцелен Пантолеоном. Услышав это и зная, что Пантолеон был учеником Евфросина, они сказали: «Поистине, у великого учителя – велик и ученик», – исповедав таким образом величие Христа Господа, хотя и не знали Его, ибо Пантолеон Его был паче ученик, чем Евфросинов. Но хотя и сказали они так, сердце, однако ж, их томилось от зависти, и они стали искать случая, как бы оговорить его пред царем. Увидев же, наконец, что он ходит в темницы к заключенным там за веру, и особенно уведав, что он всячески им помогает и исцеляет их, они приступили к Максимиану-мучителю и сказали: «Царь! Тот, кого ты велел научить всей врачебной мудрости, желая иметь его при себе в своих палатах, этот юноша теперь, и благоволение к нему твое ни во что вменяя, и страха к тебе никакого не питая, ходит по узилищам и лечит узников, хулителей богов наших, не только одинаково с ними о вере мудрствуя, но и других увлекая к таким же верованиям. И если ты скоро не погубишь его, то немалую от него себе печаль пригодишь, ибо увидишь, как многие, прельщенные его учением, отвратятся от богов и свое от болезней излечение будут относить не к Асклепию, а ко Христу, как и делает этот лечитель, и все верят ему». Сказав это, они прибавили: «Если хочешь, царь, вполне удостовериться в истине сказанного нами, повели призвать слепца, недавно исцеленного Пантолеоном».

Тотчас слепец исцеленный призывается и вводится пред царя. Царь спрашивает его: «Скажи ты нам, как Пантолеон исцелил очи твои?» Тот ответил: «Коснувшись перстами очей моих, призвал он имя Христово, – и я тотчас прозрел, и это прозрение едва ли не предупредило того призывания, всячески же оно так скоро последовало, что мне и на ум не могло прийти, чтоб тут имело место какое-либо врачебное искусство». – «Теперь же, как тебе это представляется, – спросил царь, – Христа ли признаешь ты исцелившим тебя, или богов?» Тот ответил: «Царь! Суд об этом произносят сами дела. Вот эти врачи, которых ты видишь стоящими здесь, много трудились надо мною, но сами они получили от этого немалую пользу, истощив мою казну, которую, впрочем, я охотно иждивал, в надежде увидеть свет, – надежде, которая, увы, оказалась тщетною; мне же никакой они не принесли пользы, а, напротив, более повредили, расстроив и ту малую силу зрения, которая еще оставалась во мне, и сделав меня совершенно слепым. Пантолеон же одним призыванием имени Христова возвратил мне зрение. Сам теперь рассуди, государь, кого следует мне почесть истинным помощником, Асклепия ли, многими призывавшегося и нимало не помогшего, или Христа, призванного одним Пантолеоном, и тотчас даровавшего мне столь всем любезный свет зрения, – это, государь, поистине и для слепого очевидно». Максимиан, в изумлении не зная, что сказать против этого, и думая, что для него достаточно повелеть, чтоб склонить к повиновению, проговорил: «Не безумствуй и не произноси мне здесь имени Христова, ибо, конечно, это боги даровали тебе свет зрения». Но тот, более пред истинною благоговея, чем страхась грозности царя, дерзновеннее евангельского слепца, дававшего ответы фарисеям об исцелении его Господом, сказал: «Это ты безумствуешь, царь, называя подателями зрения слепых; подобно им слепотствуешь и ты, думая так и способ-

ности не имея видеть света истины». Гнев объял тирана от таких слов. И где было этой душе, развращенной и растленной ласкательными словами притворной лести, снести такой строгий приговор истины? И вот он в ярости повелевает немедленно отсечь христолюбцу голову, – чем, сам того не желая, доставил ему случай мученичеством достойно возблагодарить исцелившего его Христа. И пошел сей добрый исповедник имени Иисуса Христа в немерцающем свете зреть лицом к лицу Того, Кого на земле исповедал за полученный от Него свет зрения. Тело же его святой Пантолеон купил у убийц и похоронил при теле отца своего, считая их теснее телесного родства родственными по духу, как в одно время и одним чудным делом Господа приведенных к вере в Него.

После сего царь повелел привести к себе Пантолеона; и он, ведомый к нему, воспевал устами своими следующий приличный времени псалом: *Божже, хвалы моя не премолчи: яко уста грешнича и уста льстиваго на мя отверзошася, глаголаша на мя языком льстивым, и словеса ненавистными обидоша мя, и брашася со мною туне. Вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся: и положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое. Помози ми, Господи Божже мой, и спаси мя по милости Твоей. Да облечутся оболгающая мя в срамоту и одевдуться яко одеждою стыдом своим, раб же Твой возвеселится о Тебе* (Пс. 108: 1–5, 26; 29). Когда окончилась эта молитва, предстал он телом пред лицом царя земного, смертного и временного, не переставая в то же время умом предстоять Царю небесному, бессмертному и вечному. Царь Максимиан сначала тихо и кротко заговорил к нему: «Недобрые вести услышал я о тебе, Пантолеон, будто ты презираешь Асклепия и прочих богов наших, всю же надежду возлагаешь на Христа, – Того зле погибшего, и Его одного именуешь Богом. Небезызвестно, конечно, тебе, как благосклонно я смотрю на тебя и как, в родственном к тебе расположении, повелел учителю твоему Евфросину как можно лучше и как можно скорее обучить тебя врачебному искусству, чтоб ты был мне потом полезен в этом. Ты же... Впрочем, люди много иногда говорят лжи и пустяков. Я и призвал тебя в надежде, что из объяснения твоего слышанное мною обличится как пусторечие и клевета завистников, и что ты беспрекословно принесешь великим богам нашим жертву, как подобает».

Пантолеон сказал на это: «Дела, государь, вернее и убедительнее слов. Всему должно предпочитать веру и истину. Но чем выше вера и благочестие, еже к Богу, тем более требуют они осмотрительности и удостоверительности. Верь тому, что ты слышал о мне. Я точно отмечаюсь Асклепия и прочих богов и прославляю Христа Господа; от дел Его познал я, что Он есть истинный Бог. Сей, Которому я поклоняюсь, небо сотворил, землю утвердил, мертвым подавал воскресение, слепым – прозрение, прокаженным – очищение, расслабленным – крепкое оздоровление, и подавал од ним хотением и одним словом; почитаемые же вами боги не знаю, делали ль что подобное, и даже могут ли то делать. Но если хочешь, государь, испытаем и теперь делом, чья вера истинная. Пусть принесут сюда какого-либо больного, неисцелимо болящего, которого излечить отказываются человеческое искусство и руки. Пусть также придут ваши жрецы; и призовем: они первые – своих богов, а потом я – своего Бога, и с призыванием какого бога отбежит болезнь, тот и да будет исповедуем, как единый истинный Бог, и поклонимся Ему, а других богов оплюем и предадим полному забвению». Царю понравилось такое предложение; и тут виден перст Божий и мановение Божественного Промышления, чтоб вера наша и пред очами врагов предстала несомненно верною, и истина Божия явилась победоносною таким очевидным и осязательным образом.

Царь тотчас повелел поискать такого больного. Нашли и принесли человека совершенно расслабленного, много лет уже прикованного к одру, ни одним членом не могшего действовать и лежавшего, как какое древо бесчувственное. Пришли и суетных богов суетнейшие жрецы и говорят святому Пантолеону: «Призови сначала ты Христа твоего, а потом призовем и мы своих богов». Он же сказал им в ответ: «Нет, вы призывайте прежде – вас больше. Если боги ваши услышат вас и исцелят больного, тогда мне не к чему уже будет призывать Бога моего».

Те согласились и начали призывать, кто Асклепия, кто Дия, кто Диану, кто других богов, – несмысленные несмысленно за немислимое и естество превосходящее дело взявшиеся. Ибо чаять им от этого исцеления больного также было неуместно, как немислимо, чтоб идола их стали чувствовать и говорить. Какое врачевание другим могли подать эти, сами безгласные и глухие? И не подали, несмотря на столь долгое и разнообразное к ним звание, доказав чрез то самым сим чтителям своим, что они суть именно то, чем были, то есть камни. Видя суетность таких трудов, святой Пантолеон усмехнулся. Заметил то царь и сказал ему: «Приступи тепер ты и призыванием Бога твоего сделай человека этого здоровым, если можешь». Он приступил и, возведши очи свои на небо и ум свой спростерши вслед их туда же, начал молиться, говоря: *«Господи, услыши молитву мою и вопль мой к Тебе да придет. Не отвори лица Твоего от мене, в онъже еще день скорблю, приклони ко мне ухо Твое, в онъже еще день призову Тя, скоро услыши мя»* (Пс. 101: 2–3), и яви неведущим Тебя и чтущим несущих богов, что Тебе, яко царю всемогущему, все возможно, невозможного же для Тебя ничего нет». Так помолвившись, взял он за руку расслабленного и воззвал во имя Господа Иисуса Христа: «Восстани и буди здоров». И слово тотчас стало делом. Расслабленный встал крепкий всем телом своим, как бы никогда не болел. Видя такое чудо, многие, идолопоклонническою язвою сокрушенные, вос стали духом и исправились, и, отверг шись прежнего своего заблуждения, уверовали в Господа и к неложному обратились Богу. Скверных же жрецов, неисцелимо болевших идолобесием, не коснулся свет истины, и они, скрежеща зубами, приступили к Максимиану и распалили его яростью против святого, говоря: «Если оставишь его в живых, забыты будут боги, прекратятся жертвы, в басни превратится верование наше; христиане возьмут над нами верх и будут осмивать нас; дела их процветут, наше же все попорчено будет. Погуби же его как можно скорее». Царь охотно их выслушал и, склонясь на внушение их, снова призывает к себе Пантолеона и, как приманку, употребляя лесть, принимает вид благосклонного и доброжелательного советчика и говорит: «Послушайся меня, Пантолеон, добро тебе советующему, и пожри богам; да не погубишь цвета юности твоей. Не видишь разве, что те, которые не согласились это сделать, в воздаяние за то получили тягчайшие муки и самую смерть. Свидетель этому – недавно жалкой умерший смертью Анфим-старец. Я же жалею тебя и не хочу, чтоб ты так зло погиб. Но верно знай, что тебя, конечно, ожидают многие и страшные мучения, если ты окажешь такое же непослушание».

Святой Пантолеон, и советы такие, как пагубную лесть, оставляя без внимания, и угрозы, как вещи паче сновидений слабейшие презирая, сказал: «Не думай, государь, ни ласканием меня склонить, ни угрозами утратить. Ибо что из благ мира сего может пленить, или какой страх земной утратить того, кто не только просто не боится смерти, но блаженным и вожденным почитает умереть за Христа? Я так далек от того, чтоб бояться мук за Господа, что считать буду большим лишением, если не будут наложены на меня множайшие и страшнейшие муки, и снисхождение ко мне в сем отношении буду принимать как крайнее жестокосердие. И добрейшего Анфима я почитаю не жалким, как ты, но наиблаженнейшим, и смерть им приятую предпочитаю всякой жизни, потому что таким концом он преукрасил почтенную старость свою и белизну седин еще паче убелил кровью мученичества своего. Если же он в таких преклонных летах явился столь крепким и стойким, не следует ли мне в таком цветущем возрасте, при всей полноте сил, подъять гораздо тягчайшие страдания, чтоб удостоиться равных с ним венцов? Не надейся же, царь, убедить или утратить меня и тем отклонить от вожденнейшего мне исповедания, в истине которого к тому же я был убежден столькими Божественными знамениями. Я посрамил бы чрез это отца моего и боголюбие матери моей, которою в детстве преднапечатлены были во мне правила христианского благочестия и с которою вместе в вечных стремлюсь упокоиться обителях». Так говоря, святой Пантолеон показал, на кого напал этот величавшийся своим скипетром и троном тиран, который понял, наконец, что надеяться убедить такого все равно, что чаять сетью уловить воздух или руками схватить носимого на

облаках; почему, отчаясь убедить его словом, приступил теперь к попытке достигнуть этого мучениями, что было делом власти, а не мудрости и разума.

Итак, повелевает царь повесить мученика на древе и терзать тело его когтями железными, а бока опалать свечами горящими. Он же, не на раны и опаления обращая внимание, а к Могущему помочь ему возносясь умом и очи возводя на небо, молился: «Господи Иисусе Христе, предстани мне в час сей и подаждь мне терпение, да возмогу до конца понести всякие муки». И тотчас предстал Избавитель, Христос Господь, являсь во образе старца Ермолая, чтоб утешить его и восстановить силы его: «Не бойся, Я с тобою, как в начале обетовал и апостолам, – во всем, что претерпеваешь ты, страдая за Меня». И тотчас, в доказательство Его присутствия, руки мучителей ослабели, когти железные выпали у них из рук и пали на землю, свечи погасли; и царь велел прекратить мучения и снять мученика с древа – не потому, что умилил над ним, а потому, что недоумевал, что с ним делать, или, лучше, потому, что подвигнут был на это силою свыше. Потом, обратясь к мученику, спросил: «Что это у тебя, Пантолеон, за волшебная хитрость, что свечи сами собою погасли и слуги изнемогли?» Он же ответил ему: «Мое волхование Христос есть, Который предстоит мне и Своею всемогущею силою совершает сие». Царь сказал: «Но если я большим подвергну тебя мучениям, что тогда?» Тогда ответил мученик: «В больших муках большую силу Свою явит во мне Христос, подавая мне терпение на посрамление тебя; я же, большие претерпев муки, большее получу от Него за то воздаяние».

Слыша сие, злой мучитель сказал: «Попробую», – и повелел принести коноб большой, и, расплавив в нем олово, ввергнуть в него мученика. Повеление это скоро было исполнено, и мученика повели на это мучение. Он же, ведомый, опять восприимлет устами своими молитву, как некое угасилище и прохладилище, могущее обвеять его прохладой, и такую пред страшным сим конобом воспел Давидову песнь: *Услыши, Боже, глас мой, вегда молиши ми ся к Тебе: от страха вражия изми душу мою. Покрый мя от сонма лукавнующих, от множества делающих неправду* (Пс. 63: 2–3). Так молился он, и тотчас, опять в образе священного старца Ермолая, явился ему Христос Господь, и вместе с ним сошел в коноб: вслед за тем огонь угас и олову возвратилась естественная ему холодность; а мученик опять воспел молитву и ко Господу песнь: *Аз к Богу воззвах, и Господь услыша мя... Вечер и заутра и полудне повем и возвещу, и услышит глас мой* (Пс. 54: 17–18).

Всех других, предстоявших при сем и видевших совершившееся, поразило это изумлением. Один царь в своем оставался неверии и об одном помышлял, какую бы мукою помучить еще мученика, чтоб он или от веры своей отстал, или зле лишился жизни. Некоторые из злых советников его сказали ему: «Повели бросить его в море, и погибнет в глубине его». (Они завидовали могущей быть славе св. мо щей его у христиан). Мучитель согласился на это, повелел слугам навязать большой камень на выю его и так бросить его в море. Слуги, взяв мученика, свели его на берег, посадили в лодку, навязали камень и, отплыв далеко от берега, сбросили его в море, а сами возвратились на берег. Но между тем как слуги исполняли повеленное, свыше готовилась страждущему помощь, которая тотчас и явилась в благопотребный час. Лишь только ввергнут был в море святой, как предстал ему Христос Господь в том же образе святого Ермолая, и камню повелел плыть по воде, подобно легкому листу древесному, а мученика, взяв за руку, как некогда Петра святого, повел по водам – так, что и ноги его сухи оставались. Ибо сей избавитель был Тот, *Которого в мори путие, и стези на водах многих, и следы Его не познаются* (Пс. 76: 20). Так шествовал дивный Пантолеон по водам, хвалебную сплетая песнь Спасающему его, достойную и его боголюбивой души, и чудного дела Спасителя своего, пока не вышел на берег и не предстал царю. Увидев его паче чаяния спасенным, царь вскричал: «Какой сильный ты волхв, Пантолеон, что и море обволхвовал». Отвечал святой: «И море повинуется Владыке своему и творит волю Его». Царь спросил: «Ужели и морем ты владеешь?» Святой мученик ответил: «Не я, но Христос, Господь мой, всей видимой и невидимой».

димой твари Создатель и Владыка. Он как небом и землею, так и морем обладает; и все сущее покорствуется Ему более, нежели тебе, царь, слуги твои».

После сего тиран, все еще желая зле разубедить мученика святого в истине Христовой, нежели сам добре и спасительно убедиться в ней, повелел уготовить звериное позорище вне града, чтоб предать страстотерпца зверям на съедение. Повеление было исполнено; и весь город поспешил на позорище то, желая видеть, как звери будут терзать прекрасного и неповинного юношу. Привели святого мученика, пришел и царь, и опять, то страхом поразить святого желая, то жалеющим его показаться ухитряясь, сказал ему, указывая на зверей: «Эти для тебя и твоей гибели приготовлены, Пантолеон. Итак, если ты сколько-нибудь жалеешь себя, послушайся меня и покажи, что у тебя есть еще настолько ума, чтоб предпочесть смерти жизнь, страданиям – радости и утехе, бесчестью – славу и почет». Святой ответил на это: «Если прежде, когда я не видел еще на деле такого Божия заступления, я не склонялся на твои убеждения, теперь ли, после того, как получил такие опыты попечения о мне Господня, слушаюсь я тебя? Что же и яростью зверей страшаешь ты меня, царь? Тот, Кто расслабил руки твоих мучителей, отнял гнучую силу у огня, олово расплавленное претворил в прохладную воду, устроил ногам моим путь в море, силен всеконечно и здесь теперь усмирить зверей и сделать их паче овец кроткими».

Когда святой мученик, таким образом, легчайшим злом почитая быть растерзанным и съеденным зверьми, нежели поклониться де монам, отказался последовать недобрым советам царя, повелено было взять его и отдать зверям. И пошел к ним исповедник, яко лев, уповая и никакого смущения и колебания не обнаруживая. И как бы это могло быть, когда с ним опять был всегдашний его Помощник в образе Ермолая, внушавший ему не терять мужества и дерзновения? Так, наконец, мученика втокнули на место такой казни и выпустили на него зверей, по повелению лютейшего их тирана. Вот подходят уже к нему звери; и всем присутствовавшим при том думалось, что он тотчас будет растерзан, не сущу избавляющую, ниже спасающую; но не так судил Тот, Кто сказал уповающим на Него: *Вышняяго положил еси прибежище твое. Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему. На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия* (Пс. 90: 9 – 10, 13) И упование не посрамило веровавшего. Звери так далеки были от того, чтоб причинить какой-либо вред святому Божию, что казалось, будто это были не звери лютые; и что я говорю – не звери, даже не животные, разума лишенные, а, напротив – такие, которые принадлежат к числу разумных существ: ибо они с большим благоговением подошли к мученику, ласкались к нему, любительно лизали ноги его, и о том только спорили между собою, кому прежде другого подойти к нему, и подходивший не прежде отходил от него, как по возложении на него мучеником руки и благословении его. И виделось тогда дело невиданное. Поелику в то время люди так омрачились и растлились, что превзошли неразумие бессловесных и лютость зверей, – во-первых, тем, что не почитали Создавшего их, а во-вторых, тем, что тиранили чтущих Его, то Бог, все устрояющий к вразумлению нашему, благоволил явить такое превращение, чтоб звери предстали в виде разумных тварей, подражающих свойственной людям кротости, выставив их, таким образом, неложными возвестителями крайнего растления людей и Своего неизреченного к ним милосердия. Присутствовавшие там, быв поражены совершившимся чудом, воззвали: «Велик Бог христианский! Он один есть истинный Бог! Да будет отпущен неповинный и праведный юноша!» Что же царь, который один тогда оставался зверем, лютейшим всех зверей? Исполненный ярости и гнева, изводит воинов с обнаженными мечами на тех, которые славили Христа Бога, и они избili многих, уверовавших тогда во Христа Господа. Затем обращает гнев свой на зверей, и всех их тут же истребить повелевает, как бы завидуя явленной ими разумности и не снося исходящего от них обличения. Видя то, св. мученик воззвал: «Слава Тебе, Христе Боже, что не только люди, но и звери умирают Тебя ради». – И пошел царь с позорища к себе, скорбя и яряся, а мученика повелел ввергнуть в темницу. После того избивенных за имя Христова взяли верующие и пре-

дали честному погребению; а звери оставлены были открыто на месте на съедение псам и птицам плотоядным. Они пролежали там много дней, но ни один пес и ни одна птица ни коснулись их, и трупы их не подверглись тлению. Устроил сие Господь, чтоб и этим почтить еще более страстотерпца Своего, и при сем неверных к вере обратить, а верных в вере утвердить, что и было. Уведав о сем, неразумный царь велел вырыть ров глубокий и засыпать там избивенных зверей, таких явных обличителей его неразумия.

Затем Максимиан, недоумевая о всем случившемся, обратился к своим и сказал: «Что бы такое еще сделать с Пантолеоном, ибо видите, как много народу отпало уже от богов наших». Те говорят ему: «Пусть сделают колесо и вознесут его на высокое место; потом, привязав к нему Пантолеона, пустят его по скату. И будет, что колесо, стремительно катясь вниз, изотрет его на части, и злой зло погибнет таким образом». Так советовали люди, готовые на всякое зло и изобретательные на средства к нему. Но Бог, призирающий на возлюбивших Его, не оставил Пантолеона и теперь и охранял его, как возлюбленное чадо Свое. Пока готовилось колесо, он содержим был в темнице под стражею. Когда же оно было приготовлено и вознесено на назначенное место, собралось опять множество народа и пришел царь; привели и св. мученика и стали привязывать к колесу. Между тем как это происходило, св. мученик пел псалмы, молитвенно призывая Господа на помощь. Господь же был близ, и в тот момент, как колесо направили и толкнули вниз, разрешил привязи – мученик остался на месте невредим, а колесо понеслось вниз одно

и поразило многих неверных. Так познается Господь, судьбы творяй, и в делах руку своею уязвляет грешник (Пс. 9: 17). Так Бог отмщений не обинулся есть (Пс. 93: 1). Страх потряс весь город от всех сих дивных дел, коими Бог прославляется во святом Своем. Изумился и царь, но, как упившийся и утолстевший злобою и нечестием, не был способен приять и малого луча света веры. Почему, в той же вращаясь тьме, начал пытаться святого: «Откуда все это? И доколе будешь ты одних из народа нашего отвращать от богов, а других поражать смертью, чтоб в этих мы несли потерю, а в тех имели противников себе? И кто, скажи мне, научил тебя такому волшебству, что тебя одолеть ничем нельзя?» Святой мученик отвечал: «Не волшебству научен я, а святой вере Христовой и истинному христианскому благочестию; и действую не я, но действует во мне Христос, Бог всемогущий». – «А в вере этой кто был для тебя учителем? – спросил царь. – Кто научил тебя христианству?» Святой мученик сказал: «Христовой вере меня научил св. старец, пресвитер Ермолай». – «А где он? – спросил царь. – Я хочу его видеть».

Святой мученик так прямо и откровенно указал на Ермолая в той уверенности, что не следовало такому светилу укрыту быть нигде в углу. Почему, когда царь обнаружил желание видеть его, святой Пантолеон, полагая, что и святому Ермолаю пришло время украситься венцом мученическим, вместе же с тем чая, что его слово, может быть, подействует благотворнее на мучителя, так как знал по опыту, как его язык и ум умеют уловлять и пленять в послушание Христово, сказал царю: «Если велишь, я призову его к тебе». Отпущен был святой и пошел с тремя воинами, коим вверено было блюдение его. Когда пришли в дом, где укрывался св. Ермолай, он, увидев Пантолеона, спросил: «Что пришел ты, сын мой, и зачем?» Святой мученик ответил: «Царь зовет тебя, господине, отче мой». Старец отозвался: «Я знал это; пришло время и мне пострадать и умереть за Христа, как Сам Он открыл мне это в нынешнюю ночь». Сказав это, старец, радуясь, пошел с мучеником и предстал царю. Увидев его, царь спросил, кто он и как имя его. Он сказал имя свое, а с именем и веры своей не потаил, назвав себя христианином. Царь спросил: «Имеешь ли ты там с собою и других христиан?» Истиннолюбец не потаил и этого и назвал Ермиппа и Ермократа. Царь велел представить и их себе, и, когда они пришли и стали с Ермолаем, спросил: «Это вы отклонили Пантолеона от поклонения богам?» Они отвечали: «Сам Христос Бог наш, кого видит достойным, призывает к Себе, изводя их из тьмы идолобесия во свет познания Своего». Царь сказал им: «Оставьте ныне это пустословие; и, если хотите и в этой прежней вашей вине прощение получить и стать в числе любим-

цев моих и больших почестей удостоиться, убедите его опять приносить жертвы богам». Они отвечали: «Как можем мы это сделать, когда и сами вместе с ним желаем умереть за Христа, Бога нашего? Нет, царь, ни он, ни мы не отречемся от Христа и жертвы глухим и бездушным идолам не принесем». Сказав это, они обратили ум свой к Богу и, очи на небеса возведши, стали молиться. Им явился Господь Спаситель, и место то с шумом потряслось.

Царь при этом, будто обезумевши, сказал: «Это боги разгневались и потрясли землю». Святой Пантолеон, сколько разумно, столь же и мужественно, отозвался на это: «А что, если и боги твои попадали на землю?!» Не успел он кончить этих слов, как кто-то из придворных прибежал и возвестил царю именно о таком бедствии. «О, царь! Боги попадали и поразились», – сказал он. Так-то эти боги, страшные и землю потрясающие, по бедственному падении своем валялись по земле, представляя предмет, достойный всякого посмеяния для всех, которые не слепы подобно им и не окамененны. И другой кто-нибудь, хотя мало имеющий смысла и не одним видом отличающийся от неразумных животных, видя это, пришел бы, конечно, к заключению, что есть истинный Бог, могущий совершать такие дела. Но не таков был царь-тиран. Насколько стал он лучше и какую пользу получил от совершившегося пред ним Божия знамения, ясно показывает то, что он вслед за тем сделал. Не силе Божией приписывая случившееся, а видя в нем дело христианского волхвования, сказал он: «Если волхвов этих не потребить тотчас, то не дивно, если и весь город скоро погибнет». И повелел Пантолеона великого отвести на это время в темницу; а старца Ермолая и с ним двух других, помучив побольше, усекнуть мечом. Таким образом, эти три святые мученика, Ермолай-пресвитер и сослужители его, Ермипп и Ермократ, страдальческий свой совершив подвиг, вместе предстали Пресвятой Троице во славе небесной. А тела их, оставленные на месте посещения, были взяты христианами и преданы земле с достоуважаемой честью.

По убиении святых трех мучеников царь опять позвал к себе Пантолеона из темницы и сказал: «Думаешь ли ты, что избежишь моих рук живым, если наперед не приступишь принести богам жертвы? Ермолай, учитель твой, с обоими друзьями своими, Ермиппом и Ермократом, рассудили, что лучше покориться мне и принести богам жертвы, за что и награду уже получили, быв поставлены на первые места во дворце моем. Если б и ты поревновал такому добродетели их изменению, Пантолеон, то увидел бы, что если я тяжел в наказании непокоривых, то, несравненно, более щедр в благодетельствовании послушных». Это о святых мучениках, будто они послушались его, сказал он с лукавством на прельщение юного страстотерпца. Но от него, Богом просвещаемого, не могло укрыться, что тиран уже порешил их. Почему он сказал царю: «Повели прийти им сюда, чтоб я увидел их предстоящими лицу твоему». Максимиан, все еще не переставая лукавствовать и не имея, что сказать здорового, так как, говоря словами пророка Исайи, на ложь возложил надежду свою и ложью судил прикрываться (Ис. 28: 15), ответил святому: «Их нет здесь; они, по некоей настоятельной нужде, посланы мною в другой город». На это святой мученик заметил ему: «И нехотя сказал ты правду, когда любишь одну ложь; мученической смертью ты отослал их отсюда на небеса, во град Христов, где они и пребывают теперь».

Видя, таким образом, что святой Пантолеон нисколько не склоняется к идольскому зловерию и тверже всякого утеса стоит непоколебимо в своей вере, не трогаясь ни лестью, ни убеждениями, ни обещаниями даров, ни угрозами мук, ни другим чем-либо, увлекательным или устрашающим, царь повелел нещадно бить его бичами на много часов, не потому чтоб надеялся чрез то в чем-либо успеть, но чтоб хоть немного утолить гнев свой и потом осудить Пантолеона на посещение мечом и на сожжение после того тела его огнем.

Тогда воины взяли его и повели за город на посещение. Святой же, идя на смерть с радостью от уверенности, какие утешения тотчас встретят его на небе за все такие мучения, следующую пел Давидову песнь: *множищею брашася со мною от юности моя, и не премогаема. На хребте моем делаша грешницы, продолжиша беззаконие свое. Господь праведен ссече*

выя грешников (Пс. 128: 2–4). Когда воины, проведши мученика от города расстоянием более одного поприща, привели на место, где благоизволил Господь рабу Своему скончаться, тогда и здесь Бог явил во святом Своем чуде, не меньшее прежних. Стояла на том месте старая маслина. К той маслине привязали страстотерпца, и один из воинов, дав подобающее положение телу его, в исполнение определенной казни, ударил его в выю мечом; но удар не произвел никакого действия; лезвие меча, воску подобясь, заворотилось, и на вые святого не осталось ни малейшего следа сечения.

Трепет объял исполнителей казни, и они, воззвав: «Велик Бог христианский!», пали к ногам святого и того, кого пред сим считали недостойным жизни, как осужденного на бесчестную смерть, начали умолять о помиловании и заступлении пред Богом, исповедуя веру свою во Христа и раскаиваясь, что в неведении дерзнули поднять руки свои на него. Святой мученик не только сам простил им, что они ему сделали, но и у Христа Господа испрашивать им стал всякое помилование. Когда же он молился об этом довольно, услышал глас свыше, удостоверивший об исполнении просимого и возвещавший об изменении имени его, говоря: «Отселе будешь ты именоваться не Пантолеон, но Пантелеимон». Этим именем нарек его Господь, явно давая ему благодать миловать всех притекающих к нему во всех бедах и скорбях.

Услышав такой глас и удостоверившись, какого сподобился дара, святой Пантелеимон в безмерной радости обратился теперь к исполнителям казни, приглашая их немедленно совершить то, что повелено им от тирана. Те отказывались, уверяя, что никак не могут принудить себя поднять на него руки, что боятся и трепещут этого. Когда же святой удостоверил их, что такова воля Божия, и что если они исполнят это, то сделаются причастниками мученичества, а если не исполнят, то не получают никакой милости от Христа Господа, тогда, хотя не без колебаний, согласились они, наконец, приступить к сему нелегкому делу. Но прежде того возжелали изъяснить полное свое благоговение к святому лобзанием всех членов тела его; и тогда уже приступили к делу, повелев одному из своей среды отсечь мечом мученикову главу.

И опять последовало чудо за чудом, так как Господу благоугодно было еще более прославить прославившего Его столькими страданиями страстотерпца. Ибо у святого вместо крови истекло млеко, а маслина, к которой он был привязан, вся покрытая стала плодами от корня до верха. Видя то, многие из народа, бывшего при сем на том месте, уверовали во Христа. Когда это дошло до слуха тиранствовавшего царя, он повелел древо то срубить, рассечь на части и сжечь в огне вместе с телом мученика, которое еще прежде уже было приказано предать огню. Приказание это было исполнено. Когда потом угас огонь, верующие, приблизясь, нашли тело святого неповрежденным от огня и похоронили его благочестно и священнолепно, недалеко от места усечения, на поле, принадлежавшем некоему Адамантию Схоластику.

Домашние мученика, Лаврентий, Васой и Правриан, следовавшие неотлучно за ним во все время его страдания, все видевшие и глас с небес слышавшие, написали житие его и страдание и предали церквам в память мученика и в назидание чтущих и слушающих, во славу же Христа Бога нашего, со Отцем и Святым Духом славимого, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Часть II

Посмертные чудеса великомученика Пантелеимона

Прославляющих Мя прослаблю, – изрек дивный во святых Своих Бог (1 Цар. 2: 30). И святой великомученик Пантелеимон, словом и делом прославивший Господа при жизни, сугубо прославлен и прославляется Им на небе и на земле! Ущедрив святого страстотерпца при жизни благодатию неизреченных чудес, всесильный Бог не оставляет прославлять святого великомученика и по смерти, даруя ему силу чудотворения в исцелении различных болезней и скорой помощи всем, которые, в трудных обстоятельствах жизни, прибегают к нему с верою и благоговейным усердием. К сожалению, чудеса эти в свое время не были никем записываемы, и потому у восточных христиан остались о них одни лишь слабые предания. Даже и в Русской обители, устроенной издревле во имя святого Пантелеимона на Святой Афонской Горе, не было прежде делаво записи чудес великого заступника обители, всегда обильно изливаемых им на людей, просивших его святой помощи. Братия обители о некоторых чудесах сохраняли лишь благоговейные воспоминания и, во взаимное назидание и утешение, передавали о них друг другу устно, не считая нужным это записывать, так что одни только хрисовулы, или дарственные грамоты, от разных царей и владетельных князей, сохранили достаточное свидетельство о том, что чудеса от святого великомученика и целителя Пантелеимона всегда струились неистощимым потоком.

* * *

Хрисовулом от июля 1744 года, воевода¹ молдавский, Иоанн Иоаннович Николаи, свидетельствовал, что в этом году в Яссах² свирепствовала страшная чума и народ падал под этим бичом кары небесной, как колосья под серпом жнеца. Когда же туда принесена была честная глава святого великомученика Пантелеимона и было совершено на площади молебствие с освящением воды, то чудеса пролились бесчисленные (так выражено в хрисовуле); чума прекратилась, и сам господарь получил исцеление. В память этого события и как бы в знак благоговейной благодарности за милость небесного врача воевода даровал сию грамоту, вместе с милостынею, монастырю святого Пантелеимона на Афоне.

* * *

Чрез несколько лет после этого, в 1750 году, глава святого великомученика снова, по просьбе жителей, была принесена в Молдавию, и снова там, по вере благочестивых христиан, совершились от святого целебника многочисленные чудеса. Об этом свидетельствовал хрисовулом господарь Иоанн Константинов. Не перечисляя чудес, он подтверждает только, что и над собою узрел чудо угодника Божия и что во всем его княжестве чудеса от святого Пантелеимона струились источником.

¹ Воевода – господарь, владетельный князь.

² Тогдашняя столица Молдавии.

* * *

Слава о чудесах святого страстотерпца разнеслась по всем местам княжества Молдо-Валахского; во всех уголках его знали о них и с благоговением передавали друг другу. Но усердие тамошних христиан к святому угоднику не ограничилось этим. Они вскоре возжаждали опять увидеть и облобызать святую и честную главу, точащую благодать исцелений, и она, по просьбе их, в 1754 году снова была принесена в Молдо-Валахию. Там святой страстотерпец Пантелеимон снова, по данной ему от Господа благодати, совершил множество чудес и прославил себя среди православных, с таким усердием и верою искавших его благодатной помощи и заступления.

Свидетельствуя о бесчисленных чудесах, совершенных в то время святым великомучеником, господарь Иоанн Григорьевич Гика, хрисовулом от 1754 года, в знак своей и своих подданных признательности святому страстотерпцу, даровал монастырю, во имя его воздвигнутому на Афоне, право на получение ежегодной пенсии из государственной казны.

После этих удостоверений о чудесах угодника Божия, совершившихся в давнее время, мы приведем теперь и свидетельства более поздние, и их, по скудности наших сил и по богатству благодати святого многоцелебника, как некие крохи от изобильной трапезы царской, предложим христианскому вниманию боголюбивых читателей, с искренним желанием, чтобы и на них излилась благодать милостивого целebника, подобно как она изливалась на других, прибегавших к нему с усердием, дабы совокупно с ними прославить имя благого Бога, творящего преславная и дивная чрез Своего угодника, великого страстотерпца Пантелеимона.

* * *

Вследствие перехода в 1735 году древней Русской на Афоне обители во власть греков, она лишилась постоянной помощи от России и, сколько чрез это, столько или еще более от своей жизни своих обитателей³, начала быстро склоняться к упадку, так что Протат⁴ обратился к Патриарху Константинопольскому Каллинику с просьбой о совершенном закрытии монастыря и о продаже его угодий. Но всеустраивающий Промысл Господа, по молитвам святого угодника Своего, благоволил устроить дело иначе; представление Протата послужило лишь к тому, что Патриарх обратил особое внимание на причины упадка столь древней и славной обители росссов. И по воле Патриарха и по благому смотрению всеуправляющего Промысла Божия, решено было восстановить монастырь святого Пантелеимона новым сооружением при море и учредить в нем общежитие. Для осуществления этой благой мысли Патриарха был вызван в Константинополь известный по строгости своей жизни старец Ксенофского скита Савва, которому Патриарх объявил свою волю и обещал полное содействие и помощь для восстановления обители. Старец Савва провел четыре года в Константинополе для сбора милостынных подаваний, но сбор его все-таки был весьма недостаточным для того, чтобы можно было приступить с ним к построению нового монастыря. И хотя у старца оставалась еще надежда пополнить этот сбор обещанною помощью от Патриарха, но в этом, вследствие начинавшейся тогда войны турок с Россией, ему решительно было отказано.

Получив такой отказ Великой Церкви и не имея уже никаких видов на стороннюю помощь, старец предался глубокой скорби и не знал, что предпринять. Тогда сам святой стра-

³ В то время монастырь не был общежительным.

⁴ Афонский синод, или кинот.

стотерпец Пантелеимон принял участие в деле этого построения и явил чудодейственную помощь новому игумену Русика – Савве – к возобновлению его монастыря.

Незадолго пред тем заболел великий драгоман⁵ Порты князь Скарлат Каллимах; болезнь его усилилась и, несмотря на все медицинские пособия, нисколько не уменьшалась, но возрастала более и более и, наконец, признана была докторами за неизлечимую. Больной находился уже при последних минутах жизни... В эти-то скорбные для семейства и всех знавших князя дни, убедившись в недейственности земных лекарств и зная от врачей о неизбежной кончине князя, стали просить старца помолиться святому целителю Пантелеимону за угасающую жизнь дорогого им больного. Маститый старец с любовью согласился исполнить их желание, но при этом требовал и от них горячей молитвы к святому страстотерпцу. Все выразили искреннее согласие на это требование и свою веру в чудодейственную силу святого Пантелеимона, причем и сам болящий князь объявил торжественно, что если только святой великомученик исцелит его от смертоносного недуга, то он даст обет быть ктиторм (строителем) возникающей во имя сего угодника Божия обители на Афоне. Тогда старец приступил к совершению молебствия святому Пантелеимону с водоосвящением... И пламенна была молитва всех присутствующих к великому угоднику!

По окончании молебна игумен Савва окропил болящего святою водою и, вместо врачевства, дал ему выпить отвар афонских трав с тою святою водою. На другой день князь Скарлат был уже совершенно здоров.

Получив столь знаменательное исцеление, князь свято исполнил свой обет и при деятельном попечении об устройстве обители сделал для нее весьма много, в особенности, когда, отслужив положенные законом лета в должности драгомана, он вступил, по воле драгана, на престол Молдавии. Воздвигнутый его пособием при море монастырь, в малом, конечно, объеме, цел и красуется теперь на юго-западном склоне Святой этой Горы, лучи распространяя; он был приведен впоследствии в подобающее ему благолепие щедротами благотворительной России.

Кроме этого дивного исцеления князя Каллимаха пребывание старца Саввы в Константинополе ознаменовано было еще и другими многими чудесами от святого страстотерпца Пантелеимона. Слава об этих чудесах угодника Божия распространилась далеко на восток и, по возвращении старца на Афон, заставила многих снова обратиться с просьбой к нему привезти в Царьград святые мощи великомученика. Игумен Савва, уважая искреннее усердие христиан константинопольских, привез туда с Афона святую главу угодника Божия; служил, по желанию усердствующих, молебны с водоосвящением, окроплял святой водою молившихся и искавших какой-либо помощи у святого, давал пить им эту воду, и чудеса от святых мощей многоцелебника умножались с каждым днем, так что у старца, наконец, неостало сил исполнять требования всех тех, кои желали принять в свои дома святые мощи великого угодника. Но Христос страстотерпец, как безмездный врач, обильно награждал усердствующих – и тех, которые молились, и тех, кои желали только молиться при его святых мощах, помогая каждому в его нуждах. Чудодейственною его силою больные, одержимые разного рода недугами, исцелялись, слепые прозревали, прокаженные очищались, бесы изгонялись. Слава о таковых чудесах все более и более распространялась в народе, и игумену монастыря Русика, Савве, начала даже угрожать опасность лишиться жизни от врагов веры христианской – магометан, которые не могли сносить сего торжества Православия, как явного обличения их зловерия. Но заступлением святого покровителя и чудотворца Пантелеимона маститый старец был сохранен от их злобной мстительности.

⁵ Переводчик. Один из придворных чиновников в Османской Порте.

* * *

В это же время у главного султанского врача-католика была одержима жестоким беснованием единственная дочь его; а известно, что врачебная наука не имеет средств для лечения больных такого рода. Врач находился в тяжком прискорбии и говорил, что не пожалел бы ничего для излечения своей дочери; но, при всем том, не находил никого, кто смог бы помочь ей. С прибытием старца Саввы в Константинополь, когда уже слава о чудесах и исцелениях от святого великомученика Пантелеимона распространилась между многими в Константинополе, отец бесноватой тоже услышал об этой благодатной силе, исходящей от святой главы великомученика, и, несмотря на то, что не принадлежал к Православной Церкви, решился призвать в свой дом игумена Савву со святыми мощами. Старец не отказался; отслужив у больной молебен, он позволил ей (прикованной цепями к стене) приложиться к святым мощам и, по убедительной просьбе отца, остался в этом доме на всю ночь, чтобы усугубить молитвы к святому целителю; святые же мощи, возложив с ковчегом на большое блюдо, поставил в комнате, где больная была прикована.

На другой день, когда игумен и родные больной пришли в эту комнату, то, к удивлению всех и к славе святого великомученика Пантелеимона, узрели дивное чудо: блюдо, на котором лежала святая глава угодника, было полно мира, истекшего от святых мощей, и бесновавшаяся была уже совершенно здоровою. Прославив вместе с семьей врача Милосердного Бога и святого страстотерпца Пантелеимона, старец Савва в то же время был утешен присоединением всего этого католического семейства к Православной Церкви; истекшее же миро оставил исцеленной девице, так как ради нее и в ее комнате благоволил угодник Божий источить его.

* * *

При жизни того же игумена Саввы в монастыре Русском находился один наемный врач, намеревавшийся здесь остаться навсегда и послужить Господу в монашеском, ангельском, образе; но, прожив немного, он подвергся обычному в монашестве искушению, которым испытывается произволение человека и познается твердость его намерения и истинность любви к Господу. Спадший с неба денница, желая отклонить врача от избранного пути, стал внушать ему, что он и в миру может угодить Богу и там может совершать добрые дела, а между тем жить в довольстве, не терпя тех лишений, которые неизбежны в монашеской жизни. Искушаемому и еще неопытному в различении козней диавольских нетрудно было увлечься такими внушениями вселукавого, всегда прикрывающего свое коварство какими-либо благовидными предложениями; нетрудно потому особенно, что врач, кроме основательного знания своей науки, обещавшего ему безбедную жизнь в городе, имел еще у себя значительную сумму наличных денег. Признав намерение свое вступить в монашество неосновательным, он решился устроить (как это бывает с искушаемыми) жизнь свою в миру так, чтобы и Богу угождать, и себя не стеснять. Такое уклонение он считал непогрешимым, а потому объявил игумену о перемене своего намерения и на следующее утро полагал даже окончательно оставить монастырь. Но, видно, светлые эти (по его мнению) рассуждения не были угодны Богу, всегда пекущемуся о нашем спасении любоблагоутробно и милосердно. Братия обители, узнав об отъезде доброго врача, пришли утром проститься с ним и проводить его; но, к ужасу своему, нашли его до того обезображенным, что он не имел и вида человеческого: голова и все тело его до того опухли, что больно было смотреть на несчастного! Волосы с головы и длинной бороды его отпали, неестественная опухоль всего тела сделалась так велика, что трудно было пронести его в дверь. Он несколько не был и похож на человека, и только по голосу, едва слышному, могли узнать в нем несчастного врача, только вчера виденного ими в полном здоровье.

С искренним раскаянием в своем заблуждении он чуть слышным голосом просил пришедших, чтобы взяли деньги его и имущество и отнесли к игумену, а вместе попросили бы его немедленно прийти к нему для прочтения разрешительной молитвы, ибо он чувствовал себя на краю жизни.

Игумен, услышав о случившемся, не замедлил явиться к заболевшему; принес с собой и святую главу великомученика Пантелеимона. Совершив молебствие с водосвятием, он окропил страждущего святой водою и осенил его святыми мощами, и, когда потом умирающий с сокрушенным духом стал испрашивать у игумена и братии прощение в недавнем своем заблуждении, то, к величайшему удивлению всех, опухоль тут же стала опадать и быстро уничтожилась. Врач выздоровел и, возблагодарив из глубины признательного сердца своего целителя, объявил о решительном уже своем намерении навсегда остаться в обители святого Пантелеимона; с тем вместе начал просить и убедил игумена немедленно совершить над ним святое пострижение. С именем схимонаха Филофея врач этот переселился из временной жизни в вечную, прожив по исцелении своем в обители пять лет.

* * *

В то же время, при игумене Савве, в числе братий обители нашей находился один монах, по имени Азарий. При всей своей внешней деятельности и усердии, он был непостоянен в решимости служить Господу в иноческом образе и потому очень часто подвергался искушениям от диавола, силившегося отклонить его от преднамеренной цели и возвратить в мир, к прежней его семейной привольной жизни. В самом начале поступления Азарий исполнял весьма рачительно возложенное на него послушание – варил пищу рабочим, и притом столь успешно, что заменял собою троих. Но исконный враг человека, *рыкающий яко лев, иский кого поглотити*, заметив эту ревность и заботливость о спасении в иноке, стал сильнее нападать на него и увлекать его помыслами снова возвратиться в мир, под предлогом воспитания трех оставленных им чужих детей. Борьба эта продолжалась в Азарии много лет, и даже тогда, как эти дети не имели уже в попечителе никакой настоящей надобности, ни вещественной, ни духовной. И вот он, несмотря на увещания попечительного игумена и духовника, решился оставить обитель и отправился из нее с сокровенно питаемыми в сердце преступными целями, прикрывая их благовидным предлогом. Но лишь только он вышел из ворот, как увидел, что вместо моря, над которым стоит монастырь, расстилается обширное поле. Это чрезвычайно удивило его. И когда он стал осматриваться и размышлять, что бы это значило, то вдруг увидел едущих к нему с полуострова Сики (более чем в 30 километрах от Афона. – *Ред.*) трех всадников-арабов, которые стремительно неслись к монастырю и мгновенно подъехали к нему. Такая нечаянность поразила Азария; но в то же время он увидел, что из святых ворот обители вышел молодой человек, лет восемнадцати, с прутиком в руке: он шел прямо к всадникам и, как имеющий власть (подобно хозяину, поступающему с нападающими ворами), начал наносить им удары прутиком, говоря: «Что вам нужно, сыны погибели? Мало вам геенны, в которую сами осуждены, хотите еще увлечь и из моей ограды овцу – мое приобретение... Нет вам части здесь, удалитесь отсюда!» И при этих словах арабы, под ударами юноши, исчезли.

Нетрудно понять, кто были арабы и кто прогнавший их юноша. Демоны считали Азария уже явной своей добычей и, конечно, сделали бы то, что устроили в своей адской злобе, которая только и ищет погибели всякого, но Всемилостивый по имени, будучи милостив к требующим у него помощи в вещественных нуждах и болезнях телесных, тем более милостив к страждущим душевно. Видел угодник Божий Пантелеимон решительное намерение монаха оставить обитель; больно ему было уступить свое, как он выразился, приобретение во власть демону, и потому он не замедлил явиться в решительную для старца минуту, чтобы поразить явившихся бесов. Затем святой Пантелеимон обратился к Азарии и со скорбью попечительного отца ска-

зал ему: «А ты, гнилой старче, что не даешь мне покоя, постоянно тревожишь меня?» И, как в наказание, ударил его по правому боку тем же самым прутиком, которым отогнал от него бесов, отчего в то же мгновение вся правая сторона тела виновного усохла до руки. После этого Азарий едва мог двигаться, и то с помощью костылей; а когда садился или ложился, то уже не мог встать без помощи других. Это чудодейственное, милостивое вразумление святого Пантелеимона имело благотворное влияние на расстроенное состояние духа Азария и оставило его окончательно в обители. Впоследствии он назначен был привратником в монастыре и умер в 1836 году.

* * *

В двадцатых годах XIX столетия был на Афоне сильный пожар, угрожавший явной опасностью всей обители. Прекращение его чудодейственной помощью святого великомученика Пантелеимона было поразительно! Пожар этот произошел оттого, что в недалеком от монастыря расстоянии начали выжигать дерн (сухую траву и негодные кустарники), но неожиданно поднялся сильный ветер и разнес пламя на большое пространство; огонь охватил лес и скоро окружил обитель. Братия поспешили было принять необходимые меры, чтобы остановить разлив пожара, но он взял такую силу, что ничего уже нельзя было сделать. В это время общей тревоги один из иеромонахов, по имени Кирилл, пришел в церковь, упал пред иконой святого Пантелеимона и со слезами начал молиться великомученику о сохранении обители от огня и об утшении пожара. И – о как скор всемилостивый чудотворец ко услышанию молящихся к нему с теплою верою! – не успел еще иеромонах кончить молитвы, как внезапно показалось темное облако, быстро несшееся по горизонту к свирепствовавшему пламени; будто из ведра полился дождь и продолжался более часа. Пожар прекратился; настала прежняя тишина и порядок, и все, не только монахи и бывшие при этом христиане, но и турки, случившиеся здесь в числе десяти человек, были глубоко поражены этим великим чудом, совершившимся пред их глазами.

* * *

Страшная эпидемия 1830-х годов опустошительно действовала во всей Молдавии и преимущественно в главном ее городе – Яссах. Не было никаких средств избавиться от этого бедствия и остановить поток разлившейся смертности. Тогда благочестивые жители Ясс, вспомнив о бесчисленных, бывших в пределах их, чудесах святого великомученика Пантелеимона, поспешили и в эту годину общего бедствия обратиться снова к нему с молитвой, и по усиленной их просьбе святая глава целителя была привезена из нашей обители в Яссы. Жители этой столицы, собравшись все, от мала до велика, просили совершить на площади, пред мощами святого Пантелеимона, молебствие с водосвятием, приготовив для сего предварительно несколько параутов (кадушек), наполненных водой. Такое благочестивое усердие граждан не осталось без особого благомилостивого воздаяния от святого великомученика: лишь только жители разобрали, после молебна, освященную воду и разнесли ее каждый в свой дом, как холера прекратилась. Важное событие это совершилось в 1830 году при игумене Герасиме, который в то время лично был со святыми мощами в Молдавии и сам совершал водоосвящение.

* * *

В том же, 1830, году небольшое монастырское судно, под распоряжением греческого старца N., отправилось в недаленое плавание к Каламарии⁶, чтобы доставить туда нужные для монастырских поделок доски. Когда судно отплыло, ветер был умеренный и попутный, но потом вдруг переменял свое направление, и в короткое время поднялась сильная буря, угрожавшая явной опасностью для плавающих, тем более что при наступившей ночи и густом тумане вид окрестных островов и берега македонского материка совершенно скрылись. Во время столь грозного бедствия старец N., не видя других средств к спасению, обратился, с находившейся на судне братией, к усердной молитве о помощи к покровителю обители святому страстотерпцу Пантелеимону, и великий угодник Божий не замедлил явить им свою обычную милость, и явил ее досточудно. Во время самой молитвы старец увидел, что на корме, вместе с лоцманом-монахом, сидит какой-то молодой человек и управляет рулем. Явившийся был в одеянии, подобном тому, какое обыкновенно братия носят во время трудов на монастырских работах.

Пораженный таким видением, старец-капитан решился лично удостовериться в действительности увиденного и узнать, кто этот внезапно явившийся между ними. Для этого он, держась за протянутую вдоль судна веревку, прошел кое-как от носа до кормы, но у руля, кроме сидевшего там старца-лоцмана, не нашел никого. Лишь только старец, которому открыто это было, рассказал рулевому о видении молодого незнакомца, как оба они увидели его стоящим вместе с другими уже на носу судна. Радостный трепет овладел ими! Тогда капитан, оставив рулевого, поспешно пошел опять к носу судна спросить у явившегося юноши: кто он и каким образом очутился с ними? Но, пришедши туда, к величайшему своему удивлению, опять не нашел его там среди братий, а, посмотрев снова на корму, увидел этого молодого человека сидящим по-прежнему подле рулевого и управляющим судном. В это время увидели явившегося и прочие братия. После этого, забывая опасность и все трудности бурного плаванья, старец N. воскликнул: «Ободримся, братия! С нами святой великомученик Пантелеимон! Он сам управляет нашим судном – и мы спасены!» Тут все единодушно стали молиться и прославлять скорого своего помощника, страстотерпца Пантелеимона, явившегося к ним для спасения в самое бедственное для них время. Пока они молитвенно славили святого заступника, сила бушевавшего ветра как бы истощилась, буря утихла: повеял легкий попутный ветер, при котором братия скоро достигли места своего назначения. Там они рассказали всем бывшим о дивном своем спасении, во время явной опасности, помощью всемилостивого их попечителя и хозяина обители, святого Пантелеимона, явившегося им на судне среди открытого моря.

Тот же простодушный, исполненный евангельской любви и незлобия старец и еще однажды был спасен святым великомучеником от крушения судна на море. Это было в 1849 году. Тогда находившаяся в каюте икона святого страстотерпца оказалась мокрой: крупные капли, как бы от пота, выступали по ней и скатывались на другие, внизу утвержденные иконы, которые, в большую достоверность сего чуда, все были сухи; и в каморе не было никакой сырости; знамение это старец принял за непосредственное выражение и как бы в удостоверение того, сколько и как святой Пантелеимон трудился в спасении судна. Собравши эту священную влагу ватой, старец впоследствии раздал ее усердствующим.

Но, кроме сего, он еще дважды удостоился лицезрения святого великомученика. Первый раз – в 1836 году, когда святой Пантелеимон видимым образом провожал посланного с Карей до монастыря: в то время этот старец стоял у святых ворот монастыря и о чем-то разговаривал с привратником. Когда он увидел пришедшего письмоносца с проводником, который, как он

⁶ Местность близ Солуни, принадлежащая Афонским монастырям.

сам слышал, отказался от предлагаемого ему отдыха и ужина, то тут же вручил пришедшему хлеб, чтобы он передал своему проводнику в благословение от святого великомученика, как это всегда делается в монастыре. Во второй раз (1863) святой постучался к старцу в дверь его кельи, по обычаю монашескому, с молитвой, и, когда он отворил, то страстотерпец Христов велел ему идти за собой (это было среди дня, когда братия отдыхали после бдения) и вывел на площадь монастырскую, сел на белого коня, объехал вокруг собора (посвященного его имени) и, обратясь к старцу, повелел ему идти и варить ужин на братию, т. к. он в это время проходил послушание магера (повара). Все время старец безмолвно следил за явившимся и смотрел на него, как на лицо обыкновенное (так покрывает благодать Божия в этих случаях), и только когда уже святой вдруг стал невидим, он познал, что ему было явление святого великомученика – хозяина и попечителя обители. Слезы несказанной радости полились у старца, и он долго не мог утишить в себе благодатного волнения. Надо при этом заметить, что оба явления святого великомученика Пантелеимона были в важных для обители обстоятельствах и служили признаком благой перемены дел, что и совершилось вскоре в пользу обители и в утешение скорбевшего тогда братства оной.

* * *

Родная сестра логофета (канцлера, или первого секретаря) Патриарха Константинопольского была отчаянно больна, и общий голос лучших константинопольских врачей решил, что нет уже никакой надежды на ее выздоровление. В это время игумен нашей обители Герасим находился по делам монастырским в Константинополе; при нем была и часть мощей святого Пантелеимона. Логофет поспешил пригласить отца игумена, прося его отслужить молебен святому страстотерпцу, ибо он знал о многих чудесах угодника Божия, совершенных им в Константинополе. Согласно этому благоговейному желанию игумен Герасим отслужил молебен с водосвятием, окропил страдальицу и дал ей выпить святой воды; больная тот же час почувствовала облегчение и через три дня совершенно выздоровела. Событие это совершилось в 1831 году.

* * *

Один из многих исцелившихся бесноватых, купец Салоникского округа, селения Пулигино, по чувству благодарности более тридцати лет нередко посещавший обитель, во всеуслышание рассказывал о чудесном своем исцелении от святого великомученика. Купец этот был одержим лютым бесом и страдал, как страдает большая часть этих несчастных. В 1832 году он был привезен своими ближними на Святую Гору для поклонения здешней святыне. В этом положении и для той же цели он был приведен и в наш монастырь, где, по просьбе его родных, о нем было совершено молебствие святому великомученику Пантелеимону, и бесноватый тут же получил исцеление.

Известно также, что приходившие в разное время на Афон большими партиями поклонники-болгары нередко просили служить благодарственные молебны святому великомученику Пантелеимону, причем рассказывали о совершенных над ними или их семействами чудесах, в память чего некоторые из них оставляли разные подвески к иконе страстотерпца, которые и остаются единственными указаниями проливаемых всегда чудес от целителя Пантелеимона; к сожалению, подробности сих чудес, от незаписывания их в свое время, остались неизвестными.

* * *

Один из старцев обители, по имени Иларион, воспитанный под опекою Иеру салимского Патриарха Афанасия, по смерти его, будучи уже в сане иеродиакона, поступил в митрополию Солунскую, в ведение митрополита Мелетия. Здесь у него началась чесотка, которая с течением времени развилась и превратилась в страшную болезнь рук, так что ее можно было назвать сплошною всецелою язвой. Руки его распухли, кожа на них потрескалась, из них текла кровь и сочился гной. Пренебрегши болезнью вначале, он, наконец, по развитию ее, должен был принять возможные меры, но, несмотря на все усилия врачей и различные медицинские средства, облегчения ему не было никакого.

Давно уже имея стремление к уединенной, пустынной жизни, отец Иларион решился отправиться на Святую Гору Афонскую и прибыл в нашу обитель с больными, самым жалким образом обезображенными руками. Вошедши в соборный храм, он обратился с искренней молитвой к небесному врачу Пантелеимону, и, когда стал прикладываться к святой главе его, то вдруг ощутил неизреченное благоухание от святых мощей и, вместе с этим, почувствовал облегчение своей боли. Возвратясь в келью, отец Иларион осмотрел свои руки и увидел, что опухоль на них опала и образовавшиеся по всем направлениям трещины сгладились. Вслед за этим раны в скором времени закрылись, боль стала быстро исчезать, и он выздоровел совершенно. Это было в 1832 году. Видя такое благодеяние к себе святого страстотерпца, отец

Иларион навсегда остался в нашей обители; впоследствии принял великую схиму и долгое время служил украшением нашего братства. Он почил о Господе 30 июня 1886 года.

Вскоре по вступлении отца Илариона в Русскую обитель святой великомученик Пантелеимон милостиво удостоил его во время сна своим посещением, после усиленной и продолжительной его пред тем молитвы. Христов страстотерпец раскрыл пред ним в это время полноту евангельской любви, вразумив при этом, чтобы при совершении им молений о благе ближних не примешивалось ничего человеческого, самолюбивого и страстного. Впоследствии, когда обитель испытывала значительные затруднения в средствах к содержанию и стала терпеть лишения и скудость во всем, отец Иларион так же долго и неотступно молился святому страстотерпцу Пантелеимону, прося, чтобы он не оставил обитель своею помощью. Святой страстотерпец снова явился ему в сонном видении, и, когда отец Иларион, как бы наяву, начал молить его о том же, то святой великомученик прежде дал ему наставление, касавшееся лично его, относительно строгого хранения правил общежития, а потом сказал: «А об обители я заботился, забочусь и всегда буду заботиться».

* * *

Обещание свое – иметь попечение об обители – святой великомученик подтвердил и в 1836 году, когда монастырь, по случаю от нятых у него земель и по неимению средств к содержанию братства, находился в крайнем затруднении. В то время святой угодник уже не в сонном видении, но явно удостоил провожать одного старца-монаха на расстоянии нескольких верст. Автор книги «Письма Святогорца», иеросхимонах Сергей, событие сие описывает так:

«На Карее (в двух часах ходу от обители) находится синод Святой Горы, в котором заседают доверенные лица, по одному от каждого из Афонских монастырей. Лица эти называются антипросопами и, постоянно живя в Карее, в своих монастырских подворьях, сообщают своим игуменам обо всех распоряжениях синода. В числе прочих находился там доверенный и от нашего Русика. Однажды этому доверенному нужно было ускорить с донесением в монастырь, почему он и послал туда одного старца, поручив ему свое письмо. Тихий зимний вечер уже разливался сумраком над Святой Горой. Посланный понадеялся на известность дороги и отпра-

вился вечером. Но недавний снег сбил его с дороги, и он начал плутать. Изнемогали его силы и мешалась память в отыскании дороги; вдруг его настигает юный незнакомец. После обычного обоюдного приветия юноша спросил письмоносца: «Куда ты идешь, старче?» – «В Русский монастырь, – отвечал тот, – но сбился с дороги и теперь направляюсь в Ксиропотам (соседний монастырь)». – «Когда так, – продолжал незнакомец, – пойдем вместе, я в Ксиропотам же спешу, и мне дорога знакома». Старец рад был спутнику. «Не отставай же, – прибавил юноша, – и иди прямо по моим следам, а то ты можешь здесь сбиться в стремнину: дорога только что вновь проложена, трудна, да и закидана снегом!» Незнакомец быстро шел впереди; усталый старец часто отставал от него и вязнул в снегу, между тем как тот легко ступал, так легко, что даже не обозначалось на пути следов его. Это впоследствии уже поразило письмоносца. Молча они дошли до Ксиропотама. «Вот твой путь, – сказал юноша, указывая на торную дорогу в Русский монастырь. – Ступай с Богом, я тебя настигну». – «Зачем же ты сюда?» – спросил старец спутника. «Повидаться с друзьями», – отвечал тот, и, взглянув на стоящее над святыми воротами изображение сорока мучеников и на Господа, венчающего их, поклонился на лики с умильным видом, знаменуясь крестом, и скрылся в портике.

Не успел старец дойти до Русского монастыря, как юный незнакомец настиг его; они опять пошли вместе, и когда поравнялись с порталом Русика, старец радостно перекрестился с поклоном стоящему над ним изображению святого великомученика Пантелеимона; но юноша молча остановился. Старец заметил с изумлением, что его спутник, при взгляде на икону святого великомученика Пантелеимона не только не поклонился его изображению, но и не оградил лица своего крестным знаменем, между тем как в Ксиропотаме он сотворил то с почтительным благоговением. Это удивило старца. На приглашение его войти отдохнуть или укрепиться трапезою и ночевать в монастыре незнакомец отвечал, что не имеет ни в чем этом необходимости. «По крайней мере, – продолжал старец, – подожди здесь, я тебе вынесу хлеб в благословение от святого великомученика». Юноша согласился. Когда старец вернулся к юноше с хлебом, он, не касаясь до него, начал говорить: «Поди, скажи игумену и братьям, чтоб не унывали и не отчаивались: об этом монастыре я буду заботиться». При последних словах юноша указал рукою на монастырь, и едва только старец, следивший глазами в то время за направлением руки юноши, успел обернуться, бывший спутник был уже невидим. Страх и радость поразили старца: он с удивлением рассказал сетующему игумену и братьям о явлении юного незнакомца, об утешительной с ним беседе и обещании; это оживотворило унывающий дух братства и вслед почти за тем, а именно с 1839 года, в числе нескольких человек общество русских приютилось в сиротеющем, родном по имени, монастыре – Русском. Время и благоприятные обстоятельства, а главное – строгость иноческой жизни и мир братства – начали с тех пор незаметно привлекать сюда русских поклонников, оставляющих милое отечество и на Святой Горе ищущих хотя трудной, но верной отшельнической стези в Небесную отчизну».

* * *

В осенние и зимние месяцы Средиземное море нередко сильно бушует. Во время этих бурь и ураганов суда обыкновенно укрываются в бухтах, заливах или где только можно найти убежище.

Одной из таких бурь, около тридцати лет назад, застигнуто было судно Русского Пантелеимонова монастыря, направлявшееся к Мраморному морю. В короткое время ураган оборвал снасти и паруса, переломал реи и мачты и понес судно с такою силою по разъяренным волнам, что оно в течение двух часов сделало более ста верст! Волны то перекатывались чрез палубу судна, то подбрасывали его на громадную высоту своих хребтов или низвергали его как бы в бездонные пропасти. Находившиеся на судне братья не могли не только помочь себе чем-либо, но и сделать движение на палубе. Видя неминуемую смерть, простились друг с другом и, пре-

давшись воле Божией, ежеминутно ожидали, что непрочное их вместилище будет поглощено пучиной морской или разобьется о подводные камни, либо о скалу отвесного берега. Таким образом, судно, никем не управляемое и оставленное на произвол ветра, несло неведомо куда по разъяренному грозному морю; а братия, находясь между жизнью и смертью, лежали как бы поверженные, где кто мог прицепиться на палубе.

Среди такого-то бедствия и ввиду неминуемой смерти отрадна и драгоценна была бы даже малейшая надежда на спасение, если бы только подали ее погибающим! Но кто мог помочь там, где человеческая мудрость обращалась в ничто перед грозными силами природы? Одна молитва, искренняя и слезная, могла дать некоторую отраду бедствующим в эти страшные минуты, тем более что только помощь свыше могла укротить волны и спасти пловцов от потопления. Братия, живо сознавая все это, пламенно молились источнику жизни – Господу; просили и святого заступника своего, страстотерпца Пантелеимона, не оставить их мощным предстательством и избавить в это бедственное для них время из челюстей грозной смерти! И, скорый всегда на помощь призывающим его, святой великомученик явился и здесь скорым, по великой милости своей, помощником для погибающих. Он предварил даже их молитву, давно направляя судно к тихому пристанищу. Ибо в то время, когда для бедствовавших не оставалось уже никакой видимой надежды на спасение, вдруг один из них, который мог еще приподняться на ноги, заметил, что перед ними – знакомая береговая местность... Вслед затем увидел бухту, считавшуюся (на Средиземном море) удобнейшей...

Он схватился за руль, дал направление судну, и оно, как бы при всех снастях и попутном ветре, быстро вступило в пристань и спокойно стало на якорь. В бухте они встретили и другие корабли, укрывшиеся тут еще до бури, и – нужно ли говорить, как все случившиеся там были удивлены спасению такого малого судна в столь ужасную бурю, зная, что она гибельна и для больших кораблей?! Исправивши все повреждения, братия возвратились в монастырь и здесь узнали, что по их отплытии, когда настала буря, вся братия соборно молилась святому великомученику и чудотворцу Пантелеимону за них – бедствующих в море. Нельзя описать тех чувств глубокой и благоговейной благодарности, какими преисполнились сердца избавленных от крушения и явной смерти к страстотерпцу Пантелеимону...

Чудеса святого великомученика Пантелеимона в Никомидии

Святой великомученик Пантелеимон, проявляя свою цельбоподательную силу всем молящимся к нему, совершает бесчисленные чудеса – совершает же, сколько из сострадания к имеющим нужду в какой-либо его благодатной помощи и прибегающим к нему, столько и для того, дабы прославлялось христианами имя Христово; но он же, ревнуя о спасении многих душ, во тьме неведения погруженных, и подражая человеколюбию своего Владыки Господа, рекшего: *Хотением не хочу смерти грешника, но еже обратится и живи быти ему*, – творит многие знамения и чудеса среди неверных, т. е. турок, и среди иноверных, то есть отделившихся от Православно-Кафолической Церкви в западное суемудрие, привлекая и сих, и тех, яже не суть от двора Христова, к познанию истины, сущей в недрах Православия, а неверных – к вере в единого истинного Творца.

Много чудес совершилось в Никомидии над турками, армянами, римо-католиками, и все они благоговели пред святым целителем Пантелеимоном, и каждый год во множестве сопровождали торжественный крестный ход, совершаемый накануне памяти его, принося с собою больных и полагая их по дороге, где должно проходить церковное шествие с чудотворной его иконой. И в другое время, особенно в сентябре, стекались с разных сторон армяне, как говорят, десятками тысяч, для празднования своего праздника в Никомидии. Получая многие исцеления и другие милости от святого страстотерпца, они посещали гроб святого Пантелеимона и воздавали ему сердцем и устами благодарение. Но о чудесах этих не могли передать обстоятельных сведений, кроме некоторых общеизвестных случаев; иноверцы по большей части старались скрывать чудеса, совершившиеся у них; но и при всем этом знамения Бога, дивного во святых Своих, не могут оставаться навсегда в неизвестности и, как свет из темной храмины, иногда обнаруживаются к славе святого Пантелеимона. Вся же трудность в собирании совершившихся там чудес заключалась в том, что они, не записываемые никем, большей частью пришли в забвение и существовали лишь в темном отголоске народных сказаний, без тех подробностей, которые необходимы иногда к разъяснению и полноте события.

Ниже приведены некоторые чудеса святого Пантелеимона, которые отмечены пре имущественно в синоде митрополии Никомидийской, которая чудеса эти внесла впоследствии в церковный *кондик* (записную церковную книгу).

* * *

Султан Мурад, предпринимая поход на город Багдад⁷, шел с войском сухим путем мимо Никомидии; когда он приблизился к городу и поравнялся с монастырем святого великомученика Пантелеимона, то пожелал узнать, что это такое? Ему отвечали: «Кешишь-ханэ» (монашеский двор); но султану послышалось: «Хырсыс-ханэ» (что значит хищнический двор); слова созвучные, но противоположные одно другому. Приняв, таким образом, монастырь за разбойничий притон, султан тут же велел разбить его, и повеление это немедленно исполнили: от монастыря сохранился один параклис и гроб святого великомученика. При этом разорении, на удивление многим, остались несколько колонн храма, и на них удержался почти весь купол (без стен), в котором были разные изображения святых, как бы взиравших на необузданное своеволие деспота. По разорении монастыря султан отошел от города и расположился вдали от

⁷ Хотя нет указаний, какой из четырех султанов под именем Мурад овладел Багдадом, но дидаскал (Марко Клеонимов) высшего Никомидийского училища, основываясь на фирманах (указах) других султанов, делает вывод, что это был Мурад II, завоеватель Фригии, царствовавший от 1421 до 1440 года.

него лагерем, в месте, называемом Килез. Ночью во сне является ему святой великомученик Пантелеимон и грозно говорит: «Зачем ты разорил мой дом? Если теперь же не воздвигнешь его снова – ты и войско твоё погибнут!» Проснувшись, султан счел это за мечту и не обратил никакого внимания на сон; но святой явился ему во вторую и третью ночь, повторяя те же слова. Это смутило султана. В третий раз султан вскочил в испуге, но и наяву ему еще виделся являвшийся во сне молодой человек, только что угрожавший ему за разорение его (как он выражался) дома. Пораженный таким видением, султан спросил бывших при нем: «Что это за дом, который, не доходя Измита (бывшей Никомидии. – *Ред.*), разорили по моему повелению?» Ему отвечали, как и прежде: «Монашеский двор». – «Как же, – возразил султан, – тогда вы сказали, что разбойничий притон? Вот три ночи сряду является ко мне во сне молодой человек и не дает мне спать, беспокоит и с угрозою упрекает: «Зачем разорили мой дом?» Увидав свою ошибку, а вместе и боясь в действительности пострадать от святого великомученика, султан тут же отдал приказание своим военачальникам – возобновить монастырь в три дня. К такому распоряжению он подвигнут был и внезапным недугом сына: тот опасно заболел в день разорения монастыря и лежал при смерти.

О действительности совершившегося чуда красноречивее всего свидетельствуют права и льготы, какие дарованы были монастырю одновременно с его возобновлением. Султан пожаловал хати-шериф, или фирман (указ), на получение во все времена десятой части доходов и мукаты⁸ с нив и виноградников, на всем пространстве вокруг, куда только будет доноситься пение петуха из монастыря, в чем монастырь должен выдавать свидетельство за печатью, выданную тогда же ему, как месту, пользующемуся особыми преимуществами и правами; монастырь навсегда освобождался от всех повинностей казенных.

Фирман этот, возобновленный с подтверждением тех же прав монастыря от султанов Фети-Мехмета⁹, Ахмета III¹⁰, Хамида (Абдул-Гамида)¹¹ был взят султаном Абдул-Меджидом¹² в 1839 году, после всеобщего преобразования в государстве, когда, по повелению его отца, султана Махмуда, были отняты десятины, дарованные прежними султанами храмам всех наций, и перешли в распоряжение государственной казны; взамен же того фирмана дарован другой, по которому монастырю дается право получать из казны двести восемьдесят пять пиастров (менее двадцати рублей), вместо прежней десятой части, дотоле получавшейся монастырем со всех окружающих его, как выше сказано, виноградников и пр., и, кроме того, допускается свободный пропуск поклонников в день памяти святого Пантелеимона.

* * *

В 1807 году, во время войны с Россией, янычары бросились с оружием к священному монастырю, думая найти в нем среди христиан спрятанных московитов (так они называли русских); достигнув монастыря, они стреляли в железные ворота ограды храма, желая войти, но не могли разбить их. Ворота эти целы и теперь; на них много следов от пуль. Потерпев неудачу, они дождались ночи и по лестнице хотели перебраться через стену, отправив вперед дервиша (своего, турецкого, монаха. – *Прим. Ред.*); но едва тот взобрался на стену и хотел разинуть зев, чтобы прокричать обычное у турок сзывание, как внезапно узрел святого великомученика и от видения сего пришел в неизъяснимый страх: опрокинувшись назад, он упал и сломал себе руку

⁸ Особая от десятины условная пошлина, назначаемая и взимаемая с участка или с чего другого в один раз, по усмотрению владельца. Право на получение мукаты даровалось султанами церквям или мечетям для поддержки находившихся при них школ, больниц и т. п., и, с чего бралась муката, то не подлежало десятинной пошлине.

⁹ Завоевателя Константинополя, т. е. Магомета II, царствовавшего с 1433 по 1481 год.

¹⁰ Царствовал с 1703 по 1730 годы.

¹¹ Царствовал с 1774 по 1789 годы.

¹² Царствовал с 1839 по 1862 годы.

и ногу. О явлении святого страстотерпца Пантелеимона сам дервиш после свидетельствовал и в память дерзости своей до кончины оставался хромым и с переломленной рукой.

* * *

Во время насилий со стороны янычар в 1824 году один турок, по имени Туз-Суз-Оглу, самовольно вырубил деревья на усадьбе, принадлежащей церкви святого великомученика Пантелеимона (усадьба турка была смежной с церковной), даже захватил часть местности, монастырю принадлежащей. Сколько его ни убеждали, он никого и слушать не хотел; уверенный в своей силе и покровительстве турецких властей, он даже избил нескольких христиан, убеждавших его в необходимости прекратить насилие. Вырубив деревья и перепилив их на дрова, турок готовился уже нагрузить ими судно, чтобы отвезти в Константинополь для продажи, но тут же был наказан – у него свело обе руки. Несмотря на это, он, однако, распорядился отправляться. Тогда постигло его еще более грозное наказание! Лишь только судно отплыло от берега, как без всякой видимой причины, при тихой даже погоде, оно пошло ко дну вместе с грузом и бывшими на нем матросами. Так святой Пантелеимон наказал хищническое насилие неверного.

* * *

В Константинополе один армянин был тяжело и продолжительно болен; прибегнув с молитвой к святому многоцелебнику Пантелеимону, он получил исцеление. В знак признательности армянин нарочито приезжал в Никомидию и, возблагодарив угодника, передал в жертву храму серебряную лампаду, которая и доныне висит перед чудотворной иконой святого целителя. Чудо это совершилось в 1825 году.

* * *

В местечке Тюпля, примерно в ста пятидесяти километрах от Никомидии, все жители имели великое усердие к святому страстотерпцу Пантелеимону, постоянно совершавшему у них и в окрестных селах различные чудеса. Почему и к празднику святого Пантелеимона оттуда особенно много собиралось богомольцев, от которых христиане никомидийские (большей частью, очень бедные) пользовались многим. Там (в Тюпле) у одного из жителей не было детей; супруги долго горевали об этом, но, слыша о различных чудесах святого Пантелеимона, совершающихся в окрестности и в самом их селении, собрались в 1826 году на богомолье в Никомидию и прибыли в его церковь. Они усердно молились святому страстотерпцу, прося даровать им чадо мужского пола. Отслужив молебен и выпив воды из святого колодезя, они отправились обратно. Святой не отринул их молитву: в том же году, к великой радости, у них родился сын. Этот мальчик еще в раннем возрасте показал особые дарования, не свойственные такому возрасту: он сам научился портняжескому делу и занимался им довольно долгое время; но потом, оставив это занятие, также самоучкой усовершенствовался в искусстве золотых дел мастера. Однажды, когда он упражнялся в этом, ему пришла мысль узнать: на каких гусях играл царь Давид, и не может ли он сам тому же выучиться? Пламенное желание подвигло его к попыткам, и вот гусли были сделаны; оставалось извлечь звуки Божественных гимнов царя-псалмопевца. Посмотрев, как играют на других инструментах, он начал мало-помалу перебирать струнами и, к удивлению знавших его, сам выучился играть, совершенствуясь постепенно. Достигая всего с легкостью, он в непродолжительное время играл уже превосходно, распевая псалмы святого Давида так, что всех трогала дивная гармония вдохновенной игры его. В это

время наступило его совершеннолетие и отец задумал его женить; но он, узнав об этом, бежал и скрылся в Кесарии Каппадокийской и там занялся золотых дел мастерством, не оставляя и своих гуслей. Намерение его было сохранить свою девственность и посвятить себя служению Богу. Чрез долгое время отец разведal о нем и написал ему грозное письмо; он требовал, чтобы сын немедленно явился домой, угрожая в противном случае проклятием. Устрашась последнего, сын поспешил исполнить волю отца и отправился; но, еще не доехав до дома, получил скорбную весть, что отец и сестра его скончались внезапно, а мать больна, при смерти. При свидании с ней, в разговоре, раскрывая ей кратковременность и суетность всего земного, он предложил ей продать все имение и поступить в монастырь, на что и у него тайлось желание еще с детских лет. Мать изъявила согласие на все и выздоровела. Благоговейный юноша в благодарность к Богу поспешил распродать все имение и отправился вместе с матерью в монастырь святого Пантелеимона, где они провели в посте и молитве сорок дней. Души их слились в молитве к общему своему великому Благодетелю, и в благоговейном восторге они оттуда решили отправиться на поклонение Гробу Господню в Иерусалим. Там, избрав себе разные места в пути ко спасению, они расстались, – мать осталась в одном из женских монастырей, а сын прибыл на Афон и тоже поступил в монашество.

* * *

Богобоязненный кандиловозжигатель Иоанн Авьярину (из почетных граждан), служивший семнадцать лет при церкви святого Пантелеимона, видел множество чудес от святого страстотерпца, но из боязни, чтобы не случилось никакого насилия от турок, если распространится слава о чудесах святого угодника, а вместе и не видя в других горячего усердия к безмездному целителю, молчал о них, и только из благоговения к святому дал имя Пантелеимон родившемуся своему сыну. Пантелеимон часто слышал от отца своего внушения о молитвенном обращении к святому великомученику, который (так постоянно повторял благочестивый отец) много-много совершает чудес. Подробности же отец не говорил, и только один раз, по случаю, за тайну передал сыну следующее.

Однажды, в 1827 году, он отправился до зари в монастырь, чтобы приготовить все нужное к Литургии: отворив церковь, он увидел все лампы зажженными, отчего пришел в благоговейный страх, но не сказал о случившемся тогда никому, кроме старца – иерея-духовника, а впоследствии передал сыну своему Пантелеимону. Иоанн Авьярину скончался в 1841 году.

* * *

В 1833 году немой евнух султана Махмуда приехал в церковь святого Пантелеимона. Неизвестно, долго ли он пребывал в состоянии немоты, побудившей его приехать. Он знаками просил дать ему воды из святого колодезя; его отвели ко гробу святого Пантелеимона и там, почерпнув из цельбоносного источника воды, дали выпить немому – и евнух тут же получил дар слова.

* * *

В 1833 и 1834 годах турки вели войну с Египтом; египетским войском командовал сын вице-короля Ибрагим-паша; часть турецкого войска, под начальством Эмина-паши, отправленная на подкрепление главной турецкой армии, пришла в октябре 1833 года в Никомидию, где и остановилась до получения известия о своем назначении: один отряд расположился лагерем на земле, принадлежащей церкви святого великомученика Пантелеимона, а другой – далее

сей усадьбы, по ту сторону церкви. Долго не приходило никакого известия; войска ждали, время шло; приближался день памяти святого великомученика Пантелеимона (уже в 1834 году). В та кое время, казалось, надо было все оставить и думать о торжественном праздновании этого дня. Святой страстотерпец сам позаботился об устранении препятствий к совершению праздника, – очистить занятые турецкой армией места; за десять дней до праздника он явился паше во сне и говорит: «День моей памяти приближается; здесь будет совершаться празднование; поэтому снимись немедленно и уйди отсюда». Паша, проснувшись, счел это за мечту и небрег о том; но святой Пантелеимон в другую ночь явился ему снова и повторил: «Сними войско и уйди отсюда, а не то люто пострадаешь!» Не внял паша и сему грозному приказанию святого великомученика. Между тем в войске его открылась зараза и турки стали умирать во множестве. Тогда явился святой Пантелеимон в третий раз, уже не в сновидении и не ночью, а среди дня, и наяву: он шел чрез стан турецкого отряда, в эллинском одеянии, направляясь к палатке паши. Турки кинулись было схватить дерзновенного (как думали) пришельца, но руки и ноги поотнимались у тех, кои подступили к нему, и все в ужасе остановились. Войдя в шатер к паше, святой Пантелеимон грозно сказал: «Что же ты не уходишь с войском, когда я объявил тебе, что хочу совершить праздник! За это здесь же погублю все войско и тебя самого». Паша, увидев пред собою того, кто два раза являлся ему во сне, в страхе упал ниц на землю, а святой Пантелеимон стал невидим. Тогда, вразумленный и чудным явлением, и открывшеюся смертностью в войске, паша немедленно отдал приказ собираться, и – о диво! – пред выступлением войска исцелились все те, кто кинулись было на святого и были от него за то наказаны; а паша, отойдя от церкви святого Пантелеимона на один час расстояния, расположился лагерем близ еврейского кладбища, на месте, называемом Имбайр. После этого христиане свободно совершили праздник святого великомученика, благословляя его помощь, покровительство и заступление. В стане же турецком смертность открылась опять и действовала с такою силою, что из всего войска паши осталась не более как третья часть, что христиане приписывают наказанию за похищение солдатами из храма святого Пантелеимона некоторых церковных вещей.

* * *

В 1837 году в Тузле (Халкидония) у одних родителей взрослый женатый сын, лет двадцати двух или двадцати трех, именем Христодул, вследствие сильной постигшей его болезни сделался немым и четыре года пробыл в этом безотрадном положении. Слыша о чудесах святого великомученика Пантелеимона, родители три раза приезжали в Никомидию, служили молебны, давали пить воду из источника, но сын их не получал исцеления. В последний раз родители с великою горестью возвращались со своим несчастным сыном в деревню; они ехали на лодке, в виду их был монастырь святого Пантелеимона. Немой все посматривал на церковь, и, когда ее миновали, вдруг чей-то голос назвал его по имени: «Христодул!» Он оглянулся и вскрикнул: «Смотрите вверх – птичка, птичка и святой Пантелеимон!» И с этой минуты разрешился язык его; он стал говорить ясно и чисто. Чудо это совершилось в 1837 году. Птички и святого Пантелеимона никто, кроме него, не видал; не слышали голоса, называвшего его по имени. Он тогда же упросил родителей возвратиться в монастырь и провел там сорок дней в молитвах и благодарении милостивому своему целителю, великомученику Пантелеимону. И, возвратившись домой здоровым, Христодул ежегодно потом, в продолжение многих лет, приезжал в монастырь к празднику святого Пантелеимона.

* * *

В 1842 году из Константинополя приехал с больной женой один армянин-католик в монастырь святого Пантелеимона, о чудесах которого он много слышал. Жена его была одержима беснованием; ее сопровождала мать и прислуга, а муж нарочно взял католического священника, для совершения при гробе великомученика молитв над болящей. По приезде они отправились в монастырь и просили дозволить их священнику читать свои молитвы в церкви, при гробе, в чем им не отказали; но, сколько тот ни читал молитв, сколько ни кропил водой из святого колодезя болящую – словом, что ни делал ксендз, все оставалось бесполезным. В это время находился там один священник православный, по имени Григорий, исполненный простоты и веры; он, смотря на их действия и удивляясь усилиям исцелить беснующуюся по своему чину, сказал, наконец: «Все вы трудитесь, желая получить исцеление чрез молитвы ксендза. Ничего не получите – святой не принимает ваших молитв! Попросили бы православного священника, и верую, что больная давно бы получила исцеление от святого великомученика Пантелеимона». Тогда все приступили к нему и стали просить о том его самого; он не отказался. Отслужив молебен, он велел облить больную водой из святого колодезя; и, когда стали снимать с нее верхнюю одежду, она кричала, билась и всячески неистовствовала. Но лишь облили ее святой водой, она утихла, тут же исцелилась от недуга и стала благодарить святого целителя. Это так подействовало на бывших с нею мужа, мать и ксендза, что они сперва не решились даже уезжать из Никомидии; но спустя некоторое время нашли необходимым возвратиться в Константинополь и пред выездом предлагали Никомидийскому собору прислать каменную плиту с резьбою на ней о совершившемся чуде; но митрополия отвергла такое предложение, и армяне-католики уехали. А так как они, по своему положению в обществе, пользовались немалым значением, то слава о совершившемся чуде скоро распространилась между их единоверцами. С тех пор католики возымели веру и благоговение к святому Пантелеимону, и многие из них стали посещать Никомидию.

* * *

И турки почитали с благоговением святого Пантелеимона, как это видно из многих опытов и из того, что и они собирались на праздник Пантелеимона, принося иногда с собою и больных своих. В 1844 году у одного турка в Никомидии загорелся дом деревянный; пламя быстро охватило верх его. В испуге турок выскочил на двор и закричал во весь голос: «Пантели – ятишь!» («Пантелеимон – поспеши!»; т. е. поспеши подать помощь). В это мгновение некоторые заметили двух голубей, парящих над пламенем, и пожар тут же потух сам собою. Благодарный турок принес несколько пиастров в церковь и отдал их на масло для лампы перед образом святого Пантелеимона.

* * *

В Никомидии у одних родителей, Христа и Елены, заболел сын Иоанн, лет шести; четыре года он страдал, лежа без движения, не имея силы даже повернуться в постели, и до того исчах, что казалось – вместо живого человека лежит скелет, как бы тень человека. Смотря на несчастного страдальца, мать его сама изныла сердцем и не знала покоя, тем более что сын нуждался в самом деятельном и осторожном уходе. Однажды, в 1847 году, она, уложив его на носилки, отнесла, при помощи родных, в монастырь святого Пантелеимона и там опустила у гроба великомученика. «Святой Пантелеимон! – молилась рыдающая мать. – Или возьми его у меня, или

исцели его». Скоро услышана была мать, в скорби вопиявшая к святому, и утешена им выше всякого ожидания: мальчик встал и вышел по ступеням из-под гроба; он был уже совершенно здоровым и сам возвратился домой.

Благодарный отец (болгарин) заказал в рост мальчика две восковые свечи и, когда они были готовы, отдал сыну; тот отнес в церковь святого Пантелеимона и сам поставил у гроба великомученика – своего исцелителя.

* * *

В монастыре святого великомученика Пантелеимона издревле находилась его святая икона: время написания ее относили ко времени царствования Иоанна Кантакузена (т. е. между 1341 и 1355 годами); при ней совершались различные от святого страстотерпца чудеса в храме Никомидийском. Но так как краски на ней во многих местах осыпались (она изображена по грунту алебаstra), то жители, по привычке к новизне, желали заменить ее новой, и вот один из них, по имени Христу, ремеслом горшечник, благочестивый христианин, поусердствовал написать на свой кошт новую икону, которая по написании и была поставлена на место старой, а эта последняя отнесена в кимитир (кладовую), где, между прочим, хранятся и ветхие церковные вещи. Было это в 1847 году. Вслед за тем открылась в городе холера, и число жертв ее с каждым днем возрастало, так что достигло громадных размеров: умирающих дошло до ста человек в день. Жители-христиане поняли, что они подверглись такому наказанию за перемену на новую старой чудотворной иконы и за отнесение этой последней на склад. «За это, – говорили они, – святой Пантелеимон прогневался на нас». Рассуждая об этом, они решили взять икону из кимитира и внести опять в церковь, а некоторые советовали даже сделать с той иконой крестный ход вокруг города. Холера между тем продолжалась и усиливалась, так что и из христиан умерло шестьдесят пять человек. В это время общего бедствия является святой великомученик Пантелеимон во сне тому греку Христу, который написал новую икону, и говорит: «Если не отнесут моей иконы в церковь, то не будет пощады всему городу от этой болезни». Проснувшись в испуге, хозяин побежал в церковь и рассказал о своем видении; тогда все христиане единодушно собрались, с горячим усердием подняли святую икону и с благоговением совершили с ней крестный ход, моля святого страстотерпца, да избавит их от постигшего наказания, и обещая сделать ризу на эту старую икону; после чего с торжеством внесли ее в церковь, где продолжали служить молебствие, и холера того же дня прекратилась. Совершив благодарственное молебствие, жители (христиане) постановили ежегодно совершать торжественный крестный ход с чудотворной иконой из города в монастырь.

* * *

У казначея султанского монетного двора Дуз-Оглу, армянина католического вероисповедания, была жена расслабленная, много лет лежавшая недвижимо в постели. В 1847 году этот знатный чиновник, слыша о чудесах святого Пантелеимона, решился отвезти жену ко гробу великомученика в Никомидию, для чего нанял пароход. Больную на пароход перенесли в карете особого устройства (которую обычно на востоке, у важных сановников, носит на руках прислуга); таким же образом и с парохода, по прибытии в Никомидию, в монастырь святого Пантелеимона. Там священник Алипий отслужил молебен Пантелеимону, облил болящую святой водой, и она тут же исцелилась.

* * *

Богатый в милости святой страстотерпец даровал исцеление немой, дочери богатой армянки католического исповедания. Неизвестно, отчего она онемела; но известно, что были принимаемы докторами, особенно доктором-родственником, различные меры, которые, однако, не приносили никакой пользы, и страдальца пробыла в этом положении немоты более шести лет. Наконец, доктор-родственник, видя безуспешность медицинских средств, посоветовал матери отвезти больную в Никомидию, ко гробу святого Пантелеимона, о чудесах которого он достоверно знал и о некоторых рассказал родственнице. Та с охотой и радостью приняла предложение и выехала из Константинополя с дочерью и прислугой на пароходе. Доктор же, дабы она достигла своей цели прямым и скорейшим путем, написал рекомендательно-просительное письмо к знакомому – чилиби (благороднейшему) Николаю Дмитриевичу Ятропуло, прося его принять участие в несчастном положении девицы и горести матери, а вместе и о том, чтобы снабдил ее своим экипажем и лошадью, чего она не могла достать сама, не имея никакого знакомства в Никомидии¹³. Чилиби Николай принял мать с дочерью радушно, дал им квартиру в своем доме на все время пребывания их в Никомидии, а затем предоставил и экипаж с лошадью в их распоряжение. В храме святого Пантелеимона армянка просила одного из находившихся там православных священников совершить молебствие, и тот не отказался. После молебна иерей велел облить дочь водою из святого колодезя, а вода, надо заметить, в колодезе холодная; когда вылили на немую первое ведро, она еще молчала; но когда вылили другое, она, как бы не вынося холода, закричала: «Маменька, маменька!» И с той минуты разрешился язык девицы; она стала говорить и славить своего небесного целителя, великомученика Пантелеимона. При возвращении из храма исцеленная, зайдя г-на Ятропуло при подъезде к его дому, приветствовала его издали словами радости: «Теперь я говорю, чилиби Николай, слава Богу!» Поблагодарив его за все сделанное для них, армяне с несказанною радостью возвратились в Константинополь. Это было в 1848 году.

* * *

В 1851 году в окрестностях Никомидии саранча опустошала поля, сады и огороды и размножалась все более и более. Истребив в селах растительность, она подлетела наконец к самому городу и сплошную ужасною массою засела около церкви святого Пантелеимона. Жители-христиане прибегли с молитвою к святому покровителю своему – великомученику Пантелеимону; по отслужении молебствия священник вышел и покропил водою из святого колодезя саранчу около церкви, и тут же – о преславных чудеса твоих святой чудотворче! – саранча подохла, сперва около церкви, где совершено было кропление, потом далее и далее, наконец, исчезла совсем, и город, таким образом, был избавлен от бедствия святым великомучеником.

* * *

В 1858 году один из жителей Никомидии, Христо Иоаннов Тутюнджи¹⁴, лишился рассудка; родные отвезли его в монастырь святого Пантелеимона к источнику; он пробыл там сорок дней, в продолжение которых возносима была о нем молитва к святому страстотерпцу;

¹³ Экипажи и лошадей на Востоке имели только важные особы, а потому неудивительно, что доктор о них особо, почти наравне с участием к больной, упоминал в письме к Ятропуло.

¹⁴ Тутюнджи – табачник; занимаясь этим промыслом, он усвоил себе это слово в фамилию.

между тем давали ему пить воду из святого колодезя, и больной получил совершенное исцеление. В признательность святому Пантелеимону он целый год участвовал в кладке церкви, которая в это время сооружалась.

* * *

В 1859 году при святом колодезе совершилось поразительное чудо от великомученика Пантелеимона. Одна никомидийская женщина страдала расслаблением и от лихорадки; к довершению горя, сын ее, лет пяти или шести, одержим был беснованием. В день памяти святого Пантелеимона она отправилась в монастырь вместе с больным сыном. Когда спустились в нижнюю церковь, женщина, то ли не рассмотрев в темноте колодезя, то ли от расслабления не владея свободно членами, оступилась. Она полетела прямо в колодезь (прежде при спуске решетки не было), упав на мраморные ступени проведенной к воде винтообразной лестницы. При падении она ухватилась за мальчика-сына, думая этим удержаться, но вместо того увлекла и его с собой; летели они стремглав. В низу лестницы находился для набирания воды сторож Афанасий; падением своим женщина зацепила и его, и так сильно ушибла, что он думал – не быть ему живу. Богомольцы и церковнослужители, которым случилось быть в то время в церкви, бросились к колодезю, думая найти там мертвых; и действительно, трудно было ожидать, чтобы кто-то уцелел, ибо тесные стены спуска в колодезь, как и самые ступеньки, – из мрамора.

Но святой многоцелебник, попустивший это падение, устроил оное не для того, чтобы умертвить кого-либо, а чтобы исцелить всех. Сторож, как ни силен был его ушиб, память сохранил; он, прежде всего, бросился к воде, ухватил женщину и, подняв ее вверх, подал народу; но ему кричали при этом в несколько голосов, что туда упал еще и мальчик. Сторож, вытаскивая женщину, видел, что поверх воды плавала шуба, но думал, что это свалившаяся одежда женщины, и не обратил на нее внимания, занятый своим ушибом; но когда услышал об утонувшем мальчике, то устремился ко спасению и его, и как скоро вытащил, также передал народу. Мальчик захлебнулся уже водой и был без чувств; его подняли вверх ногами, и вода хлынула из горла; мальчик пришел в себя, и тут же общая тревога перешла в радость и громкие прославления святого великомученика. Ибо и мальчик, и женщина, а с ними и ушибленный сторож получили, каждый в свою болезнь, полное исцеление и свидетельствовали об этом пред всеми. Возблагодарив святого целителя Пантелеимона, мать с сыном возвратились домой.

* * *

Однажды, когда возобновлялся монастырь святого Пантелеимона (между 1858 и 1861 годами), каменщики спустя три часа по закате солнца видели выше труллы (купола) внезапно заблиставший свет и тут же, в конце нарфиска (притвора), узрели молодого человека в белоснежной светящейся одежде; потом ходил вокруг монастыря. Решились подойти к нему, но, лишь приблизились, он стал невидим.

Об этом явлении святого стратотерпца Пантелеимона каменщики на другой день рассказывали всем.

* * *

В 1860 году в Константинополе, в Арнауткею, был болен один христианин-бондарь, пожилой человек, по имени Спиридаки (Спиридон); болезнь его достигла такого развития, что доктора признали ее неизлечимой и утверждали, что он неизбежно и скоро умрет, чего

домашние его ожидали с часу на час. В это время общего ожидания скорой кончины Спиридаки лежал недвижимо на койке и, будучи в сильном жару, увидел святого великомученика Пантелеимона, который сказал ему: «Отправляйся в Никомидию: там, при гробе святого Пантелеимона, получишь исцеление».

Но Спиридаки, считая это явление за бред горячки, оставил без внимания приказанное. На другой день послышалось ему, что кто-то сильно постучал в дверь – это было днем, – и вслед за тем входит молодой человек, который строго упрекнул Спиридаки, говоря: «Почему ты не послушал сказанного и не едешь в Никомидию?» Потом ухватил его, сволок с постели и стал невидим. В самый этот момент вошла в комнату жена больного и, увидав мужа стоящим на ногах, изумилась и спросила, что с ним? Тот рассказал о двукратном ему явлении святого Пантелеимона, о его приказании и о том, как святой стащил его с кровати, сделавшись тут же невидимым. Передавая это жене, больной добавил, что он отправляется немедленно в Никомидию. Обрадованная жена отнесла его на носилках (с помощью других) на пароход и в том же болезненном виде привезла его в храм святого Пантелеимона. Там, совершивши молебствие угоднику, облили больного водой, и Спиридаки возвратился домой здоровым.

* * *

Один турок, по имени Эмин, будучи еще в юных летах, от неосторожного выстрела из ружья оглох и пробыл в этом состоянии около сорока лет. Кто-то рассказал ему о чудесах, совершающихся при источнике святого Пантелеимона в Никомидии, и он пришел в 1860 году в храм великого чудотворца. При входе в ворота его спросили, зачем он пришел. Турок ответил, что здесь есть целительная вода, как он слышал, и просил показать ему источник. Позвали кандилловжигателя¹⁵, Христо Иоаннова Пичиндириса, и передали ему о желании турка; тот повел его и показал, как спускаться к источнику. Турок стал сходить по ступеням; но так как у него была за поясом трубка с длинным чубуком, то кандилловжигатель сказал ему: «Оставь чубук и не входи с ним». Турок не слышал этого и, не останавливаясь, шел далее. Христо повторил с криком, чтобы он оставил чубук и не подходил с ним к источнику святого; но турок не услышал и на этот раз, и также продолжал идти не останавливаясь. Подумав, что турок не хочет послушаться, кандилловжигатель из ревности с гневом вырвал из-за пояса у него чубук, выговаривая ему за ослушание и невнимание к святыне. При этом турок остановился, посмотрел на проводника и, видя его встревоженным и со своей трубкою в руках, сказал, что он глух, почему и просит говорить ему громче и пред его глазами, чтобы он мог скорее понять говоримое. «А когда так, – сказал тогда Христо, – то здесь находится доктор – безмездный целитель, и ты хорошо сделал, что пришел просить у него помощи». Сказав это, кандилловжигатель пошел с ним к самой воде и вылил там на него три ведра, а также влил воды и в ухо. В это время турок вдруг говорит: «Вот, я слышу!» И пошел домой здоровым, прославляя своего целителя. Турок был из деревни Болу, уезда Никомидийского.

* * *

По возобновлении (в 1861 году) церкви, когда сооружали каменный корпус для жилья священно- и церковнослужителей и (будущих) монахов, между рабочими находился один турок, который исполнял естественные нужды в ограде и около самой церкви; но святой великомученик Пантелеимон однажды явился ему во сне и пригрозил так, что турок, вскочив в

¹⁵ Кандилловжигатель – пономарь; но в Никомидии он же был и сторожем храма, и хранителем церковных вещей; у него находились и ключи от церкви. На эту должность всегда избирался человек особенно благочестивый и верный, который, однако, находился в полной зависимости от чилиби Н. Ятропуло.

испуге, не знал, что делать. Успокоившись немного, он побежал в церковь, купил свечку и поставил ее пред иконою святого Пантелеимона, в умилоствление, и с тех пор уже не делал того бесчиния. Несговорчивый и строптивый прежде (он спорил и за цену, и во всем), после угрозы святого Пантелеимона стал уступчив, кроток и не хотел оставить работы, говоря: «Если и ничего не заплатите – даром буду работать великому Пантелеимону».

* * *

Живущие близ монастыря турки много раз покушались ограбить его; с ними заодно участвовал и правитель этой деревни (местечка); но они не имели никакого успеха, будучи поражаемы или страхом, или явлением святого великомученика Пантелеимона, который налагал им даже раны. (Из четырех товарищей, ходивших на грабеж, один был сильно ранен от ударов великомученика.) В подлинности этого события уверял Фиязи, также турок упоминаемого селения, друг дидаскала Марко Клеонимова.

Кроме того, одному турку того же местечка, за обманное присвоение монастырской собственности последовало вразумление еще грознее. Турок этот брал в аренду принадлежащую монастырю местность, которую христиане не в состоянии были сами возделывать и отдавали ему под посев за десятую часть урожая. Такая сделка продолжалась несколько лет; но турок ни одного разу не доставлял полной десятой части, умышленно скрывая настоящее количество урожая и показывая его несравненно меньшим, чтобы и взнос, по условию, сделался меньшим. За такой обман турок был жестоко наказан: у него усохла правая рука, и он не мог уже сеять. Это привело его в раскаяние, и он сам потом рассказывал многим, что наказан от святого Пантелеимона за обман.

Но что всего важнее, то это показания старшин и многих турок упоминаемого местечка, которые единогласно подтверждают, что, проходя в ночи мимо монастыря, они часто видели молодого человека в древнем одеянии, ходившего близ монастыря по ниве.

* * *

Никомидийский турок, одержимый тайным беснованием, заболел лихорадкой и, страдая сугубо, в три года высох так, что остались кожа да кости; он лежал, не поднимаясь с постели. Однажды (1864) приходит к нему знакомый грек, занимавшийся печением хлебов, по имени Иоанн, по отцу Мануилов, с давних лет перебравшийся из селения Кондже в Никомидию. Видя турка в таком положении, он сказал: «Что же это ты все болеешь?» – «Да, – отвечал тот, – и трудно мне!» – «Не хочешь ли, я отведу тебя к святому Пантелеимону – не исцелит ли он тебя?» – прибавил христианин. Турок выразил и согласие, и сомнение вместе. Хлебник заметил ему, что у христиан святой Пантелеимон исцеляет многих. «Пойдем, – добавил он, – может, исцелит и тебя!» Приняв этот совет, турок, ведомый домашними под руки, достиг монастыря, и его ввели в церковь. Там проводник и советник его, Иоанн Мануилов, вылил на него три ведра воды из святого колодезя, и турок при этом взял землицы от гроба святого великомученика Пантелеимона. Только сделал это, как вдруг говорит хлебнику: «Смотри, ведь я выздоровел, я здоров!» – и от радости не знал, что делать. Завязав в полотно немного земли, он взял ее с собою для ношения на шее в предосторожность, дабы не возобновилась болезнь, и здоровым возвратился домой. На другой день он отправился к Иоанну Мануилову, усердно благодарил его за содействие в исцелении и спросил, что же надобно сделать в благодарность святому Пантелеимону? Тот посоветовал ему купить свечу и поставить при гробе его. Турок, исполнив это, отправился домой и постоянно носил при себе землю от гроба святого Пантелеимона как талисман, куда бы ни пошел и что бы ни делал.

Через двадцать дней по исцелении является ему во сне святой великомученик Пантелеимон и говорит: «Что же ты держишь землю у себя и не отнесешь, где взял! Отнеси, или худо тебе будет!» Проснувшись, турок принял это за мечту и со смехом рассказывал домашним свой сон, что какой-то молодой человек пришел к нему, много грозил, да еще и с плетью!.. И оставил без внимания виденное. Но на другую ночь ему опять явился святой Пантелеимон и еще строже приказал отнести землю. Турок и в этот раз принял явление за мечту и опять ничего не сделал. На третью ночь явился святой Пантелеимон и говорит: «Доколе же ты будешь держать землю и не отнесешь, где взял?» – и начал бить его каким-то бичом. В страхе турок вскакивает, берет землю и, несмотря на ночную пору, несет ее к Иоанну Мануилову. «Возьми эту землю, – начал он, – а то мне нет через нее покоя!» – и рассказал о бывших ему во сне видениях. Хлебопек не хотел принять от него земли, а повел его в церковь святого Пантелеимона, велев там высыпать землю самому при гробе, откуда была взята. По исполнении этого турок жил уже спокойно.

* * *

При выезде из Никомидии, в первое путешествие, в 1864 году, мы шли в монастырь святого Пантелеимона поклониться святому страстотерпцу у гроба его и нашли там поклонников-армян. Нельзя было не подивиться их усердию, благоговению и вере к святому Пантелеимону; некоторые пили воду из святого колодезя, другие умывались, мочили голову; иные, стоя на коленях, молились у гроба и лобызали оный и святую икону великого угодника, поднося к ним и детей своих; или, молитвенно воздыхая, прикладывали к цельбоносному гробу великомученика голову, глаза, уши, руки, ища исцеления в своих болезнях, и ставили свечи, наконец, целовали даже самые ворота, вводящие в монастырь. Но что всего удивительнее, одна женщина, доставши землицы из-под гроба, помазывала как бы елеем свои глаза, в укрепление оных. И чудное поистине дело: то, что и зрячего может ослепить, даровало верующей слепой прозрение.

Дивясь такому замечательному и для православных назидательному усердию, один из бывших со мною спросил у женщины: откуда они? Она отвечала, что пришли издалека и житье их за Константинополем. «Зачем же вы, – еще спросил он, – пришли сюда, ведь вы не нашего исповедания?» – «Так что же, – возразила женщина, – мы почитаем святого Пантелеимона и приходим к нему за исцелением. Он и меня исцелил в 1862 году: я двадцать лет страдала глазами и совсем ослепла; все лекарства были недействительны; но когда я пришла сюда и, помолвившись угоднику, умылась святой водою из колодезя да потерла глаза землею от гроба, то получила исцеление. Поэтому я третий уже раз прихожу сюда... Да вот и эта женщина, – продолжала она, указывая на другую, – недавно получила исцеление». Тут подошла и та, с дитятею, и рассказала о своем исцелении: она имела на груди неизлечимую рану, называемую рак, но, помочив ее водою из святого колодезя, исцелилась. «И многие из наших, – добавили они, – приходят сюда и получают исцеление в разных болезнях».

Выйдя из церкви с чувством благоговения, мы узнали, что утром была еще большая партия поклонников-армян. Тут мы спросили у приставника церкви, записывают ли они совершаемые святым великомучеником Пантелеимоном чудеса. «Здесь нет этого обыкновения, – отвечал он спокойно, – да и кто запишет их все? Они совершаются почти каждый день, и по столько, что не переписать...» Мы просили его, как очевидца, с давнего времени там живущего, рассказать, по крайней мере, о каких-либо чудесах подробно, но он не мог удовлетворить нас. Чудодейственные явления, постоянно происходя на глазах его, сделались как бы обыкновенными; он признавался, что о чудесах и не спрашивает у исцелившихся, разве когда, исполняя свои служебные обязанности, случится быть свидетелем или кто сам начнет торжественно

рассказывать о своем исцелении, в первые минуты радости; но и это не остается у него надолго в памяти.

* * *

Поскорбев, что так равнодушно смотрят на священные события, мы обратились в митрополию, но и там не удовлетворили нас в этом отношении, подтвердив только, что чудеса совершаются постоянно и в большом количестве, а записывать их не приходило никому на мысль. «По крайней мере, – просили мы, – нельзя ли на будущее время обратить более внимания и записывать чудеса?» Нам дали обещание, что с этого времени намерены завести журнал в митрополии и записную книгу в монастыре; будут неопустительно следить за чудесами и записывать их. При отъезде мы имели утешение слышать, что митрополия распорядилась уже заказать и книгу. В 1867 же году мы видели, что запись эта сделана и продолжается. Да поможет им Господь в сем священном деле!

* * *

Карabet, сын Якус-Оглу, никоимидийского армянина, был разбит параличом и шесть месяцев страдал, лежа совершенно недвижимо. Медицинские пособия не принесли никакого успеха, так что лечивший его доктор отказался от пользования. Через шесть месяцев страдания он увидел во сне молодого, прекрасной наружности человека, который сказал: «Сходи вот в ту церковь (указал место) и спустись вниз, где есть вода: выпивши, ты будешь здоров». Приняв это сонное видение за истинное указание, он просил, чтобы его отвезли в монастырь святого Пантелеимона, и его желание тогда было исполнено. Это было в 1864 году, уже по выезде нашем оттуда. В монастыре, прежде всего, заказали молебен великомученику, потом попросили воды из святого источника: напившись, больной почувствовал облегчение и просил дать ему земли из-под гроба святого страстотерпца. Возвратившись домой, он тер сам этою землею, как бы целительным бальзамом, оцепеневшие члены и через два дня получил совершенное исцеление. Спустя после сего шесть дней он здоровым приходил в монастырь и рассказывал о последовавшем ему от великого угодника исцелении.

* * *

В 1865 году женщина римо-католического исповедания получила исцеление, весьма замечательное по роду недуга. У нее отнялась нога: она не только не владела ею – нога даже мешала; и, когда нужно было этой женщине идти на костылях, то она связывала усохшую свою ногу веревкой и волокла за собою, как привязанную ношу; так страдала она три или четыре года. Услыхав о чудесах святого великомученика, она приехала в Никомидию и отправилась с парохода в монастырь. Придя туда, она хотела спуститься по ступеням ко гробу и источнику святого целителя, но не могла этого сделать. Видя это, благоговейный кандил-жигатель, Христо Иоаннов Пичиндирис, взял женщину в охапку и принес ее ко гробу великомученика, из-под которого достал ей земли, и она, с молитвою к святому многоцелебнику, начала тереть этою землею свою больную ногу. Растирая, она не переставала взывать к святому страстотерпцу, и продолжала делать это с полчаса. Внезапно ощутивши жизненность в ноге, она воскликнула от радости и звала принесшего ее кандил-жигателя, которому выразила свое изумление и радость словами, что она «ощущает жизнь в ноге и владеет ею». Затем сама вошла по высокой, с каменными ступенями, лестнице, прославляя своего безмездного целителя.

* * *

Католик Агоп-Агас из Константинополя, сын Монгель-аги, имел в доме своем больного, одного из членов семейства, и, зная о чудесах святого страстотерпца Пантелеимона, заочно попросил его святой помощи; вскоре больной его выздоровел. Как только он ощутил себя здоровым, то Агоп-агас немедленно приехал с ним в Никомидию. Возблагодарив святого страстотерпца, они рассказали о бывшем от него исцелении; при этом подарили в церковь привезенную ими епитрахиль. Это было 2 июля 1867 года.

* * *

На день памяти святого Пантелеимона в 1867 году, после службы, пришел в общее собрание синода митрополии и почетных граждан адвокат и во всеуслышание рассказал о бывшем ему исцелении следующее. «Вчера, – говорил он, – когда шел я в монастырь, чувствовал неносную боль в глазах, которой страдаю много лет, так что с великим трудом мог дойти сюда, но, помолившись святому велико мученику и помочив водою из святого источника глаза, я тут же почувствовал облегчение и теперь гляжу свободно, с какою-то особенною отрадой, после стольких лет болезни, и за долг поставил заявить почтенному собранию, во славу святого многоцелебника Пантелеимона». Все это мы слышали лично сами, будучи в этот праздник в Никомидии.

Чудеса святого Пантелеимона в Кюс-Кюнджюке¹⁶

Хорошо известно своеволие и неистовство янычар во все время их существования в Турецкой империи. Из этих-то свирепых воинов, наводивших ужас на мирных жителей, некоторые проходили мимо целебного источника святого Пантелеимона во время греческого восстания в 1821 году. Один янычар, при виде большого стечения богомольцев, которые молились перед святой иконою и пили воду, умывались или обливали больных, в исступлении ярости выхватил пистолет и выстрелил в образ святого Пантелеимона, перед которым он видел много усердно молящихся; но пуля, ударив в ступень правой ноги изображенного на иконе святого Пантелеимона, отскочила, сделавши только знак, видный и теперь. Турок же, в это время взбесновавшись, упал и умер, прежде чем успели его довести домой.

* * *

В предместьи Константинополя, называемом Каракею (черное село), турок Мемет заболел и четыре года лежал в расслаблении на одре, не могши ходить. Знавшие о чудесах святого великомученика Пантелеимона родственники расслабленного принесли его на кровати к источнику святого Пантелеимона, облили водою из святого колодезя, и турок тут же получил исцеление. Это было в 1835 году. Оставив при источнике кровать и костыли, он здоровым пришел домой и, купивши пять ок (около шести килограммов) свечей, принес в признательность своему безмездному целителю, оставив их при святой иконе в часовне. С тех пор турок этот ежегодно приносил по два ока свечей, питая к святому страстотерпцу чувство благоговейного усердия.

* * *

Один армянин в Скутари (часть Константинополя на азиатской стороне) подвергся беснованию и пять лет страдал этой мучительной болезнью; приходя в исступление, он кидался на людей и причинял значительный вред, отчего все боялись его. В таком положении его привезли в 1836 году к источнику святого Пантелеимона, где по просьбе родных священник читал над ним закликательные молитвы. Во время чтения недужный, закричав, упал, и, к ужасу всех, у него стала клубиться пена изо рта; при этом находилось много одержимых беснованием в ограде, которые вдруг завопили: «Смотрите, смотрите: бес вылетел!.. Ушел, ушел!» Больной же в это время лежал без чувств; его sprыснули водою из святого колодезя, и он, милостью святого целителя Пантелеимона, встал здоровым; беснование никогда уже после того с ним не повторялось.

* * *

Мясник, торгующий свиным мясом в Константинополе, в Кучуккею, на азиатской стороне, в 1837 году лишился ума, и четыре уже месяца продолжалось такое состояние. Его привезли к источнику святого великомученика Пантелеимона, облили водою и читали молитвы: в это время больной пришел в сознание и получил совершенное исцеление. В радости сердечной он возблагодарил своего милостивого целителя и, излив пред ним свои молитвы, сделал пожертвование в тамошнюю церковь святого Пантелеимона. С того времени и поныне

¹⁶ Кюс-Кюнджюк, по-гречески – Хрисотерамос, – место на азиатской стороне Константинопольского пролива.

он не перестает приезжать на поклонение великому чудотворцу, делая каждый раз какое-либо пожертвование, преимущественно восковыми свечами.

* * *

В 1838 году в Константинополе три девицы – одна православного, а две армянского исповедания – были увлечены в распутство и служили орудием дьяволу к уловлению в сети его многих душ. Но овладевший ими дьявол не захотел уже тайно пребывать в них и проявил себя в настоящем, ему приличном действии – бесновании.

Шесть месяцев мучились три несчастные жертвы в страшных припадках, так что видевшие это христиане пришли в сострадание и, не находя чем помочь им, отвезли к целебному источнику святого страстотерпца Пантелеимона, прося священника совершить над ними положенные молитвы. Исполнив это, иерей дал им напиться воды из святого колодезя, и недужные тут же исцелились. В благодарность они дали обет пребывать в чистоте и целомудрии до кончины своей.

* * *

В 1840 году чудодейственно был исцелен от опасной болезни логофет Великой Константинопольской Церкви. Долго он был болен; лучшие медики не могли подать никакой помощи и, наконец, отказались от лечения. Будучи в таком положении и зная о многочисленных чудесах святого Пантелеимона, логофет просил, чтобы привезли к нему из Кюс-Кюнджюка образ святого великомученика Пантелеимона и воды из источника. Священник с этим прибыл к нему в Неохор (на европейской стороне), отслужил у него молебен святому Пантелеимону и дал болящему выпить воды из святого источника. Усердная молитва и живая вера подвигли к обычной милости великомученика и целителя Пантелеимона: умирающий логофет тут же получил исцеление! Он, взяв с собою священника и золотых дел мастера, поехал в церковь и, излив признательность свою в горячей молитве, заказал на икону святого Пантелеимона серебряную ризу. С тех пор логофет ежегодно, по данному при исцелении обету, является к празднику святого Пантелеимона в церковь его и становится на клирос, – прославлять святого целителя своего и голосом, и присутствием своим, как живое свидетельство того чуда, которое выражается в продолжающемся с тех пор его здоровье.

* * *

В 1841 году жена набойщика, по имени Елена, занимаясь этим мастерством по смерти мужа, однажды вышла мыть выбойку, и среди этого занятия внезапно случился с нею удар, и паралич разбил ее так, что она осталась недвижима. Ее перенесли на носилках домой, и она лежала, как бревно, не владея членами; родители ее пригласили доктора, и тот целый месяц испытывал над ней силу медицины, но больная оставалась в прежнем положении. Видя безуспешность земных врачеваний, двоюродный ее брат отправился в Кюс-Кюнджюк и пригласил священника отслужить молебен святому великомученику Пантелеимону в доме больной. Священник, взяв частицу мощей святого страстотерпца и все необходимое, отправился к больной; отслужив у нее молебен, подошел с крестом к одру ее и только что оным начал осенять ее, как вдруг одна нога ее с приметною быстротою стала пухнуть. Видя это, священник продолжал осенять крестным знаменем больную; нога вздулась страшно, кожа на ней лопнула, и пар, густой, как дым, пошел из раны. После сего больную окропили водою из святого источника, и она получила совершенное исцеление. Выздоровевши так чудодейственно, по одной милости

святого многоцелебника, больная спросила священника, что ей сделать в признательность святому угоднику Пантелеимону. Зная ее бедность, священник назначил ей сорок дней ходить в церковь к службам и класть там ежедневно по пятьдесят поклонов перед иконою святого страстотерпца, выражая и наружно перед всеми чувство своей благодарности святому целителю Пантелеимону.

* * *

Дочь Руфат-паши двадцать лет страдала беснованием. Не понимая сути болезни, паша приглашал разных медиков, и они, истощив все свое искусство над больной, измучили ее еще больше разными операциями, кровопусканием и лекарствами. Потеряна была всякая надежда на излечение. Как ни закоренелы турки в своем ослеплении и как ни предубеждены против христианской веры, однако паша должен был переломить себя и искать помощи в христианской Церкви. Давно слыша об исцелениях святого великомученика Пантелеимона, паша решился, наконец, отвести больную дочь к источнику в Кюс-Кюнджюк и просил там священника принять участие в болезни несчастной. Священник читал над нею молитвы, окроплял водою, но больная не получала исцеления; паше не хотелось везти ее назад больною, он оставил ее при святом источнике, прося священника сделать все, что может, сам же возвратился в имение, недалеко от Кюс-Кюнджюка находившееся. Священник два дня читал молитвы, обливал больную водою, давал пить, но она лежала, и припадки продолжались еще сильнее; наконец, в третий день, к радости всех присутствовавших и к славе святого великомученика, во время служения ему молебна, бес оставил недужную, и она получила совершенное исцеление. С этим известием слуги паши, оставленные при больной, немедленно побежали к нему, и тот, не помня себя от радости, босой, прибежал посмотреть на свою дочь; при виде ее в первые минуты он совершенно потерялся от восторга. Сделав потом значительное пожертвование церкви и священникам, он возвратился с исцеленною дочерью в имение и не скрывал чудодейственной помощи великого угодника Божия святого Пантелеимона.

Вышеописанное исцеление видел в числе других лиц один черногорец-христианин, который тоже был одержим беснованием и давно мучился. Когда прочие уже разошлись из церкви, черногорец, оставшись, горько упрекал себя, говоря: «Вот и магометанка исцелилась, а я, скверный, верую Господу и почитаю святых Его угодников, но доселе страдаю и не обращаюсь в этой болезни к святому целителю Пантелеимону». С этими словами, повергшись перед иконою великомученика, он начал молиться. Но у него вдруг открылся припадок беснования. Демон, не терпя опаляющей его молитвы, поразил черногольца с еще большею силою, и он побежал и бросился прямо в колодезь. Ужас овладел бывшими при этом двумя священниками и двумя сторожами, которые могли ожидать только, что несчастный расшибся до смерти и утонул; страшась же в этом случае придинок турецкой полиции, они тут же, затворив двери часовни, решились вчетвером вытащить тело и тайно похоронить ночью, чтобы не пострадать от турок. Навязавши на веревку крючья, опустили их в колодезь и старались зацепить тело; вскоре один крюк задел за одежду, и они все четверо начали вытаскивать осторожно; но когда оставалось только ухватить руками утопшего, веревка вдруг оборвалась и черногорец опять полетел в колодезь. Случившееся тем сильнее подействовало на всех, что в это время послышался стон упавшего. Уразумев, что жизнь в черногорце еще не угасла и он только вторым падением убит окончательно, священники и сторожа скорбели неутешно. Но делать было нечего: они снова опустили крючья, уже на цепи, чтобы вытащить мертвеца, как они думали. Но каково же было их удивление, когда они увидели сего черногольца совершенно здоровым и даже сухим, только ступни ног и края верхней одежды были замочены.

В изумлении они обступили исцеленного и спрашивали, как совершилось с ним это чудо. Он рассказал, что когда начал молиться, то, пораженный бесом, пришел в бессознательное

положение и не понимал, что он делает и что с ним делают, как бросился в колодезь и как его вытаскивали в первый раз; в сознание же пришел, когда упал вторично, ибо тут только увидал, где он и что оцепляют его крючьями, чтобы вытащить; словом, в это самое время он получил совершенное исцеление. «Как же, – спросили его, – сохраняемый угодником от ушиба, при падении ты не утонул в воде?» На что черноморец отвечал: «Когда я упал, то остановился над водою, и кто-то подставил мне руку, и я на ней держался все время, как в первый, так и во второй раз». Тут все прославили святого страстотерпца Пантелеимона, столь досточудно прославившего себя и в исцелении от недуга черноморца, и в сохранении его жизни при падении.

* * *

В 1842 году в одном из константинопольских предместий, Ортакею, кандилловжигатель (а впоследствии священник) церкви святого Пантелеимона пошел гулять за город в сад и там внезапно подвергся беснованию. Его привели к церкви в страшных припадках: он неистовствовал, все хулил и сыпал слова бранные и нелепые. Когда стали читать над ним заклинательные молитвы и кропили водою из святого колодезя, он заревел дико и изрыгал хулу на каждое слово читаемой молитвы. После двух дней, прошедших для него в таком состоянии, наконец, на третий день снова приведен был в церковь на Литургию и тоже изрыгал хулу во время священнодействия; когда же священник со святыми дарами в царских вратах произнес: «Всегда, ныне и присно и во веки веков», несчастный, затрепетав, упал и оставался без чувств несколько минут. Его окропили водою из святого колодезя, и тогда, поднявшись здоровым, он возблагодарил святого целителя Пантелеимона, милостиво избавившего его от мучителя-дьявола.

* * *

В 1845 году константинопольский башмачник, именем Харалампий, живущий в части города, известной под названием Ставродромии, подпал демону и, страшно беснуясь, рвал зубами свое тело и в неистовстве делал ужасные выходки. Его привезли к источнику святого Пантелеимона, а священник тамошний в это время собирался куда-то по делам, отправляясь надолго. Увидав в мучительных припадках больного (который, когда привели его к церкви, едва не вырвал отцу своему руку), священник, будучи давно знаком с его отцом, отложил поездку и начал совершать молебствие святому великомученику Пантелеимону, затем служил всенощную и Литургию. Во время Литургии демон сильнее мучил болящего. Харалампий стремительно упал наземь и страшно бился, кричал, неистовствовал, беснуясь, но к концу Литургии бес оставил его и недужный получил совершенное исцеление.

В признательность к святому Пантелеимону Харалампий ежегодно приходил в день своего исцеления в храм к источнику святого Пантелеимона, прославляя угодника.

* * *

В константинопольском предместье Ортакею жил богатый армянин, занимавшийся разменом денег, по фамилии Эдоэта. Жена его, именем Киркор, страдала пять лет неизлечимой болезнью – чахоткой, достигшей самой высшей стадии развития, и так иссохла, что не могла уже и ходить, – лежала неподвижно и мучилась безотрадно. Муж не жалел ничего и до половины имения употребил на лечение, но болезнь жены не только не отступала, а еще усиливалась. Эдоэта пожелал отвести больную жену к колодезю святого страстотерпца; но как исполнить это, когда к ней прикоснуться нельзя было? Он решился пригласить священника с иконою святого Пантелеимона к себе в дом, для чего и прибыл сам в Кюс-Кюнджюк; но священники,

по причине постоянного стечения богомольцев, не решались отправиться с иконою в дальнее место. Эдোэта усилил просьбу, выставляя отчаянное положение больной и невозможность привести ее.

Наконец, уступив его просьбам, отпустили с иконою одного иерея, с тем, чтобы, отслужив молебен, он возвратился непременно того же дня, ибо икона необходима при источнике. По совершении молебствия священник окропил водою болящую, и она забылась и лежала точно мертвая: но это был сон, крепкий и продолжительный, во время которого совершилось ее исцеление. Священник, исполнив свое дело, хотел по отслужении удалиться; но его упростили подождать, не зная, что последует с больною. Расположившись в смежной комнате, хозяин со священником долго беседовали; вдруг, около полуночи, больная зовет к себе и просит есть. В изумлении все поспешили к ней, и она объявляет, что совершенно здорова, повторяя, чтобы дали ей есть что-нибудь, так как она может теперь употреблять всякую пищу (тогда как в последнее время совсем ее не употребляла). Таковому событию обрадовались все домашние, а богатый хозяин сделал значительное пожертвование церкви святого Пантелеимона, подарил священнику три тысячи левов (сто восемьдесят рублей серебром), в восторге назвав его «безим папа» («наш поп»). Это впоследствии обратилось в прозвище священника, и даже оставшееся по нем семейство и доныне зовется «безим папа».

* * *

В Константинополе, на Арнаткею, у одного грека сын долгое время страдал беснованием; его возили в разные святые места, но нигде не получал он исцеления. Наконец, отец повез его к источнику святого Пантелеимона, и, когда уже пристали к берегу, то беснующийся так неистово и страшно закричал, что все с базара сбежались, не понимая, что это такое. Недужный же кричал: «Не пойду, не пойду!» Но его насильно привели в церковь святого великомученика Пантелеимона; это было во время Литургии на день памяти святого страстотерпца, в 1853 году. Когда запели: «Тебе поем», беснующийся затрясся, упал, потом поднялся снова и был уже совершенно здоровым. Он возблагодарил святого целителя Пантелеимона за дарованное исцеление. В признательность свою желал навсегда остаться служить при церкви великомученика, но отец против воли увез его домой. Не получая и после соизволения на это родителей, он тайно скрылся из дома и поступил в услужение к одному архимандриту, живущему в селении Селеврия, недалеко от Кюс-Кюнджюка, через которого надеялся устроить свое всегдашнее пребывание при церкви святого Пантелеимона. Неизвестно, содействовал ли архимандрит его желанию, только исцеленный, прожив у него два года, оставил его и отправился на Афон, где и поступил в один из монастырей.

* * *

В начале 1850-х годов совершилось поразительное чудо от святого Пантелеимона при его источнике. В селении Ривы (Халкидония)

один турок, разбитый параличом, лежал двадцать лет на одре; у него открылись раны и сочилась материя, издававшая запах. Будучи богат, он не щадил денег, но пользы от лечения не получал никакой. Ему посоветовали обратиться к святому Пантелеимону, который исцеляет всякие неизлечимые недуги; он и сам давно слышал о чудесах, совершающихся при источнике святого страстотерпца, но все еще чаял себе помощи от земных лекарств, опытными врачами ему предписываемых. Наконец, потеряв за двадцать лет всякую надежду, он приказал родным отнести себя в Кюс-Кюнджюк. Наемный носильщик на своих плечах донес его от берега в ограду церкви святого Пантелеимона и там положил его с помощью других. Носильщик был еврей; отирая на себе следы гноя после больного, он стоял в ожидании, пока турок сделает, что

ему нужно, чтобы тем же порядком отнести его обратно и, разумеется, получить следуемую плату.

К неподвижно лежавшему турку подходит священник, исполненный живой веры, очевидец бесчисленных чудес святого великомученика Пантелеимона, и говорит: «Что же ты лежишь? Вставай! Разве ты не знаешь, что пришел к святому Пантелеимону?» Но больной лежал по-прежнему, не двигаясь. Благочестивый священник повторил свои слова, но больной оставался неподвижен; ревнуя о славе святого Пантелеимона, иерей, произнес те же слова в третий раз, легонько ударил больного турка по лицу и потянул его за руку, как бы заставляя встать. Турок начал слабо подниматься; его подвели к колодезю, облили водою, и он, к общему удивлению, был исцелен от поражения параличом и от ран. В радости, он выскочил из часовни и закричал, прославляя святого целителя Пантелеимона. Еврей-носильщик, увидав его в этом положении – ходячим и здоровым, в трепете от совершившегося чуда, выскочил на улицу и кричал что было сил: «Никогда не видал такого чуда!» На его крик сбегалось множество всякого народа, и он рассказывал в толпе, как принес разбитого, покрытого ранами турка и как тот внезапно выздоровел; тут подошел и сам исцеленный, свидетельствуя собою о совершившемся чуде. Невольный ужас объял многих, слышавших об этом событии, а в особенности тех, кои лично знали двадцатилетнюю болезнь турка.

Сделав пожертвование церкви святого Пантелеимона, турок с тех пор постоянно, в годовщину своего исцеления, приезжал к источнику святого Пантелеимона, благодарил святого целителя за дарованное исцеление и всегда приносил воска.

* * *

Жена башмачника Саввы, Георгиса, в Константинополе, заболела колющим в боку; у нее сделались спазмы в желудке, и, когда они усиливались, то стягивало самый живот и Георгиса делалась полумертвою. Так страдала она три года, и доктора не могли подать ей никакой помощи. Муж ее, услышав о чудесах святого Пантелеимона, привез ее в 1857 году в Кюс-Кюнджюк, где служили молебны, давали больной пить воду, и они три месяца, не уезжая домой, молились святому Пантелеимону, который медлил с исцелением к их же духовной пользе, возбуждая к живой вере и делам благочестия.

К концу третьего месяца бытности их в Кюс-Кюнджюке Георгиса получила совершенное исцеление. С тех пор они ежегодно приходили в храм к святому великомученику Пантелеимону и делали посильные жертвования.

* * *

В Константинополе же одна женщина, по имени Анастасия, четыре года страдала беснованием; родные привезли ее в 1858 году к источнику святого Пантелеимона; в это время служили Литургию соборно на память святой Матроны (18 ноября), и беснующаяся билась, кричала и поносила все священное, но, когда диакон вынес из царских врат святыне дары и сказал: «Со страхом Божиим и верою приступите!», беснующаяся, страшно закричав, упала. От необычайного крика все перепугались. Рот раздвинулся так неестественно, что страшно было смотреть. Тут в виду всех изо рта пошел дым, и это продолжалось минут десять; больная лишилась чувств, и все заключили, что она умерла. Но, когда принесли воды из святого колодезя и окропили ее, она вдруг поднялась и была уже здорова.

В признательность к великому угоднику Божию, святому Пантелеимону, она жила при церкви сорок дней и не хотела бы никогда отлучиться от места своего исцеления, но, повинаясь воле мужа, отправилась восвояси.

* * *

Жена архитектора, в Константинополе, также одержимая бесом в продолжение восьми месяцев, была к тому же еще беременна, и, когда ее повезли в Балаклию, к источнику Божией Матери, то дорогой она почувствовала приближение родов, почему ее немедленно отвезли в госпиталь. Там, по рождении младенца, она поражена была параличом: у нее отнялись ноги, а руки свело и пригнуло к плечу так, что она не могла их разогнуть и держала кверху; сама же, разве только сидя боком, могла двигаться, и то без помощи рук, так как ими не владела; ко всему этому усилились еще и припадки беснования. В таком ужасном положении привезли ее ко дню памяти святого великомученика Пантелеимона, в 1859 году, в Кюс-Кюнджюк и отнесли в церковь. Во время Литургии она так бесновалась, что заглушала самую службу, почему митрополит отдал приказание вывести ее из церкви; но муж упросил его оставить больную, и она вместе с тем получила исцеление. По окончании службы митрополит позвал ее к себе, благословил и вслух при всем народе прославил святого многоцелебника Пантелеимона, творящего столь дивные и преславные чудеса!

* * *

Мальчик лет десяти, из христиан, в Константинополе, вследствие болезни онемел и оглох, и четыре года пробыл в этом положении. Родные привезли его в Кюс-Кюнджюк, к источнику святого Пантелеимона, где просили служить молебны, поили водою из святого колодезя, окропляли его, но мальчик оставался глух и нем. В это время пришел архимандрит и, взяв больного, сам дал ему воды из святого колодезя; потом повел его наверх, потребовал ключ от церкви святого Пантелеимона и вложил его в рот мальчика, и, когда повернул, как бы отпирая, мальчик что-то неясно пробормотал и стал слышать. Казалось, исцеление было неполное, но когда привезли его домой и лишь только вступили в дом, мальчик спрашивает: «Где же маменька?» – и с этой минуты стал владеть языком. Обрадованное семейство, с исцеленным мальчиком, тут же отправилось к святому великомученику Пантелеимону отслужить благодарственный молебен, и после того отец до самой смерти ежегодно приходил в день совершившегося чуда, прославляя святого угодника.

* * *

В 1860 году в Скутари подмастерье башмачника лет пятнадцати, по имени Иоанн, сидя за работой, вдруг заговорил такой вздор, что всех слышавших удивил этим, потом, опрокинувшись назад, он упал со стула и начал неистово бесноваться. Припадки его были так сильны, что бывшие рядом принуждены были приковать его цепью. Пригласили лекаря, но тот, поняв, что эта болезнь неизлечима медицинскими средствами, посоветовал отвести больного к святому великомученику Пантелеимону. Башмачник отправился с больным в Кюс-Кюнджюк. Когда привезли его к источнику, он кривлялся, делал разные странности и вел себя как помешанный. Когда же стали читать над ним положенные молитвы на изгнание демонов, то он погрузился в бессознательное состояние и всю ночь пролежал как мертвый. Но утром вдруг заревел страшно, каким-то неистовым, нечеловеческим голосом; над ним стали читать Евангелие, он опять забылся, но на этот раз обморок окончился исцелением, ибо, лишь окропили его водою из святого колодезя, больной очнулся и почувствовал себя совершенно здоровым.

* * *

Так святой великомученик Пантелеимон, прославляемый Богом, чудодействует, помогая страждущим всякого рода недугами. Достоверно известно, что жители разных предместий Константинополя получили знаменательные исцеления, но собрать подробных сведений мы не могли. Нам передавали только, что совершились многие чудеса в местах: Неохоре, Бояджикее, Буюк-дере, где недавно исцелились страдавшие различными недугами (в первом – три человека, во втором – три, в третьем – семь или восемь больных) и во многих других селах или предместьях обширного Константинополя. К сожалению, не от кого было узнать о других совершившихся там чудесах святого многоцелебника. Все ссылались на кондик, или записную книгу чудес святого Пантелеимона, которых записано там до двух тысяч, но в нашу бытность кондика этого не было в часовне и отыскать (справедливо или нет) не могли. Эти две тысячи чудес записаны в течение двадцати семи лет, от времени построения другой, при самом источнике, церкви. Почти каждый получивший исцеление своелично записывал в этот кондик, как говорили нам, свою фамилию и год, месяц и число, без всяких подробностей, свидетельствуя, что получил исцеление – и только. Впрочем, даже и при такой неясности, кондик, как собрание столь многочисленных свидетельств на языках: греческом, турецком армянском и других – имеет свое значение. По словам же священников и жителей, чудес совершилось, кроме записанных, множество, даже большая часть не попала в запись.

Общеизвестно там и то еще, что разные увечные и больные, приходя на костылях, уходили здоровыми, а костыли оставляли в ограде, которых и было весьма много; еще в недавнее время собралось, таким образом, до пятидесяти пар костылей, коими пользуются просто как топливом. Долго стояло множество кроватей, на которых приносили тяжкобольных, кои по исцелении возвратились сами собою, а кровати, подобно трофеям, свидетельствуя о победе веры над смертью, оставались при источнике, во славу святого страстотерпца Пантелеимона. К сожалению, и эти красноречивые памятники о совершившихся чудесах, в глазах свидетелей, присмотревшихся к чудодейственным событиям, не имеют никакой цены и так же точно идут на дрова. На это мы не могли не выразить тамошним священникам глубокого своего сожаления и не попросить их, чтобы на будущее время делали сим трофеям назначение другое.

Чудеса святого Пантелеимона в других местах

Когда древняя Византийская империя подпала под владычество турок, некоторые храмы Божии, как известно, обращены были в мечети. В числе других храмов и церковь во имя святого Пантелеимона в Салонике превратилась в мечеть, где, как передают, совершилось много чудес над турками. Приведем здесь одно, особенно замечательное чудо, о котором можно было собрать достоверные сведения.

На минаретах, которые составляют принадлежность каждой турецкой мечети, свободно кричат муэдзины, (ходжи, или безаны), созывая мусульман на молитву; но на минарете, построенном при бывшей церкви святого Пантелеимона, ни один из них не делал этого. А если кто дерзал кричать, то всегда был жестоко наказываем святым великомучеником: иные были биты нещадно, иные делались безгласными и на всю жизнь оставались немые, а большей частью обрушивались вместе с минаретом или были сбрасываемы с него на дальнейшее расстояние и разбивались насмерть; некоторых даже не могли найти после.

Вразумляя, таким образом, поклонников Корана, святой страстотерпец в то же время всегда щадил христиан в близнаходящемся от минарета доме. Несмотря на то, что почти всегда разбивалась крыша или часть дома при падении минарета, живущие в нем всегда оставались целы и невредимы. Они, зная, что никогда ничто не проходит без наказания от святого Пантелеимона кричавшим ходжам, когда те начнут обычный свой монотонный призыв с минарета, — лишь только слышат пение крикливого изувера, тут же все выбегают из дома, чтобы не пострадать при падении шпиля минарета, так как это или другое наказание повторялось постоянно. Вразумленные турки надолго после того оставляли свои покушения кричать с минарета и даже не возобновляли его. Новое поколение, новые начальственные лица забывали грозные уроки от святого великомученика или даже вовсе не верили сему, считая бывшее вымыслом, и, по гордости, успокаивали себя, что этого при них не может случиться, почему снова возводили минарет, утверждали на нем шпиль и исламическую свою луну; но и им приходилось испытывать те же грозные вразумления и отказываться от своих покушений. Это испытал за двадцать пять или более лет перед сим и паша Муса, стоявший с войском в Солуне. Он непременно хотел возобновить минарет и отпереть мечеть для молитвы чтителям ислама, хотя она, вследствие бываемых наказаний, оставлена была турками и никогда не отпиралась. При такой неременной воле паша нанял мастеров и, под руководством опытного зодчего, минарет был отстроен в самом лучшем виде и прочности, так что все турки отдавали предпочтение зодчему-греку перед своими и благодарили его. Но в следующую же ночь, когда ходжа начал распевать свой призыв, верх минарета упал и глубоко вошел в землю.

Не понимая совершившегося чуда, турки приписали это злонамеренности строителя-грека, думая, что он так сделал нарочно, дабы не возобновляли минарета. Тогда же взяли его и хотели повесить, не принимая никаких оправданий. Наконец решили, по предложению кого-то из турок, заставить несчастного грека восстановить всё, и в самом прочном виде, а иначе, если окажется что-либо неудовлетворительно, угрожали ему смертью. Мастер на этот раз поневоле должен был приступить к делу, но уже под строгим надзором турок, которые следили за всем неотступно; впрочем, грек этим не стеснялся, потому что и прежде производил работы добросовестно и с совершенным знанием дела. Когда все было выполнено как нельзя лучше, грек-мастер был освобожден из-под ареста, но на следующую же ночь опять упал верх минарета со шпилем, и опять в то же самое время, когда начал свой призыв безан! Пораженный этим, паша оставил свое упорство, и минарет двадцать лет оставался в таком полуразваленном виде, а мечеть была заперта. За восемь же лет перед этим один юродивый начал раскидывать минарет и кричать, на сколько доставало сил: «Раскидаем мы весь минарет ваш и сделаем храм святому великомученику Пантелеимону!» Турки хотя и считали его умалишенным, но пришли

к заключению, что эта мысль таится в умах других христиан, а потому, как бы в отмщение или оскорбление им, воздвигли минарет, отперли и мечеть для молитв своим мусульманам, и они изредка стали было собираться, впрочем, без крика ходжи, который не осмеливался взбираться на минарет. Несколько раз водружали они на мечети полукружие луны, но всегда после сего находила грозная туча, и первый удар молнии направлялся на минарет, разбивая вдребезги символический знак неверных, так что, после многократных покушений, они совсем оставили свою предприимчивость и даже, как говорят, опасаются теперь приступить к подобным попыткам, прекратив и свое нечестивое богослужение в мечети.

Но, кроме грозных знамений, было еще карательное чудо: оставленная в забвении мечеть (бывшая церковь святого Пантелеимона) с течением времени в разных местах начала обрушиваться; продолжительные зимние дожди, обливая стены, смывали штукатурку, из-под которой начали показываться лики святых угодников и другие изображения. Не имея ни средств, ни надобности снова замазывать лики святых, турки начали уничтожать или искажать их, и кто ковырял гвоздем, кто обивал молотом, камнем, делая это мимоходом, более из домов, прилегающих к мечети. Это кощунство не прошло даром: все те, кто дерзал издеваться над изображениями христианских святых, были наказаны святым великомучеником Пантелеимоном скоростигшной смертью, даже и семейства их повымерли, так что в двадцать лет (с 1845 года) не осталось почти никого из турок в окрестности мечети; немногие оставшиеся в живых там, видя явное наказание и боясь сами подвергнуться той же участи, продали дома свои христианам и сами добровольно удалились; отныне всю окрестность около древнего храма святого Пантелеимона занимают исключительно христиане; даже есть несколько и пустых домов, ибо владельцы их, турки, боятся там жить, а покупателей христиан не находится.

Дом близ самой мечети, на который падал несколько раз минарет, как было сказано, принадлежал Авксентию Дмитриеву Абажде. В 1849 или 1850 году у него проживал близкий родственник, который неоднократно в ночное время видел святого великомученика Пантелеимона, ходящего по их двору и далее вокруг ограды мечети. Не постигая, кто бы это был, он подумал, что это турок, и негодовал на дерзость его; потом перешел к мысли, что это вор и хочет обокрасть их. Передавши это родным, он стал следить строже, и когда после этого вышел ночью, то, встретившись, почти столкнувшись с молодым незнакомцем, кинулся на него с криком, чтобы схватить, но тут же упал без чувств. Сбежавшиеся на крик родственники внесли его в комнату и желали узнать, в чем дело, но он был безгласен; кровь текла из носа, изо рта — он истекал кровью; призванные доктора объявили, что он умрет. Родственникам было крайне прискорбно такое обстоятельство, но вместе с тем им хотелось знать, отчего случилось такое непонятное происшествие, и потому нередко повторяли свои вопросы. Больной, наконец, смог проговорить только одно, что видел юношу... Родственники догадались, что это было наказанием за что-либо от святого Пантелеимона, позвали тотчас же священника, отслужили молебен святому страстотерпцу, больной тут же получил исцеление и передал тогда все случившееся с ним. Всегда благоговевшее к угоднику Божию семейство Авксентия еще более стало чтить великого чудотворца и благодарить, что он удостоивает их покровительством и, видимо, посещает их обиталище.

Святогорец, в бытность свою в Солуне в 1851 году, спрашивал знающих, что бы это значило, что на минарете нет шпиля и луны на мечети. Ему отвечали, что эта мечеть была прежде церковью святого великомученика и целителя Пантелеимона и что угодник Божий не терпит позора своей церкви, грозно уничтожая святотатственные покушения басурман на святыню. «Почему же, — возразил Святогорец, — он один только не терпит этого, тогда как все прочие святые, и даже Богоматерь и Сам Господь, попустили Свои святилища разграбить и обратить в турецкие мечети?» — «Это, — отвечали ему, — тайны судеб Господа, дивного во святых Своих».

* * * В большом городе Сересе, находящемся в пределах Македонии (недалеко от Святой Горы), в 1847 году был страшный пожар, во время которого, кроме тысячи разных зданий,

сгорело пятнадцать церквей. Среди этих последних находилась одна церковь во имя святого великомученика Пантелеимона, и угодник, за особенное ли усердие к нему жителей города или для большей славы о чудесах своих, видимо покрыл церковь благодатным своим покровом: она, к общему удивлению не только христиан, но и турок, сохранилась от пожара, несмотря на то, что находилась в самом сильном огне от смежных с нею зданий. Во время разлившегося пламени многие из православных и даже турок видели молодого всадника, который разъезжал вокруг церкви, и огонь не смел коснуться его, а вместе с ним и храма. Этот всадник, по вере христиан, был сам страстотерпец Пантелеимон, имени которого посвящена была сохранившаяся церковь.

* * *

В 1839 году в уезде одного из городов Турецкой империи – Редестоса, лежащего на юго-западной стороне Константинополя, совершилось два замечательных чуда от святого великомученика Пантелеимона.

Вблизи этого города есть большое село, называемое Кумва, в котором издревле существовал храм во имя святого великомученика Пантелеимона и ежегодно совершалось торжественное празднование храмового праздника в честь сего угодника Божия.

Благочестивый житель города Редестоса, Ставрос Кехаелус, с супругой Еленой, всегда из усердия к святому посещали храм великомученика в день его памяти. Таким точно образом, благоговевая перед памятью святого, прибыли они в 1839 году с сыном своим Иоанном на праздник угодника, дабы с прочими христианами быть причастниками его всецелых милостей.

Разделяя храмовое торжество и радуясь с прочими собравшимися на праздник в светлый день памяти великого страстотерпца Христова, Ставрос и Елена не заметили, как сын их Иоанн вышел из храма и, играя со сверстниками, нечаянно упал в глубокий овраг. Надо при этом заметить, что храм святого Пантелеимона стоит в этом селе на неровном и очень опасном месте, ибо близ него повсюду страшные овраги и пропасти. В один из таких-то глубоких рвов упал внезапно сын тех христілюбцев и, несясь с камня на камень, пока не долетел до дна оврага, изранил все тело, и едва дух жизни оставался в нем. Когда вынесли оттуда убившегося мальчика, поистине, зрелище было достойное слез не только для родителей, но и для всех, там находившихся, которые недоумевали и удивлялись, как все это случилось. Родители мальчика, как только увидели сына, прежде всего, припали с молитвою к святому великомученику Пантелеимону, орошаясь обильными слезами и прося святого, да будет милостив к ним в таком тяжком для их родительского сердца несчастьи. Сын их между тем близился более и более к смерти, и они, хотя не теряли веры, уповая, что если только угодно Господу, то святой страстотерпец и умершего силен воскресить, однако заботились уже о приготовлении к погребению. Но что устроит святой, зря их веру и благоговейное к себе усердие? В это время, как бы случайно, проходил мимо того места их родственник, который нес шкуру с овцы, только что снятую и еще теплую. Видя народ, столпившийся на одном месте, подошел и узнал все случившееся. Сочувствуя скорби своих родных, он, сам не зная, для чего, стал просить и убеждать родителей убившегося мальчика, чтобы обернули его в ту овечью, несомую им шкуру. Ставрос и Елена приняли его предложение не просто, но как явный промысл святого страстотерпца Пантелеимона, к которому они только что возносили слезную молитву об исцелении дитяти, и, уповая на благодатную помощь угодника, тотчас же обернули полумертвого сына своего в ту шкуру. А святой великомученик, видя столь простую веру их, – мгновенно – о чудо! – творит сына их всецело здрава и как бы совершенно не бывшего ни в какой болезни. И таким образом скорбь их превращает в радость.

Восстав от смертной болезни, как бы воспрянув от сна, мальчик заметил множество собравшегося около него народа и какое-то смятение, а также приготовления к погребению;

удивляясь, спросил, что это значит? И когда передали ему все подробно (ибо, быв полумертвым, он ничего не помнил из случившегося), к тому же, увидав на теле отметины ран, весь расцвел, как говорится, от радости, прославляя со всеми бывшими тут милостивого чудотворца, такую целебную помощь на краю гроба ему оказавшего. «Дивен Бог, – взывали очевидцы сего чуда, – во святых Своих и преподобен во всех делах Своих!»

Но не одно это чудо от святого Пантелеимона совершилось там: в иное время случилось по неосторожности, у тех же Ставроса и Елены, малому дитяти упасть с высокого места. Испуганные родители с бывшими при этом побежали вниз, думая, что дитя их расшиблось смертельно. И вот видят молодого всадника, который держит на руках малютку; никто не знал, кто он и откуда. Он же, положив дитя на руки матери и сделав ей строгий выговор за несмотрение ее, удалился. Всем присутствие вавшим пришлось только довольствоваться одним видением всадника, а кто он – и после узнать не могли; впрочем, для родителей дитяти, имевших теплую веру к святому страстотерпцу Христову Пантелеимону, и не нужно было разысканий: они вполне веровали, что молодой всадник, спасший их малютку от смерти, был, несомненно, тот же великий чудотворец Пантелеимон.

Некоторые чудеса святого великомученика Пантелеимона в России

У жившей в Туле, на Барановской улице, в доме Аксенова, мещанки Марии Ивановой Хрыкиной девятнадцатилетний сын Александр в ноябре 1868 года тяжело заболел тифозною горячкою; употребленные медицинские средства не облегчали страданий его. Мать болящего, видя бесполезность человеческих пособий, поспешила прибегнуть к Источнику жизни – Господу, просила священника Спасской церкви Михаила Васильева Покровского приобщить болящего Святых Христовых Тайн, единственного последнего напутствия в жизни человеческой, и потом по вере в святого врача великомученика Пантелеимона обратилась к нему с усердною мольбою, прочитала ему акафист, имея его святое изображение. На другой после сего день, в семь часов вечера, болящий, задремав, внезапно вскричал: «Подайте мне свечку, пришел ко мне угодник Божий Пантелеимон, принес склянку воды и сказал: “Я пришел тебя исцелить, вот тебе вода, пей эту воду – будешь здоров и вовеки не умрешь”». Когда мать болящего подошла к нему со свечкою, то он стал озиаться, как бы ища явившегося ему угодника Божия, со слезами просил осмотреть комнату, где стоял святой; ему не верилось, что это было сонное видение, он упрекал родных, говоря: «Вы не хотите поискать», – так впечатлительно было явление.

На другой после сего день мать болящего просила отслужить молебен святому великомученику Пантелеимону, взяла от его образа из церкви, именуемой Святая Никольская часовня, святого масла и освященной воды, дала болящему испить и помазала ему голову, после чего он продолжительно спал, тогда как до того времени совершенно не имел сна, и вслед за тем открылась у него обильная испарина и тиф миновался. Но, избавившись по молитвам угодника Божия от этой болезни, он впал в иную, тягчайшую: лишился зрения, имея открытыми глаза. Через неделю после первого видения и в то же время, в семь часов вечера, больной, бывший в забытии, увидел подошедшего к нему юношу с ящиком; больной, полагая, что это доктор, спросил его: «Как вас зовут?»¹⁷ Ответ ему был (о чем он после объявил): «Святой великомученик Пантелеимон». При этом больной ощутил необыкновенную боль в глазах, ему казалось, что у него будто вырывают глаза и течет кровь, тогда как у него текли слезы; от нестерпимой боли он закричал: «Маменька, у меня вырывают глаза, я без глаз!»; потом ему виделось, что упомянутый юноша, подошедши к нему, спросил его: «Что ты плачешь?» Больной отвечал: «Как мне не плакать, я лишился глаз; у меня, хотя больные, были глаза, а теперь никаких нет». Святой на это ответил болящему: «Не плачь, вот тебе новые глаза, будешь видеть этими глазами!» И при этих словах он как бы вставил болящему глаза. Болящий очнулся и вскричал: «Ах, маменька, посмотрите, какие у меня глаза, – я вижу ясно!» Так совершилось это дивное исцеление.

При расспросе об этом событии был свидетелем священник Спасской церкви Тулы Михаил Покровский, духовный отец исцелевшего, и действительность события удостоверил по сану священства своей подписью.

За удостоверением священника при описании сего события следуют подписи почетных граждан города Тулы: Николая Никитича Добрынина, Ивана Сергеевича Белобородова и иных, бывших при расспросах об этом замечательном событии.

Исцеленный объяснил, сколько мог вспомнить, что небесный врач, святой Пантелеимон, явился ему в виде юноши необыкновенной красоты, в одежде, как пишется на иконах сей угодник Божий; взгляд был исполнен кротости и милосердия.

¹⁷ Бывшие при этом родственники больного вопросы его слышали, а ответов, бывших ему, нет.

Исцеление от глухоты

Ученик первого класса Перервинского духовного училища Вячеслав Шумов, Верейского уезда, села Субботина, Николаевской церкви, сын умершего священника Николая Евфимиева Шумова, имеющий от роду пятнадцать лет, с 1870 года страдал болью головы и глухотой, за что и был исключен из училища 16 июля 1873 года. В конце 1874-го он дошел до крайней глухоты, так что не слышал близкого колокольного звона. Сколько ни лечили его медицинскими средствами, ничто не помогало; наконец врачи объявили, что эта болезнь останется неизлечимой. Мать больного, вдова, по крайней бедности живущая в селе Острове, много перенесла скорби ради своего сына, страдавшего глухотой. По исключении из училища он жил у отставного майора Петра Алексеевича Протопопова в Москве, Христа ради. Мать Вячеслава, прибывши в Москву 19 ноября, отправилась с больным сыном к Преосвященному епископу Игнатию с прошением о помощи на содержание больного своего сына Вячеслава. Преосвященный, приняв прошение, со своей резолюцией сдал его в духовное попечительство. Последнее отправило его в медицинскую контору для освидетельствования глухоты. В конторе, по освидетельствовании, нашли его действительно глухим и объявили ему с матерью, что их дело передастся туда, куда следует, а им приказали идти. По пути из медицинской конторы шли они по Никольской улице, и вот матери пришла мысль зайти в находящуюся на этой улице при Богоявленском монастыре Афонскую часовню во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона, помолиться угоднику Божию об исцелении болящего. Не доходя до часовни, мать дала сыну десять копеек на баню. Помолившись угоднику Божию и приложившись к святым мощам, мать вышла из часовни, а больной из-за тесноты не мог вместе с матерью приложиться к мощам и приложился, дождавшись свободы; потом данные матерью десять копеек опустил в кружку, взял при мощах ваты, положил в уши и вышел из часовни к матери, ожидавшей его. Мать, прощаясь с сыном, стала ему громко кричать на ухо: «Иди с Богом на квартиру, у тебя теперь есть десять копеек на баню». Больной отвечает: «У меня денег нет, десять копеек я опустил в кружку при мощах». Мать стала бранить его, говоря: «Что же ты наделал? Где я тебе возьму денег на баню?» – и тут же со скорбью удалилась. Мальчик, пришедши к благодетелям своим в дом, тотчас стал слышать. Его благодетели, увидав его, говорили про него между собою: «Как это поздно пришел и где он был до вечера? Вероятно, в Попечительстве его с матерью задержали». Мальчик Шумов, следя за их разговором, сказал: «Да, нас там задержали». Благодетели, видя, что мальчик стал слышать, удивились и спросили его: «Как ты стал слышать?» Он отвечал: «Не знаю». Мальчик с тех пор стал слышать хорошо и совершенно здоров головою, не зная отчего. Между тем мать его, живя в приюте и беспокоясь о больном сыне, стала испытывать сильную скуку, не зная отчего, и вот видит во сне сына своего, молящегося на коленях перед иконою святого великомученика и целителя Пантелеимона. Ей снилось, что и она, став позади сына, стала сама просить святого великомученика Пантелеимона из глубины сердца: «Угодниче Божий! Помоги ему и устрой его в жизни». Слова этой молитвы так громко были произнесены спящей, что от них проснулась ее дочь и разбудила мать. Проснувшись, мать почувствовала некоторую отраду, но не могла совершенно успокоиться и решила отправиться перед праздником святителя Николая в Москву навестить больного сына. Прибыв к сыну и узнав, что он здоров и хорошо слышит, она удивилась и стала благодарить Бога. На вопрос ее, отчего он стал слышать, он отвечал: «Не знаю отчего, а только с тех пор стал слышать, как, помолвившись с вами вместе в часовне великомученика Пантелеимона, я пришел оттуда на квартиру. Прежде всего, я мог совершенно хорошо слышать разговор своих благодетелей и по сие время слышу, и голова стала здорова». Мать, припомнив, как была в часовне с сыном и молилась угоднику Божию об исцелении сына, вполне уверилась, что угодник Божий услышал их молитву и совершил над ним чудо. Исполненная благодарности к Богу и Его угоднику, она пошла с исцеленным

сыном в часовню, отслужила здесь благодарственный молебен святому великомученику Пантелеимону и объявила об исцелении Преосвященному Игнатию, с представлением свидетельства от известных лиц в удостоверение бывшей глухоты.

В удостоверение бывшей глухоты и боли головы Вячеслава Шумова свидетельствуют своими подписями и приложением печатей: протоиерей Троицкой единоверческой церкви Иоанн Никитин, священник той же церкви Георгий Воздвиженский, ординатор Яузского отделения больницы для черно рабочих Гавриил Салманов, протоиерей Василье-кесарийской церкви Александр Романовский, отставной майор Петр Протопопов, диакон Казанской, в Сущеве, церкви Герасим Романовский.

Исцеление болезни руки

По вере и усердию приобретающих иконы великомученика и целителя и молящихся ему бывают иногда особенные благодатные явления от него. Одно из таковых совершилось в Тобольске.

В Тобольской губернии, Тарского уезда, Нижнеколосовской волости, в деревне Верхне-Кутырлинской жил поселенец Иван Куракин, человек грамотный и набожный; между прочим, ежегодно бывал до трех раз у исповеди и святого причастия; имел от роду шестьдесят лет.

Этот поселенец 16 августа 1874 года, в праздник Нерукотворенного образа Спасителя, плавал в лодке по озеру Тенис, находящемуся в соседней с Нижнеколосовскою Кабырдакской волости, с охотничьим ружьем. Подплыв к одному из островов на озере, Куракин вышел из лодки, взял ружье за половину ствола дулом к себе, – и оно, по его неосторожности, выстрелило ему в правую руку (значит, ружье было в левой), между локтем и плечом, и перебило дробью жилу, отчего руку его скорчило и притянуло к груди. Так, искалеченною, скорченной рука у него и оставалась в течение целых пяти лет, а выпрямилась и пришла она в нормальное положение только 27 июля 1879 года следующим образом.

23 декабря 1878 года поселенец Иван Куракин прибыл в Тобольск по обещанию.

Поклонившись разным тобольским и в окрестностях Тобольска находящимся святыням, он на неопределенное время остался в Тобольске. Оставаясь здесь, он в воскресные и праздничные дни постоянно ходил на богослужение в Сретенскую, чаще в народе называемую Пятницкою, церковь. Там становился перед иконою великомученика и целителя Пантелеимона, которая в Тобольске чтится более всех икон этого же святого, имеющихся в прочих тобольских церквях, и молился изображенному на ней великомученику Пантелеимону, прося его помощи и милости, с усердием и слезами (чего свидетелями бывали и причт церковный, и прихожане). Эту помощь и эту милость от великомученика молившийся и получил. 27 июля (1879), в день памяти святого Пантелеимона, богослужение в Сретенско-Пятницкой церкви совершалось по-праздничному; по окончании Литургии был совершен молебен; но затем некоторые из богомольцев попросили у причта отслужить еще и частный молебен, потом с водосвятием; во время этого последнего молебствия поселенец Иван Куракин, поставив великому угоднику Божию, по своему состоянию, трехкопеечную свечку, особенно усердно молился об облегчении сильной боли в руке (а в ней чувствовалась ломота, от нее исходил гнилостный запах, ее уже и черви точили). И что же? Когда начали, при освящении воды, петь: *Спаси, Господи, люди Твоя...* и когда больной, перекрестившись левой рукой (так он крестился с тех самых пор, как прострелил правую руку), поклонился в землю, в это самое время скорченная рука его распростерлась на пол церковный. В испуге, думая, что рука совсем отвалилась прочь, Куракин закричал было; но, уверившись, что рука не только не отвалилась, а, напротив, она выпрямилась и стала здоровой, он очень обрадовался и со слезами благодарил святого исцелителя Пантелеимона.

Что исцеление действительно совершилось, Куракин письменно о том рассказал, написав удостоверение правой рукой; да и разные свидетели подтвердили факты как исцеления, так и предшествовавшей болезни.

Исцеление от головной боли

Жившая в приходе Спиридоновской церкви в Москве за Никитскими воротами дворянка Матрена Васильевна Свяволуцкая объявила приходскому священнику и своему духовному отцу (нижеподписавшемуся) следующее об исцелении ее через угодника Божия, святого великомученика Пантелеимона, совершившемся 28 июня 1882 года. Она страдала долгое время головною болью (болезнь свою она называла мигренью), которая по временам была так сильна, что не давала ей возможности ни сидеть, ни лежать свободно. В такое-то время, когда болезнь ее особенно усилилась, она сидела однажды в комнате, и взгляд ее невольно упал на киот, где находилась икона великомученика и целителя Пантелеимона. Как женщина очень простая, она обратилась к изображению великомученика с такими словами: «Угодник Божий! Ты творишь много чудес, о которых я слышала и читала. А я вот страдаю сколько времени. Соверши и надо мною чудо – исцели болезнь мою, и я поверю тогда вполне». В это время откуда-то подул легкий и приятный ветерок, от которого голова ее мгновенно освежилась, и она почувствовала полное облегчение от болезни. Тотчас же она рассказала об этом жившей с нею хозяйке дома. С тех пор она не чувствует вовсе той боли, какую испытывала прежде и которая причиняла ей столько страданий. Исцеленная усердно просила меня напечатать об этом во славу угодника Божия, великомученика Пантелеимона. Ее показания о болезни и о чудесном исцелении, сделанные мне, подтверждаются свидетельством хозяйки дома, где она квартирует.

Три заявления о благодатных исцелениях

Находившаяся по делам монастырским в Москве, в Никитском монастыре, болгарская монахиня Харитина 1 августа 1879 года заявила о себе следующее: «Я минувшим Великим постом, находясь в Петербурге, простудилась, почувствовала сильную головную боль и слабость; испытываю безуспешность медицинских пособий, я усердно стала молиться святому великомученику Пантелеимону, прося его помощи, и с верою приложила к больной голове изображение его, отпечатанное на полотне; вечером, не совсем еще заснув, я как бы в забытии увидела приближающегося ко мне юношу, совершенно похожего на того как пишется на иконах святой великомученик Пантелеимон, который встал на колени, наклонился к моей постели, держа ящичек, и с ложечки дал мне что-то проглотить; болезнь моя миновала».

Московская почетная гражданка Т. П. Ц-ва, живущая в Златоустинском переулке, в собственном доме, заявила, что ей было следующее знаменательное явление угодника Божия: она находилась в большой печали по случаю тяжкой болезни мужа своего; однажды ночью, заснув, увидела она близ кровати своей стоящего привлекательной наружности юношу, испугалась и спросила его торопливо, зачем он пришел к ней, замужней женщине. Явившийся ответил ей кратко: «Ты очень печалишься и плачешь, я пришел навестить тебя». Сказав это, он стал невидим. Спящая очнулась и недоумевала, что бы это значило? Взглянув на находившуюся напротив кровати своей икону святого великомученика Пантелеимона, она в нем с радостью узнала небесного гостя, посетившего ее, и с тех пор с особенным усердием во всем стала прибегать к чудному врачу душевных и телесных недугов.

Московский почетный гражданин В. Н. Лепешкин заявил, что в близком ему семействе Нарышкиных был следующий замечательный случай исцеления. Малютка сын их, Гавриил, тяжело заболел воспалением легких, жар усилился до сорока градусов, призваны были доктора, составили консилиум, но облегчения страждущему не последовало; видя бесполезность вра-

чебных пособий, обратились с молитвой к небесному врачу, великомученику Пантелеимону, и в тот же час страдания ребенка облегчились, а вскоре он и совершенно выздоровел.

***Явление святого великомученика Пантелеимона на Афоне
одному из иноков, бывшее в три часа ночи на 1 сентября 1879 года***

«Заболела у меня правая нога (говорим словами инока), и я натирал ее у себя в келье домашними средствами восемь дней, но дошло до того, что я уже не мог совершенно ступить на нее, и пошел, взяв палку, в больницу. Прийдя туда, я лег и не мог дотронуться до ноги, – она распухла. Доктор, осмотрев ногу, сказал мне: «У вас ревматизм; придется вам несколько месяцев полежать безвыходно, и остерегайтесь холода». Я начал об этом сокрушаться, ибо привык находиться в движении на чистом воздухе. Ходя на костыле, я не мог ступить на ногу в продолжение десяти дней; все это время натирали ногу мазями по два раза в день и внутрь давали лекарство, но бесполезно. Видя, что помощи мало, я за три дня до 1 сентября начал по четкам молиться святому великомученику Пантелеимону, прося об исцелении. На 1 сентября, когда я лежал на кровати, в три часа ночи, совершенно как наяву, увидел я молодого юношу, который толкнул меня раза три под бок и сказал мне: «Ты спишь, а я пришел». Я тотчас перекрестился и думаю, не вражеское ли искушение, и смотрю на него. Юноша, лет восемнадцати, в светлом одеянии, и говорит мне: «Ты меня уже три дня требуешь, я и пришел»; причем показал мне маленькую склянку и в ней немного елея и сказал: «Я бы тебе отсюда дал, но мне это надо, я иду в путь далекий, где меня очень трудные больные требуют, а ты возьми в верхней церкви от моей иконы масла и намажь больную ногу два раза в сутки, только вымой ее чистой теплой водой». Я на другой день спросил благословение у отца игумена, и он благословил это сделать. Я в тот же день попросил, чтобы принесли мне святого елея из лампы святого великомученика Пантелеимона, и спросил у доктора позволение промыть водой ногу, на что он сказал: «Как хотите, только смотрите, чтобы хуже не стало». И я, промывши ногу, мазал ее два раза в день святым елеем. 4 сентября кончилось масло в склянке, я попробовал ходить без костыля, и, благодарение Господу Богу и святому великомученику Пантелеимону, нога моя совершенно исцелилась».

***Явления милости Божией разным лицам по
молитвам к святому великомученику Пантелеимону***

Читая описание знамений, исцелений и чудес, благодатью Божией совершаемых молитвами святого великомученика и целителя Пантелеимона, и собственным наблюдением убеждаясь в его благодатной помощи многим из своих прихожан, которым, по случаю различных болезней, советовал я обращаться с молитвой и служил молебны сему угоднику Божию, спешу сообщить о благодатном исцелении, мною самим полученном скорою помощью и заступлением святою великомученика и целителя Пантелеимона.

Совершая в день Богоявления Господня освящение воды на реке Костроме или, быть может, ходя в этот день со святой водой по домам прихожан, я незаметно простудился и 7-го января почувствовал сильную зубную боль. Часто подвергаясь этой болезни, в этот день я испытал все имевшиеся у меня под руками средства и едва получил облегчение. Воспаление десен и боль коренного зуба до того были сильны, что вызывали стрельбу в ухе и боль в горле, до невозможности глотать небольшими приемами горячую воду. Малейшее движение языка при разговоре усиливало боль, а есть или жевать зубами пищу и совсем было нельзя. Если ночью при глубоком сне приводилось сомкнуть зубы, то я от сильной боли с криком вскакивал и долгое время должен был бродить и утешать боль какими-нибудь медикаментами.

По желанию жены и некоторых прихожан в декабре месяце выписал я акафист святому великомученику Пантелеимону и получил его в самый разгар болезни, 19 января. Принимая получение его в такое время за явное указание на помощь, за которой, в настоящей болезни, я должен обратиться с молитвой к безмездному врачу, и, пользуясь своим очередным недельным служением, я в следующий же день после Литургии отслужил молебен и акафист святому великомученику Пантелеимону перед имеющейся в церкви иконой его и елеем из лампады помазал десны и больной зуб. Вечером того же 20 января по прочтении вечернего правила к предстоящему служению едва прочел акафист великомученику перед имеющимися образками святого со Святой Горы Афонской. Лишь только я окончил чтение акафиста и молитвы, при нем положенной, как зубная боль тотчас же прекратилась, и я тогда же смог спокойно пережевывать и проглатывать пищу.

Утром 21 января я снова служил молебен и читал акафист святому великомученику с благодарственной молитвой и полной уверенностью в его благодатной помощи и полученном его молитвами исцелении.

Священник Михаил Самарянов, 1888 г.

* * *

У псаломщика села Цепочкина Павла Александровича Ситникова сын Николай, пяти лет, впал в тяжкую болезнь от простуды. Больной лежал в постели, не мог пошевелить ни одним членом; на теле его сделались водяные валы, одна нога, опухшая, скорчилась. Врачи считали болезнь его весьма опасной. Один из них сказал отцу, что болезнь ребенка очень опасна и исход ее печален: он должен или умереть, или пролежать в постели три года. Отец в испуге молился Богу и Его угоднику, святому великомученику Пантелеимону, и всю надежду возложил на него, прося слезно исцелить единственного своего сына. 29 августа сего года он принял святыню афонскую к себе в дом, и после молебствия с каноном о болящих священник троекратно помазал больные части елеем из неугасимой лампады при святых мощах. На другой или на третий день опасная опухоль (вал) на правом боку под мышкой, по мнению врачей самая опасная и трудная для излечения, исчезла. Отец больного тотчас прославил Бога и Его угодника, святого великомученика Пантелеимона, видя в этом Его чудодействие. Вскоре последняя ранка на ноге закрылась.

В этих и еще других случаях, здесь не помещенных, как не проверенных на самом деле за отдаленностью лиц, получивших благодатную помощь от святых мощей, ныне принесенных со Святого Афона, видимо проявилась благодатная помощь по усердной молитве просящих. Принесены части мощей следующих святых: святого великомученика и целителя Пантелеимона, святых преподобномучеников: Евфимия, Игнатия и Акакия – новых Афонских святых угодников, святых мучеников: Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста, святого мученика Ермогена и святой преподобной матери Пелагеи.

* * *

В «Томских Епархиальных Ведомостях» (1898) сообщается, что во время объезда епархии Томским Преосвященным замечены были видимые знаки милости Божией к верующему православному народу. В деревне Антоновке, Спиринского прихода, одна благочестивая женщина публично поведала, а односельчане ее под твердили следующее. Три года тому назад Преосвященный проезжал через эту самую деревню; в это время все дети означенной женщины лежали больными, и она просила Преосвященного в то время, когда он проходил с народом по деревне, посетить ее больных детей, что Преосвященным и было исполнено. По

совершении краткой молитвы Преосвященный дал матери болящих детей елей от мощей святого великомученика Пантелеимона, чтобы она напоила этим елеем болящих, а народ просил не оставить больных и скорбящую мать своей посильной помощью, что все и обещали сделать. После этого Господь послал вдовице Свою милость: все больные дети ее поправились. Один сын, у которого отнялся язык и руки и ноги были скрючены, после принятия елея стал быстро поправляться; в тот же день он начал говорить, а руки и ноги разогнулись. В последнюю поездку Преосвященного (1897) благодарная мать приводила для благословения архипастырю всех своих детей и всенародно указывала на того, у которого руки и ноги были прежде скрючены. Легко себе представить то умиленное религиозное настроение и одушевление, которое испытывал народ при повествовании о явном знамении милости Божией, коего большинство были свидетелями и очевидцами, и все присутствовавшие со слезами благодарности на глазах, вслед за архипастырем, от глубины души восклицали: «Слава Богу!»

* * *

В «Полтавских Епархиальных Ведомостях» (1898. № 19) сообщается следующее. Доселе здравствующий, но уже в преклонных летах, восьмидесятичетырехлетний старец Н. И. А-в, бывший секретарь гражданской палаты, живущий постоянно в Москве, человек весьма образованный, окончивший курс учения в Московском университете в 1839 году (вместе с недавно умершим министром народного просвещения И. Д. Деляновым, известным ученым К. Д. Кавелиным, профессором Ф. И. Буслаевым и др.), в конце августа 1883 года заболел воспалением слизистой оболочки носа. Болезнь началась легким насморком, который, постепенно увеличиваясь, развился до того, что притупил совершенно чувство обоняния и до крайности затруднял дыхание. Никакие средства лечения не помогали. Болезненные припадки были еще тем мучительнее, что вызывали постоянное обильное отделение жидкости, которая имела самый тяжелый, неприятный запах. Понятно, что в таком состоянии больной вынужден был скрываться от людей незнакомых; больших затруднений и хлопот стоило ему, чтобы быть даже среди близких ему людей. Наконец, вся полость носа покрылась таким болезненным налетом, который представлял собой сплошную кору в виде полипа; при этом постоянное истечение жидкости не прекращалось, но осложнялось сильной болью, которая увеличивалась каждый раз при стремлении высморкаться.

Такое мучительное состояние продолжалось целых четыре года, до конца июля 1887 года. В этом году, 26 июля, под вечер, несчастный больной старец сидел у себя дома в уединении и угнетенном состоянии духа, как вдруг услышал невдалеке праздничный благовест к всенощному бдению. Справившись о причине празднества, он узнал, что в соседней церкви есть особо чтимая святая икона великому великомученику и целителю Пантелеимону, память которого празднуется Церковью 27 июля. Это обстоятельство навело больного на мысль о том, что страстотерпец

Христов и целитель Пантелеимон, источающий обильно свою целительную помощь всем, нуждающимся в ней и с верой прибегающим к его сильному ходатайству перед Господом Богом, может, без сомнения, исцелить и его мучительную болезнь. Нужно сказать, что г-н А-в – человек, хотя и с сильным критическим умом, но искренно верующий в Бога, точно соблюдающий правило ежедневной домашней утренней и вечерней молитвы. В тот же вечер, накануне дня великомученика Пантелеимона, он положил себе за правило ежедневно к обычной утренней и вечерней молитве присоединять особенную усердную молитву целителю Пантелеимону об испрошении всемогущей помощи Божией для исцеления тяжелой болезни. И тогда воочию оправдались слова апостольские: *много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5: 16). Уже через несколько дней молитвенного обращения к целителю Пантелеимону, без всяких внешних врачебных средств, больной стал чувствовать облегчение в своем тяжелом

состоянии, затем при сморкании свободно вышел кусок затвердевшей мокроты, причем облегчилось дыхание. Через неделю повторилось то же самое, наконец, болезненное истечение из носа совершенно прекратилось, обоняние восстановилось вполне, не осталось более никаких болезненных припадков, и больной тогда почувствовал себя совершенно здоровым. С этого времени и доселе уже более не повторялось ничего, напоминающего прежнюю болезнь. Этот случай хорошо нам известен, потому что мы сами лично были свидетелями и этой мучительной болезни, и ее быстрого прекращения, и потому смело можем утверждать, что молитва веры исцелила болящего (Иак. 5: 15), по сильному ходатайству перед милосердием Божиим великого угодника Божиего, святого страстотерпца и целителя Пантелеимона. Дивен Бог в святых Своих! Страстотерпче святой и целебниче Пантелеимоне, моли Бога о нас!

Часть III

Пантелеимонов монастырь на Афоне

Общие сведения

Монастырь святого Пантелеимона на Афоне (греч. Μονή Αγίου Παντελεήμονος); также известен как Россикон (греч. Ρωσσικόν), или Новый Русик – один из 20 монастырей на Святой Горе Афон. Традиционно считается «русским», хотя по составу насельников стал вполне русским лишь в последней четверти XIX века, когда перешел под фактический контроль Русской Православной Церкви и российского правительства (вплоть до начала Первой мировой войны).

Как и все прочие афонские монастыри, будучи патриаршей ставропигией, находится в прямой канонической юрисдикции Константинопольского Патриархата; насельники, по действующей с 1924 года Уставной Хартии Святой Горы, обязаны принимать гражданство Греческой Республики (дается автоматически при поступлении в монастырь). В настоящее время занимает 19 место в иерархии святогорских обителей.

История

Основание, или появление русской обители на святой горе Афонской теряется в глубокой древности. Мы не имеем точных сведений о первом ее основании, но можно сказать, что стремление русских людей на Афон было в России современно просвещению ее христианской верой. Ибо фактически известно, что отец русских иноков, преподобный Антоний, до водворения своего в Киеве, два раза был на Афоне. Путешествие преподобного Антония на Афон, конечно, не могло не возбудить в русских подражания, и, разумеется, не осталось бесследным.

На своем нынешнем месте у моря обитель появилась после 1765 г. До того она находилась в другом месте, дальше от побережья.

Известно, что русские в XI веке на Афоне уже были и имели свой особый, с правами самостоятельности, монастырек, который слыл под именем «Богородицы Ксилургу» («Древо-деля»), с придаточным названием «Руссов» и был с храмом во имя Успения Бого матери.

В актах первого русского Афонского монастырька (1030, 1034, 1048 и 1071 гг.), хотя и нет прямого указания на образ жизни наших пустынных предков; но, судя по описи имущества этой обители, составленной в 1143 году, можно прямо заключить, что русские иноки начали жизнь свою на Афоне по киновийским правилам (по общежительному уставу): ибо одно уже исчисление хозяйственных вещей и запасов, значащихся в этой описи, приводит нас к такому заключению. Киновийский образ жизни перешел с русскими и в обитель святого Пантелеимона. Здесь этот образ жизни, судя по содержанию актов, можно прямо говорить, продолжался во все периоды существования сей обители до поступления ее в исключительное владение греков, т. е. до 1735 года.

Довольно быстро он заполнялся выходцами из Руси, так что вскоре здесь стало тесно. Поэтому Священный Кинот в 1169 году по просьбе игумена Лаврентия передал монахам опустевший к тому времени монастырь во имя великомученика Пантелеимона, называвшийся ещё обителью Фессалоникийца; обитель же Ксилургу была преобразована в скит и остается им по настоящее время.

Источников об истории Русика до XIII в. почти не сохранилось из-за пожара, полностью разрушившего весь монастырь вместе с архивами и библиотекой. Однако известно, что император Андроник II Палеолог своим хрисовулом утвердил имущественные права обители; позднее о ней заботились также многие сербские крالي, поддерживавшие монастырь щедрыми подаяниями и даровавшие ему ряд подворий.

Обитель Фессалоникийца передана была русским инокам в полуразрушенном состоянии. Без посторонней помощи русские иноки в Русике не только отстраивать свою обитель не могли, но даже и существовать в отстроенной не были в состоянии. Русские властители как имели попечение о первой на Афоне для русских обители (Ксилургу), так они же, на первых порах, помогли и второй – святого Пантелеимона.

Утверждение русской иноческой общины на Афонской горе, по всей вероятности, оказало немаловажное влияние на ход русского просвещения: здесь произошел первый книжный обмен между славянами южными и северными; отсюда-то памятники болгарской церковной письменности впервые проникли в Россию в то время, когда она всего более нуждалась в этом, т. е., когда в ней не было еще гражданского и церковного центра, ибо именно с утверждением русской общины на Афоне совпадает начало удельного периода нашей истории, когда после тридцатипятилетнего царствования Ярослава (1054), держава святого Владимира раздробилась на множество самостоятельных княжеств, одно другому неприяженных. Во весь этот период (1054–1238) однако не прерывалось частное общение русской земли с Афонской горой, и русские паломники, подобные игумену Даниилу, несмотря на все препятствия и опасности пути, проникая в святые места Палестины и Афона, выносили оттуда и устные сказания

о святых подвижниках и их подвигах, и письменные копии с славянских переводов творений святых отцов греческой Православной Церкви, поддерживая тем духовную связь своей родины с восточными Церквями и их духовным просвещением.

В отношении жизненного продовольствия русские, как во все время пребывания в обители Ксилургу, так и в первые годы в монастыре святого Пантелеимона, можно почти безошибочно думать, пользовались особенной внимательностью отдаленной своей родины. Но с наступлением бедственного для России ига монгольского, и, кажется, еще несколько ранее, вероятно по причине междоусобий и смут между князьями, пособия родственной России стали прекращаться, и русская афонская община поневоле должна была искать себе ближайшей опоры у своих единоверцев и единоплеменников – южных славян. Вследствие этого, в Русике к русскому элементу стал примешиваться и южно-славянский.

Во времена монголо-татарского ига на Руси большинство монахов были греками и сербами; подпись игумена на всех документах той эпохи стоит по-гречески. Лишь после 1497 г. начинается массовый приток русских иноков на Святую Гору.

В конце XII века в русском монастыре святого Пантелеимона, как соплеменном, принял ангельский иноческий образ царевич сербский Растко, впоследствии знаменитый архиепископ сербский, святитель Савва. Но святой Савва недолго оставался в Русике: по воле Прота святой горы, под предлогом, что иноку царского рода не подобает пребывать во второстепенном монастыре, он был перемещен в Ватопед, откуда вышел для основания собственно сербской обители, уже тогда, когда пришел к нему отец его, Стефан Неманя, в монашестве Симеон.

Хотя и кратковременно было пребывание святого Саввы в русской обители, но не осталось без пользы для нее: оно привлекло ей благоволение как самого Саввы, так и его родичей – сербских кралей, которые с этих пор и в течение двух последующих столетий сделались ктиторами и благодетелями и поддерживали русскую обитель до того времени, когда сами русские цари могли, по-прежнему, принять ее на свое попечение, (т. е. после свержения монгольского ига в 1480 году).

XIII век был для святой Афонской горы веком всяких невзгод: Рим, руководивший действиями латинских императоров взятой рыцарями Византии, не мог оставить в покое Афонской горы, как главной твердыни Православия, почему она была объявлена принадлежностью самого римского престола и вверена римским кардиналом-легатом Венедиктом надзору одного из латинских епископов, от которого потерпела многие жестокости и насилия. Когда же Михаил Палеолог, овладевший в 1261 году Константинополем, видя свою слабую империю, обуреваемую внутренними и внешними нестроениями и опасаясь, с одной стороны, возрастающего могущества славян, а с другой – коалиции против него латинских государей с папой во главе их, решился вступить в общение с Римской церковью; тогда Афонская гора мужественно обличила латинумудрствующего царя особым посланием, за что и навлекла на себя его гнев. Латинские союзники Палеолога, призванные им на помощь против славян, высадились на святую гору и излили свое мщение, преимущественно на обители Иверскую и Зографскую, как открыто отказавшиеся войти в церковное общение с ними. Среди всеобщего погрома, вероятно, не уцелела и русская Афонская обитель.

Зло, нанесенное этим разорением Афонским обителям, старались загладить наследники главного виновника всех этих бедствий, злополучного Михаила Палеолога, – императоры Андроник Старший и Андроник Младший, внук его.

Но едва успели оправиться афонские монастыри от неприятельского нашествия, как над святой горой разразилась новая туча: между 1308–1311 годами она подверглась новому опустошению от каталанцев, которые, утвердившись с 1308 года по соседству со святой горой, на полуострове Кассандре, производили на нее в течение трех лет и трех месяцев, свои опустошительные набеги. Страшно было видеть запустение святой горы, учиненное сопротивными безбожными народами. Ибо фрузы и турки, ясы и татары, моговары и каталанцы и другие мно-

гие, нашедши тогда на святую гору, много святых предали огню, все богатство расхитили и плененных отвели в рабство, а которые остались, те помирали лютейшей голодной смертью, и, так как не было погрёбающего их, то звери земные и птицы небесные питались телами их.

Каталанцы и их союзники осадили Хилендар, но игумен хилендарский мужественно отражал несколько лет все их нападения; наконец, видя оскудение съестных припасов, решился оставить на время монастырь. Пробравшись тайно сквозь лагерь осаждающих, он успел уйти морем, увезя с собою и церковные вещи в Сербию, где тогда царствовал краль Урош II (Милутин). Защиту же монастыря, в своем временное отсутствие, поручил верным людям, обнадежив их скорою помощью, которая и не замедлила явиться: сперва он, купив пшеницы, нашел средство доставить ее осажденным, а потом ввел в монастырь отряд наемного войска. Не успев овладеть Хилендарем, каталанцы решились выместить свою неудачу на его мужественном защитнике, захватив его в плен. Игумен Даниил, услышав о таком намерении их, взял с собою двух иноков и несколько духовных детей своих и отправился в русский монастырь святого Пантелеимона, к духовному своему отцу. Сделав обычное поклонение в храме и зная, что безбожники спешат на заколение его, он взошел с духовным отцом своим на пирг (башня высокая в виде столба) и пробыл там в духовной беседе с ним день тот и ночь. Безбожники же, нашедши двух хилендарцев, Николая и Георгия, обещались дать множество золота, если предадут им преподобного, и те, диавольским действием обольстившись, обещались исполнить желание их. Итак, когда пребывал преподобный в русском монастыре, то безбожники двинулись на Хилендар и, узнав об исшествии Даниила, послали двух оных подкупленных, чтоб, войдя в монастырь к преподобному, они и их ввели вслед за собой. Изменники, придя ночью, начали стучать во врата, называя себя и прося отпереть им поскорее, как бы посланным по важному хилендарскому делу до преподобного. Иноки русского монастыря, боясь безбожников, просили подождать до утрени, при начале которой известили блаженного о прибывших. При появлении утренней зари, когда блаженный ходил около пирга и пел часы, он воззрел на одну высоту и увидел, как бы большие птицы летели к обители русской, и, как только начало рассветать, узрели безбожников, полками идущих, и те внезапно окружили монастырь с большим воплем и, пробив стены, как крылатые, ворвались внутрь. Хватая всех по-зверски, звали к себе хилендарцев, подговоренных на предание преподобного, и говорили: «Если хотите, чтоб мы не делали вам никакого зла, выдайте нам Даниила; если же не выдадите, всех вас сождем». После отказа в короткое время божественную церковь и прочие здания зажгли. А два престленика всех бывших в пирге уговаривали выдать блаженного, который вполне увидел злой умысел их, и, как исполненный разума от юности своей, показал его там: на верху пирга была церковь с крепкими извне железными ключами. Взяв их тайно, он сказал к хотевшим предать его: «Братия, войдем в церковь помолиться и простимся друг с другом, так как отлучаюсь я от вас к смерти, которую прозираю». При этом преподобный умной молитвой достигал небес, ожидая помощи от Бога.

Чадам же своим велел, чтобы, когда войдут предатели в церковь, обезоружить их и запереть внутри церкви. И когда все вошли туда с блаженным, духовные дети его, отняв оружие, выскочили с отцом вон и заперли внутри предателей. Между тем пламень доставал уже врат, но преподобный, нашедши там немного воды и вина, погасил ими огонь. Такую страшную брань вели безбожники на преподобного с утра до полудня; и когда, проголодавшись, для еды вышли за монастырь, то тут внезапно сделалась между ними сильная распря и мятеж, среди которого, схвативши оружие и сев на лошадей, они удалились. Тогда преподобный благодарил Бога, заступлением Которого смеху подобно явилось нашествие осуетившихся. Выйдя же из русской обители, сел преподобный на коня и прибыл с богодарованными ему чадами в монастырь святых 40 мучеников, называемый Ксиропотам.

Так проходила осада каталанцами русской обители святого Пантелеимона, окончившаяся сожжением церкви и монастырских келий, причем имущество церковное было разграблено, и

некоторые из братии монастырской были убиты или ранены неприятелем. Все это случилось уже в конце пребывания каталанцев на святой горе, а, следовательно, в конце 1311 или в начале 1312 года.

В том же, 1312, году русская обитель святого Пантелеимона получила от императора Андроника Палеолога подтвердительный хрисовул на принадлежавшие ей имения.

Несмотря на благоволение и сербских, и греческих властителей, обитель русская все-таки не могла прийти в прежнее положение, после понесенных ею таких ужасных бедствий, что продолжалось до половины XIV столетия, пока она не поступила под непосредственное покровительство могущественного сербского царя Стефана Душана Сильного. Владея всей Македонией (в область которой искони входила и святая гора), Стефан в 1348 году посетил лично Афонскую гору и пробыл здесь, по преданию, четыре месяца, в которые посетил все святогорские монастыри; проникнутый же более всех сербских государей сознанием исторического призвания славянского племени, он обратил особое внимание на славянские обители святой горы. После Хилендаря русский монастырь удостоился его особого внимания и благоволения, видимым знаком которого была, во-первых, присылка в обитель, еще в 1347 году, честной главы святого великомученика Христова Пантелеимона. Этим же хрисовулом и другими он назначает и дарит честной обители Россов несколько сел с церквями, поля, и проч... А на монаха Исаию он возложил попечение и промышление о сей святой обители. Этот преподобный Исаия родился в Сербии в начале XIV столетия. Родители его, сербские вельможи Георгий и Калина, дав ему хорошее образование, усердно желали видеть его на службе при дворе царском. Он исполнил их волю, но ненадолго. Затем он оставил все и удалился в монастырь святого Иоакима в Сарондопоре, где и принял иночество. Но желание духовное влекло его на святую Афонскую гору, и он с благословения Сарондопорского игумена отправился туда и поступил в сербский хилендарский монастырь. «Усердную и трудолюбивую его жизнь, – говорится в жизнеописании, – какую он проводил, кто передаст?.. терпением, смирением, послушанием, воздержанием, пощением, бдением, кротостью, благоговением, молитвами и всякими добродетелями он также украсился, что превосходил ангелоподобным в теле жительством всех монахов той обители». Преподобный Исаия подвигся на большие подвиги и предал себя в полное послушание и покорность игумену своему, великому и духовно-просвещенному старцу Арсению.

По кончине святого старца Исаия удалился на безмолвие с учеником своим Сильвестром в место, называемое «пустыня святого Павла», и там провел много времени в большом борении и подвиге. Оттуда, наставляемый Святым Духом, прибыл в обитель святого и славного великомученика и целителя Пантелеимона, потому что и прежде он много помогал тому святому месту и подкреплял его. Видя обитель разрушенною и совсем почти запустевшей, подвинулся божественной ревностью и отправился к благочестивому царю Стефану и сообщил ему обо всем, в чем имелась нужда, об обновлении и воссоздании монастыря святого Пантелеимона и о других святогорских потребностях, прося помощи, заступления. Благочестивый царь Стефан с усердием и радостно внял словам Исаии. Так же и благочестивая царица Елена с большой охотой выслушала слова его, и все, чего он хотел, с радостью они исполнили, и пожертвовали много золота и имений на созидание и помощь монастырю. Исаия возвратился в монастырь с великой радостью и воздвиг прекрасную церковь, трапезарню, дохиарню и прочее необходимое для монастыря на утешение монахам: церкви, пирги и метохи.

С этого времени начинается в жизни русской обители новая эпоха, которую можно считать за самое цветущее время в 700-летнее ее существование. Но зато обитель русская вынуждена была подчиниться вполне сербскому влиянию: судя по языку ее домашних актов, игумены поставлялись тогда преимущественно из сербов, которые, как надобно из сего заключить, составляли и большинство братства русской обители.

С 1371 года стал владеть большей частью сербского царства Лазарь Греблянович, родственник Неманичей по женской линии. Он, ревнуя примеру своих предков, продолжал благодетельствовать русской обители.

После кончины князя Лазаря (1389–1406) управляла Сербией супруга его – Милица (в монашестве Евгения), с двумя своими сыновьями, Стефаном и Влеком, которые тоже благодетельствовали русской обители. Проявили также особое внимание к русской обители владевшие в 1370 годах в юго-восточной части сербского царства, в период уделов, царица Евдокия и ее сыновья – деспот Иоанн Драгаш и Костадин.

Итак, сербские цари в этот период времени были исключительными благодетелями русской Афонской обители и поддерживали ее почти до окончательного освобождения России от монгольского ига.

В последней четверти XV века Византия была окончательно разгромлена; принявшие же русскую обитель под свое покровительство, сербские властители, теснимые турками, вынуждены были сами, как изгнанники из отечества, спасать свою жизнь странствием по чужим землям. Тогда угро-влахийские воеводы поддерживали обитель до того времени, пока Россия в конце XV века, стряхнув с себя окончательно татарское иго, снова обратила внимание на свою Афонскую обитель и приняла ее под свое могущественное покровительство.

Отношения России с Афоне начали оживляться, и число путешествовавших на Афон русских людей постепенно увеличивалось. Так, в начале этого века видим странствующим по святой горе Троицко-Сергиевой лавры иеродиакона Зосиму (1420 г.) и Савву, игумена тверского, сложившего для этого с себя бремя настоятельства. По следам их устремился туда же старец Митрофан Бывальцев, которого преподобный Иосиф Волоколамский называет великим. В то же время на Афоне занимается списыванием славянских рукописей Иона, игумен угрешский. В том же веке посетил Афонскую гору преподобный Нил Сорский в сопровождении ученика своего, преподобного Иннокентия (боярина и родича князей Хворостининых). А потом мы видим даже участие русских святогорцев в судьбах отечественной церкви в XVI–XVII столетиях. Когда началась в юго-западной России тяжкая борьба между Православием и иезуитами, окончившаяся злочестивой унией, русские святогорские иноки при этом стояли в первых рядах защитников Православия. С новым появлением русских на Афоне и поселении их в своем монастыре возобновились и связи их с Россией и ее правителями, которые и продолжились около двух столетий.

К великому князю Иоанну III Васильевичу (1462–1505) приходили игумен Паисий и три старца русского Пантелеимонова монастыря за милостыней, и великий князь милостыню дал.

Около 1509 года сербская деспотисса инокиня Ангелина, вдова деспота Стефана, при просьбе о своей нужде убедительно просила великого князя Василия Иоанновича и за русский Афонский монастырь, говоря, что «иные монастыри имеют своих ктиторов: некоторые иверского царя, а другие волошского воеводу, монастырь же святого Пантелеимона другого ктитора не имеет, который бы его жаловал, кроме твоего царствия». Великий князь (1505–1533) благосклонно принял это прошение, и с тех пор взял русский Афонский монастырь святого Пантелеимона под особое свое покровительство.

В 1509 году дана была монастырю жалованная царская грамота, заключавшая в себе дозволение ему посылать от себя в Россию старцев за милостыней в известные сроки (через 4 года).

В самый первый год венчания на царство Иоанна IV Васильевича мы встречаем окружное послание всероссийского митрополита Макария о милостыне старцам русского святогорского Пантелеимонова монастыря от 1 августа 1547 года.

В 1550 году прибыли в Москву старцы из Пантелеимонова монастыря: иеромонахи Иаков и Мартирий, которые принесли царю от своего игумена Павла поминки и грамоту. Игумен Павел со всей братией монастыря просил царя, чтобы он смиловался, призрел свой монастырь,

«который имеет на себе много долга, святое же царство твое далеко, а мы здесь в турецких руках, многие от них насилия терпим, и помощника у нас нет».

Последовавшее вскоре за этим запустение обители показало ясно, что игумен Павел писал правду о бедственном положении своей обители.

В 1551 году к константинопольскому патриарху Дионисию отправлен был Обрюта Михайлов Греков. Царь писал патриарху: «Ты бы велел его у себя учить грамоте греческой и языку: а если тебе у себя его научить нельзя, то отошли его на святую гору Афонскую, в наш монастырь святого Пантелеимона». Из этого открывается, что русский Афонский монастырь был по временам школой для приготовления толмачей посольского приказа.

Четыре года спустя, в 1554 году, прибыл в Москву старец Евфимий Пантелеимонова монастыря, от игумена Геннадия и всей братии, за милостыней, причем просил царя Ивана Васильевича, чтобы прежнюю жалованную грамоту царя Василия Иоанновича переписали на его царское имя. Государь исполнил эту просьбу, известив о том и настоятеля обители.

В 1561 году в русском Пантелеимоновом монастыре были: игумен, 15 священников, 7 диаконов, и всей братии 170 человек. Церквей внутри и кругом монастыря было 15, житие киновийное (общежительное). Но через 13 лет после сего монастырь оказался совсем пустым.

Но запустение русской обители продолжалось недолго. В 1591 году уже видим в Москве архимандрита сего монастыря Неофита и строителя Иоакима, которые приехали к царю Феодору Иоанновичу за милостыней. Царь и патриарх приняли самое живое участие в жизни деятельности своей русской обители.

Благодаря отеческому попечению царя и патриарха и щедрости русских людей, русская Афонская обитель мало-помалу устроилась; но со смертью доброго царя Феодора Иоанновича (1598) наступило кратковременное и бурное царствование Бориса Годунова (1598–1605), и затем – смутное время, всколебавшее весь старый строй русской земли. В это время связи России с Афоном, как официальные, так и частные, прервались, и русская Афонская обитель, только что восставшая от своего упадка, будучи снова предоставлена своим собственным средствам в тот момент, когда она особенно нуждалась в прочной и деятельной поддержке своих соотечественников, вошла в долги и снова стала клониться к запустению или упадку.

С окончанием междоусобицы и с восшествием на престол царя Михаила Феодоровича приезжал в Москву архимандрит Пантелеимонова монастыря Макарий и привез с собою к царю грамоту от вселенского патриарха Кирилла, в которой он описывает бедственное положение русского Афонского монастыря.

Кроме царского жалованья на исправление монастыря грамота царя Феодора Иоанновича переписана на имя царя и великаго князя Михаила Феодоровича и отца его – патриарха Филарета – в 1626 году.

В 1636 году приехали в Москву за милостыней русского Афонского Пантелеимонова монастыря игумен Иоанн с монахами и привезли с собою жалованную царскую и патриаршую грамоты 1626 года, о дозволении им приезжать в Россию за милостыней через каждые 4 года.

В царствование Алексея Михайловича (1645–1676) продолжалась связь русского Афонского монастыря с Россией по прежней жалованной царской грамоте.

В 1709 году был на Афоне иеромонах Черниговского Борисоглебского монастыря Ипполит Вишенский, который в своем описании монастырей Афонских говорит, что в монастыре есть глава святого Пантелеимона, и подвизаются русские монахи, а не греки. Под монастырем – 23 скита.

В 3-м Уставе (1394 г.) Пантелеимонов монастырь значится пятым в порядке иерархии афонских обителей. Однако после краткого периода расцвета монастырь беднеет и попадает в долги. Тогда он и лишается ряда своих владений. К середине XVIII века врата Русика закрылись. Как пишет Григорович-Барский, при первом своем посещении Святой Горы он застал в монастыре всего четырех монахов – двух русских и двух болгар, а во второй раз (в 1744 году) –

ни одного русского инокa. Так монастырь вновь попал в руки греков. В 1735 году монастырь был объявлен греческим.

Греческая братия решила переселиться поближе к морю, где в 1677 году епископ Иериссонский Христофор выстроил небольшой храм, освященный в честь Вознесения Господня. Там и был построен, с помощью правителей балканских и придунайских княжеств, нынешний Пантелеимонов монастырь. Переселение в прибрежный монастырек совершилось около 1770 года.

Греки нашли постоянных благотворителей своей обители в лице молдавских и валахских господарей, которые в этот период обыкновенно назначались Портой из константинопольских фанариотов. Благотворение Русику господарей сих продолжалось до греческого восстания 1821 года. Особо щедрые пожертвования сделали в первой четверти прошлого века господарь Молдо-Валахии Скарлат Каллимах (именно на его средства был возведен соборный храм).

А оставленной обителью, в конце того же столетия, завладел один святогорский пастух, находя, что долина, прилегающая к монастырю, и, окружающие леса, составляют весьма удобное пастбище для его стада козлов.

Таким образом, можно выделить следующие периоды истории Русского Пантелеимонова монастыря: 1) от утверждения и водворения русской иноческой общины на Афоне в начале одиннадцатого века до принятия обители под особое покровительство сербского царства в 1347 году – период славяно-русский; 2) от 1347 до 1497 года, до возобновления сношений и связей с царством Русским – период сербский; 3) от 1497 по 1735 год, до оставления обители русскими иноками (по причинам политическим), – период чисто русский; 4) от 1735 по 1803 год, до основания «нового Русика» на новом, нынешнем, месте, – период чисто греческий. В первом периоде братство Русской обители на Афоне было славяно-русское, во втором – сербское, в третьем – чисто русское, в четвертом – греческое, затем – русско-славяно-греческое.

Перешедшие из старого нагорного Русика в малый прибрежный монастырек греческие инокa оставались там недолго; ибо свободная штатная жизнь, которой, по овладении русским монастырем, заменили они древнее русское общежитие, не могла благоприятствовать устройству чего-либо прочного и на новом месте.

В 1803 г. Афонский протат, обратив внимание на бедственное положение монастыря и притом имея в виду свои племенные интересы, вошел к святейшему патриарху Константинопольскому Каллинику с представлением исключить имя русской обители из числа святогорских монастырей, принадлежащие же Русику земли продать другим греческим Афонским монастырям и, за уплатой остающихся на обители долгов, остальную сумму обратить на общественные нужды Афонских монастырей. Но патриарх Каллиник решительно отверг своекорыстное представление Афонского протата, выразив в синодальном собрании мнение, что неприлично и неполитично было бы упразднить русскую Афонскую обитель в такое время, когда Россия, своими последними войнами с Турцией, приобрела столь большое влияние на судьбу восточных христиан, и не только решительно отверг мнение протата, но и предписал ему неотложно озаботиться поиском опытного старца духовной жизни, которому бы можно было немедленно поручить восстановление русской общежительной обители. Данная им грамота (1803 г.) об учреждении в новой русской Афонской обители общежития (киновии) останется навсегда памятником его пастырской мудрости и благочестия.

Принявши волю святейшего к исполнению, протат избрал и представил на утверждение патриарха престарелого Савву, иеромонаха Ксенофского скита, с таким мнением, что только этот старец в силах осуществить мысль и волю его святейшества. Патриарх благословил выбор протата, и старец Савва тогда же назначен был строителем русского монастыря.

Не имея никаких видов на стороннюю помощь, старец предался глубокой скорби и не знал, что предпринять. Тогда сам святой Пантелеимон принял участие в деле этого построе-

ния и явил чудодейственную помощь новому игумену Русика – Савве – к возобновлению его монастыря.

Незадолго пред тем заболел великий драгоман Порты, князь Скарлат Каллимах. Болезнь его усилилась и, несмотря на все медицинские пособия, нисколько не уменьшалась, но возрастала более и более и, наконец, была признана неизлечимой. Больной находился уже при последних минутах жизни... В эти-то, скорбные для семейства и всех знавших князя минуты, посетил умирающего старец Савва. Семейство князя, убедившись в недействительности земных лекарьств и зная от врачей о неизбежной кончине князя, стало просить старца помолиться св. целителю Пантелеимону за угасающую жизнь дорогого им больного. Мститый старец с любовью согласился исполнить их желание. Но при этом требовал и от них собственной горячей молитвы к св. страстотерпцу. Все выразили искреннее согласие на это требование и свою веру в чудодейственную силу св. Пантелеимона, причем и сам болящий князь объявил торжественно, что если только святой великомученик исцелит его от смертоносного недуга, то он даст обет быть ктиторм возникающей во имя сего угодника Божия обители на Афоне. Тогда старец приступил к совершению молебствия святому Пантелеимону с водоосвящением... И пламенна была молитва всех присутствующих к великому угоднику! По окончании молебна старец Савва окропил болящего святою водою и, вместо врачевства, дал ему выпить отвар афонских трав со святою водою. На другой день князь Скарлат был уже совершенно здоров. Тогда, в чувстве сердечной признательности, Скарлат Каллимах дал слово старцу Савве – быть ктиторм возникающего из развалин русского монастыря и впоследствии свято выполнил это слово, особенно, когда, волей султана, занял место господаря Валахии. Кроме щедрых даяний Скарлата Каллимаха и собранных самим старцем Саввой денег, были употреблены на сооружение нового монастыря 200 000 пиастров, полученные от продажи молдавского монастыря Домны и др. В 1814 году обитель имела уже соборный храм, келии и прочие здания. Небольшой кружок братии стеснился около добродетельного строителя, и светлая будущность уже озаряла их сердца сладкими надеждами, как испытующий перст Божий отяготел снова над русским монастырем, только что возникавшим из векового запустения. В 1821 г. князь Скарлат Каллимах, занимая владетельный престол Валахии, подпал подозрению Порты, почему был вызван в Константинополь и убит турками. И старец Савва того же года 14 апреля скончался на Пасхе, на 103 году от роду. Следствия этого печального события были чрезвычайно тяжелы для русского монастыря. Тогдашние бранные смуты имели негативное влияние на судьбы святой горы, а особенно на судьбы Русика, при скорбных его обстоятельствах. Русский монастырь потерял надежду на пособия человеческие; недоконченные его постройки требовали значительных сумм; продовольствие не пополнялось, и монастырь, занимая деньги к поддержанию своего существования, пока было еще можно, у людей, более внимательных к нуждам бедствующих, с уплатой огромных процентов, вошел в большие долги. Страдающие иноки были вынуждены, перемалывая боб, печь из него хлеб и тем удовлетворять существенным требованиям жизни. В это время вся святая гора по случаю греческого восстания была занята турецкими войсками. Наравне с прочими русский монастырь был расхищен; его земли были отобраны, и некоторые из старцев, решившиеся лучше умереть без выхода там, где дали свои иноческие обеты, жестоко были биты и мучимы тяжкими работами. А иные тогда разошлись, кто куда мог.

Еще при жизни своей старец игумен Савва предызбрал себе преемника, иеромонаха Герасима (родом болгарина), – который тотчас же по смерти старца Саввы и принял на себя заботы и попечение об осиротевшей обители. Но вскоре начавшееся тогда греческое восстание заставило и его, в числе других святогорцев, удалиться в безопасное место. Он с монахами, забрав с собой необходимые вещи и документы обители, отправился в Морею, и там скитались они целых 9 лет. Когда же, по окончании политических смут, восстановлен был мир на Востоке и рассеявшиеся иноки святой горы стали собираться в свои опустевшие обители, возвратился и о. Герасим с монахами и драгоценностями обители. Но восстановление монастыря и устрой-

ство всего по-прежнему было делом весьма трудным, т. к. он не имел никаких средств. Видя это и желая спасти монастырь от участи старого Русика, греческие иноки, по совету старца Венедикта, решили призвать к себе в сожительство русских, которые тотчас по восстановлении мира, в 1830 г., начали стекаться на Афон.

Монастырь не получил своих прежних имений назад, так как они отошли другим монастырям за долги; Протат даже хотел исключить обитель из списка монастырей, но такое решение было отклонено Вселенским Патриархом Константином I.

Первое водворение русских в новом нынешнем Русике случилось в 1835 г., с появлением на святой горе иеромонаха о. Аникиты (князя Шихматова-Ширинского), который по просьбе греков поселился в новом, нынешнем, Русике. Тогда же заложил он храм в честь русского чудотворца, святителя Митрофана Воронежского. Однако недолго пришлось оставаться о. Аниките в Русике: здешнее правительство, полагая, что русский князь будет иметь сильное влияние на ход святогорских дел и на распоряжения Протата, имело виды на его удаление оттуда. Отец Аникита удалился в Пророко-Ильинский скит, но вскоре же был назначен русским правительством в Афины, для занятия должности настоятеля при посольской церкви, где и скончался в 1837 году.

Выход о. Аникиты из Русика много повредил ему и сделал сильный переворот в судьбах обители. Монастырь, придя тотчас в крайне бедственное состояние, начал продавать и закладывать свои земли и прочее имущество и вошел в новые и тяжкие долги, не имея надежды к уплате процентов. Такое критическое и весьма тяжелое положение заставило греческих иноков горько раскаиваться в удалении о. Аникиты и других русских, и они душевно желали опять видеть у себя русских, зная по опыту, что без них монастырю невозможно поправиться и существовать. И вот в 1839 г. они пригласили к себе русского старца и духовника иеросхимонаха Павла, вытесненного из Пророко-Ильинского скита случившимися там смутами, который, после настойчивых просьб и перешел, наконец, в Русик с немногими русскими монахами и тотчас пожертвовал значительную сумму, что очень много помогло монастырю в бедственном его положении. Через 8 месяцев, по переселении в Русик, о. Павел скончался. Тогда и греческие старцы Русика, провидя новые экономические затруднения для обители, вынуждены были пригласить новых русских, и особенно искали мужа, который мог бы и духовно назидать русское братство, и вместе заботиться о пользе всего монастыря. Выбор их пал на русского монаха Иоанникия, жившего тогда в пустынной келии близ Ставроникитского монастыря. Старые монахи Русика отправились к нему и стали убедительно просить перейти на жительство в монастырь. Уступая горячим мольбам братства и убеждениям всеми уважаемого духовника, русского иеросхимонаха Арсения, жившего тоже в пустынной келии, о. Иоанникий после долгих колебаний наконец согласился и перешел с несколькими своими братьями в Русик в октябре 1840 года. Спустя немного времени он принял великий ангельский образ (схиму) с именем Иеронима, был рукоположен в иеромонаха и стал духовником русской братии и главным руководителем ее во всех отношениях.

Быстро с тех пор, при помощи Божией, возобновлялся русский монастырь; по мере умножения в нем русского братства, само участие России в положении его становилось живее и ощутительнее, и, наконец, в 1841 г. была изъявлена ему и Высочайшая милость в дозволении милостинного сбора в России, чем ощутительно поддержалось благосостояние монастыря, значительно пополнены его недостатки и возникли в нем новые храмы: святителя Митрофана (заложный о. Аникитой), Покрова Пресвятой Богородицы и другие здания, как внутри, так и вне обители. С тех пор мало-помалу стали покрываться и огромные долги монастыря.

Особенно благотворно было для Русика и путешествие по России иеромонаха о. Арсения со святыней в 1863–1867 гг., когда обильным потоком изливалась целебная благодать от нее в разных местах нашего православного отечества, которые были освящены сей святыней. С того времени Русик особенно заметно стал приходить в цветущее состояние, братство все более

и более умножалось, постепенно возводились новые капитальные постройки, была окончена, наконец, уплата остававшихся на обители от старых лет огромных долгов, запущенные участки земли с постройками (метохи, или дачи) приведены в такое же, как и обитель, цветущее состояние, возобновлен отчасти старый Русик и, наконец, устраивается от русского Пантелеимонова монастыря Ново-Афонская Симоно-Кананитская обитель на Кавказе.

С поселением русских в Русике много приходилось испытывать им преград со стороны недоброжелателей и всевозможных козней от невидимых врагов; бывали скорби почти невыносимые, например, во время двух последних войн с Турцией и особенно при двукратном преследовании русских эллинским элементом; но молитвами святого Пантелеимона и заступлением Богоматери прекратились эти дни, и многоскорбное безвыходное положение обращал Господь в благополучный радостный исход.

Монастырь пользовался покровительством русской императорской фамилии и во второй половине XIX века весьма разросся и расстроился. Первым русским игуменом стал в 1875 году архимандрит Макарий (Сушкин), и Русик стал действительно русским монастырем.

К концу прошлого века только в Пантелеимоновом монастыре жило более 1000 монахов (справедливости ради следует сказать, что среди них были и греки, и южные славяне); множество русских жило и в других монастырях, скитах и кельях Святой Горы.

Русский монастырь многократно страдал от пожаров, наиболее известные случаи: в 1307, когда монастырь был сожжен каталонскими пиратами, и в 1968 году.

Значительный рост количества насельников из России вызывал трения и конфликты; русские насельники желали официального признания российской юрисдикции за монастырем, а также иными русскими поселениями на Афоне. В начале XX века Российский Святейший Синод и правительство рассматривали и сам монастырь, и всех русских насельников на Афоне как находящихся также и в их юрисдикции (наряду с оттоманским подданством), но эта практика была запрещена Уставом Святой Горы, принятым в 1924 году. Хотя после второй мировой войны Московский Патриархат РПЦ числил Пантелеимонов монастырь среди своих обителей, к тому не было никаких оснований. В конце 1980-х насельникам монастыря Вселенской Патриархией было указано на недопустимость возношения имени Московского Патриарха на общественном богослужении.

К 1959 году русский монастырь пришел в полный упадок, в нем осталось всего 50 монахов, самому молодому из которых было 54 года. Фактически единственным видом помощи насельникам Афона были посылки, отправлявшиеся через Московскую Патриархию.

В 1972 году Афон посетил Патриарх Московский и всея Руси Пимен. И это было первое посещение Афона Московским Патриархом.

В 1974 году на Афон прибыл монах из России, впоследствии ставший настоятелем Пантелеимонова монастыря и являющийся им до настоящего времени.

В 1975 году монастырь посетила делегация Русской Православной Церкви во главе с архиепископом Ростовским и Новочеркасским Владимиром. С этого времени поездки делегаций Русской Церкви стали регулярными.

В 1970-е – 80-е годы численность русских монахов в монастыре колебалась от 13 до 27 человек, но уже ко времени визита на Афон Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II в 1992 году братии в монастыре насчитывалось 40 человек. К 2002 году численность монастырской братии достигла 50 человек. Были отремонтированы несколько корпусов и все храмы.

В 1996 и 2000 годах мощи святого великомученика Пантелеимона побывали в России и на Украине.

Строения

Архитектурный ансамбль монастыря с его многочисленными многоэтажными постройками и высокими куполами храмов производит впечатление небольшого города. Однако сильный пожар 1968 г. нанес ощутимый ущерб обители.

Собор во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона

Соборный храм монастыря был построен в 1812–1821 гг. По своему общему плану он схож с соборами других святогорских обителей. Стены его сложены из прямоугольных шлифованных каменных плит; на восьми куполах водружены кресты, причем на главном – традиционный для России – восьмиконечный. Храмовые росписи также сделаны в прошлом веке. Богато украшенный иконостас выполнен русскими мастерами. Согласно правилу, принятому в 1875 г., службы в этом храме совершаются на двух языках – греческом и славянском. Колокол храма считается одним из самых больших в православном мире (диаметр – 2, 71 м, вес – 13 т.).

Здесь находится в ковчеге честная глава святого великомученика и целителя Пантелеимона, которая составляет утешение и бесценное украшение и сокровище как храма, так и всей обители. Она была прислана в дар монастырю ктитorem его, сербским царем Стефаном Душаном Сильным в XIV веке. Кроме главы святого Пантелеимона в этом храме находятся и другие святыни: части честного и животворящего древа Креста Господня; часть мощей святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня; глава преподобномученика Стефана Нового; глава преподобномученицы Параскевы; ребро великомученицы Марины с кожей; части мощей вселенских святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста и др.

Другие храмы монастыря

В Русике, помимо соборного, есть и другие храмы. К собору пристроен придел Успения Богородицы (богослужения здесь совершаются по-гречески). Основан в 1820 г. В нем происходила встреча великого князя Константина Николаевича, посетившего Русик в 1845 г.; рядом расположен храм святителя Митрофана Воронежского (здесь служат по-славянски). Пожелание устроить храм святителя Митрофана и начало его принадлежит князю С. А. Шихматову-Ширинскому, в иночестве о. Аниките, некоторое время жившему в монастыре до отбытия в Афины, о чем было упомянуто выше. Храм св. Митрофана освящен в 1846 г. В северной части монастыря расположены храмы, а также храмы-параklисы: в честь Вознесения Господня, прп. Сергия, вмч. Димитрия, Архангела Михаила, прп. Герасима, свв. Константина и Елены, равно-ап. кнн. Владимира и Ольги, а также храм Покрова (в храме Покрова находятся Святая Чаша искусной работы и Евангелие в богатом окладе – дары великого князя Константина

Николаевича, во время посещения им обители. Также здесь имеются мощи святого Иоанна Крестителя, святых апостолов Петра, Андрея, Матфея, Варфоломея, Фомы, Варнавы, а также святого апостола и евангелиста Луки, святого первомученика Стефана, святого Прохора, святителя Амвросия Медиоланского, святителя Григория Паламы и старца преподобного Силуана (1866–1938)) с приделом святого благоверного князя Александра Невского (в 1867 году в память чудесного избавления императора Александра II от опасности, угрожавшей его жизни 4 апреля 1866 г. Эта церковь освящена в 1868 г. посетившим в то время св. гору русским архипастырем, преосвященным Александром, бывшим епископом полтавским, а прежде настоятелем Соловецкого монастыря во время бомбардировки его англичанами, богато украшенный иконами в золотых ризах и позолоченным иконостасом). К сожалению, после разру-

шительного пожара из восьми храмов, находившихся в южной части монастыря, сохранилось лишь два: прп. Саввы и свт. Николая.

За стенами обители расположены два храма: Святителей Московских на кладбище и Преображения Господня в гостинице. Монастырю принадлежат 5 келий: прп. Евфимия, свв. Космы и Дамиана, Живоносного Источника, первомч. Стефана и вмч. Георгия (две последних расположены в Карее; в келии вмч. Георгия находится представительство монастыря при Киноте).

Кроме этого, Русику принадлежит подворье Хромица (или Хромитисса) недалеко от Урануполя – там живут несколько русских монахов, скит Ксилургу или, как его называют на Афоне, «Богородица», неподалеку от монастыря Пантократор, пустынный скит «Новая Фиваида» на юго-западе Святой Горы и Старый Русик.

Братская трапеза

Напротив входа в собор св. великомученика Пантелеимона находится трапезная, построенная в 1890 году и расписанная в 1897 году; она может вместить до 800 человек. Над трапезной возвышается колокольня, где находится множество русских колоколов, знаменитых по всему Афону, а напротив колокольни, слева от входа, – водосвятная чаша. Трапезная в монастыре огромная, расписная, рассчитана на 800 человек. В пище все равны. Мяса не вкушают. Рыбу – только по праздникам. Едят дважды в день, по средам и пятницам – единожды.

Библиотека

Богата библиотека монастыря, расположенная в отдельном двухэтажном здании. Она содержит около 1064 рукописных кодекса. Кроме того, в библиотеке есть более 20 000 печатных греческих, славянских и русских книг. Пострадала от пожара в 1959 году.

* * *

Первым из руководителей России, посетившим Россикон, был Владимир Путин (9 сентября 2005 года).

Уставы и чиноположения русского монастыря святого Пантелеимона

Монастырь следует киновияльному образу жизни.

Богослужения проводятся на русском и греческом языках.

В полночь несколькими ударами в колокол братия возбуждается на келейное правило. В будние дни богослужение начинается около 4 часов утра и длится 4–5 часов. По окончании утрени тотчас начинаются ранняя литургия, а поздняя бывает через час после утрени. Затем следует поклонение святым мощам великомученика Пантелеимона, и монахи во главе с игуменом идут на трапезу, откуда возвращаются в храм на краткий молебен. Обед начинается в 14. 00. Вино на трапезе разрешается только в воскресные и праздничные дни.

Вечерня начинается в 18.00 (время захода солнца), а после нее бывает вечерняя трапеза. На трапезе разговаривать нельзя. В строгие посты трапеза бывает один раз в сутки. После вечерней трапезы все возвращаются в храм, где совершается малое повечерие в притворе. Затем все расходятся по кельям, причем есть и пить после повечерия не положено. Равным образом строго воспрещается после повечерия разговаривать, а тем более сходиться в келии.

Воскресное богослужение начинается позже всedневногo, т. к. накануне совершается не только вечерня, но и утрeня. В праздники совершается Всенощное бдение, начинающееся около 22.00 и заканчивающееся около 6 часов утра. Между утрeней и Литургией делается перерыв на 2–3 часа.

Часть IV

Акафист и молитвы великомученику Пантелеймону

Кондак 1

Избранный страстотерпче Христов и врачу благодатный, ту́не подай недугующим исцеления, пёсньми восхваляем тя, заступника нашего. Ты же, яко имей дерзновение ко Господу, от вся ких бед и болезней свободдай нас, любовь тебе зовущих:

Радуйся, великомучениче и целителю Пантелеймоне.

Икос 1

Ангела земнаго и небснаго человека ве́мы тя, сла́вный Пантелеймоне: а́нгельскою бо непорочно́стию и мученичеством украше́н, пресели́лся еси́ от земли́ на Не́бо, иде́же со Ангелы и все́ми святы́ми предсто́я Престо́лу Го́спода сла́вы, моли́ся о нас, земны́х, почита́ющих тя зва́нии си́ми:

Радуйся, све́тлосте благоче́стия; радуйся, пресла́вный свети́льниче Це́ркви. Радуйся, мучеников пречестны́х украше́ние; радуйся, ве́рных в непоколебимо́м терпе́нии утвержде́ние. Радуйся, ю́ности преизря́дная похвало́; радуйся, поборо́ниче Христо́в, в му́жестве неодоле́нный. Радуйся, произра́стший в ми́ре,

преми́рен я́вивыйся; радуйся, Ангеле во плóти, превосходя́й сме́ртных. Радуйся, небожи́телю всеблаже́нный; радуйся, Божество́ннаго ра́зума вме́стилище. Радуйся, имже ве́ра возвы́сися; радуйся, имже преле́сть низложи́ся. Радуйся, великомучениче и целителю Пантелеймоне.

Кондак 2

Ви́дя тя Влады́ка сосу́д избра́н, возлю́би ду́ши твое́я добро́ту. Ты бо земну́ю всякую сла́дость и сла́ву презре́в, венце́м мученическим возжелáл еси́ украси́тися, уязвлен Божество́нною любóвию, и вдохнове́нно по́я: Аллилу́иа.

Икос 2

Ра́зум богодухнове́н имей, о до́блйи вой́телю Пантелеймоне, изуми́л еси́ царя́ Максимиána му́жеством ду́ши твое́я и словесы́, ими́же дерзнове́нно пропове́дал еси́ Христа́. Те́мже, похва́ляюще дерзнове́ние твое́, глаго́лем ти си́це: Радуйся, угро́зы Максимиána презре́вый; радуйся, сове́том нече́стивых непокори́выйся. Ра́дуйся, насажде́ние и́стиннаго богочита́ния; радуйся, искоре́ние де́монскаго́слу́же́ния. Радуйся, неисто́вства мучи́телей изобличи́телю; радуйся, идо́льския преле́сти низложи́телю. Радуйся, разгна́вый нече́стивых собори́ща; радуйся, премене́вый тле́нная на небе́сная. Радуйся, собе́седниче невеще́ственных Ангелов; радуйся, сликовствова́телю многострада́льных святы́х. Радуйся, имже сатана́ посрами́ся; радуйся, имже Христо́с просла́вися. Радуйся, великомучениче и целителю Пантелеймоне.

Кондак 3

Си́лою Вы́шняго, дарова́нною тебе́, и кре́пкие терпе́нием твои́м обезси́лил еси́ мучи́телю де́рзость, му́жественный победоно́сче: огня́, зве́рей,

Икос 3

Иму́щи оби́тель твоя́ вседрагу́ю главу́ твою́, богому́дрый страстоте́рпче, я́ко превели́кое сокрови́ще, ра́дости исполняется о сем и, любви́ю воспева́ющи да́нную тебе́ от Бо́га благода́ть исцеле́ний, благода́рно зовет ти:

Ра́дуйся, Никомиди́и свети́льниче всесве́тлый; ра́дуйся, чту́щей тя оби́тели стра́же неусы́пный. Ра́дуйся, имже охладé безбо́жие; ра́дуйся, имже возрастé богопозна́ние. Ра́дуйся, све́тлая страстоте́рпцев сла́во; ра́дуйся, ра́достное правосла́вных слы́шание. Ра́дуйся, исцеле́ний благода́тныи исто́чниче; ра́дуйся, дарова́ний вели́ких вмести́лище. Ра́дуйся, благово́нное ми́ро, облагоуха́ющее ду́ши; ра́дуйся, я́ко помога́еши призыва́ющим тя. Ра́дуйся, слепы́м зрénие дарова́вый; ра́дуйся, хромы́м благоше́ствие устрои́вый. Ра́дуйся, вели́комучени́че и целите́лю Пантелеи́моне.

Кондак 4

Бу́рею помышле́ний многобо́жия одержи́м, нечести́вый ца́рь смути́ся, уве́дев от зави́стовавших тебе́ враче́в, я́ко вся́кия неисце́льныя недуги́ цели́ши ты и́менем Христа́. Мы же, с весе́лием сла́вяще дивна́го в тебе́ Бо́га, вопие́м Ему́: Аллилу́иа.

Икос 4

Слы́шавше никомиди́йстии лю́дие о вели́ком сострада́нии твоём к стра́ждущим и о безме́зном врачевании́ от вся́ких боле́зней, устреми́шася вси к тебе́, с ве́рою во врачу́ющую благода́ть, в тебе́ су́щую, и прие́млюще ско́рая исцелéния от вся́ких боле́зней, прославля́ху Бо́га и тебе́ велича́ху, всеми́лостиваго целите́ля своего́, зову́ще ти:

Ра́дуйся, пома́занный ми́ром благода́ти; ра́дуйся, хра́ме Бо́га освяще́нный. Ра́дуйся, вели́кая благочести́вых сла́во; ра́дуйся, твёрдая озлобля́емых стено́. Ра́дуйся, му́дрых превосходя́й ра́зумом; ра́дуйся, ве́рных осиява́й мы́сли. Ра́дуйся, Божéственных даро́в приятели́ще и многообра́зных нам ми́лостей Господни́х исто́чниче; ра́дуйся, ско́рый помо́щниче стра́ждущим. Ра́дуйся, обурева́емых пристáнище; ра́дуйся, заблуждших наста́вниче. Ра́дуйся, боля́щих ту́не врачу́ай; ра́дуйся, обильно́ исцелéния источа́й. Ра́дуйся, вели́комучени́че и целите́лю Пантелеи́моне.

Кондак 5

Чу́до пресла́вное сотвори́ тобо́ю Господь, егда́ чрез служи́теля Своего́ Ермола́я призва́ тя в чу́дный Свой свет. Ехи́дною бо ве́лиею угрызе́нно умер́шее отроча́ по моли́тве твоёй ко Христу́ а́бие оживé и воста́ здра́во. Позна́в у́бо Жизнода́вца всех и́стиннаго Бо́га, с твёрдою ве́рою воззва́л еси́ Ему́: Аллилу́иа.

Икос 5

Узрѣ свет слепѣй, емоу же с призываніем імене Христова прикоснулся еси ты, славне. Ермолаѣм бо пресвітером просвещѣн, отринув отѣческое многобожіе, воспріял еси матернее благочестіе, ім же и отца нросветил еси. Сего ради тебѣ, славному угоднику Божію и чудному врачу, взываѣм: радуйся, к Богу велие раченіе имѣяй: радуйся, присногорящий огню божественныя любви. Радуйся, дѣятельный послушателю священных поученій Ермолаѣ; радуйся, послѣдовавый советам матери твоѣй Еввулы. Радуйся, яко вся раздал еси, да Христа приобрящеши; радуйся, любовь к міру любовью Божіею победивый. Радуйся, яко вмѣсто сладких міра за Христа любтая страданія приял еси; радуйся, яко общник сотворится еси Отрастѣм Христовым. Радуйся, восторжествовавый над всеми страстьми; радуйся, украсивыйся благодатным безстрастіем. Радуйся, исполняяй радости притекающія к тебѣ; радуйся, ту не исцеляяй всех благодатию Христовою. Радуйся, великомучениче и целителю Пантелеимоне.

Кондак 6

Проповѣдник истины явися просвещенный тобою телеснеи душевне слепец: подобно бо евангельскому слепцу, дерзновенно пред всеми исповеда Света истиннаго, Христа, просвещающа всякаго человека, нечестиваго же царя и боги языческия укорив, чрез мечное усеченіе възиде к немерцающему свету на небеси пѣти Богу: Аллилуѣа.

Икос 6

С светлым лицем представ судилищу цареву, дерзновенно зывал еси, преблаженне, во услышание всех: всецелѣбная сила моя и слава – Христос есть истинный Бог, Владыка всех, мертвыя воскрешаяй и всяк недуг отгоняяй. За таковое исповѣданіе ублажающе тя, глаголем:

Радуйся, уста громогласная Божества Христова; радуйся, языке медоточный, вещаяй Его домостроительство. Радуйся, вѣіе превысшаго богословія; радуйся, сеятелю мудрый благочестія. Радуйся, сладкозвучная веры свиреле; радуйся, славный проповѣдник Православія. Радуйся, прежде смерти явивый дивная; радуйся, по смерти совершаяй чудная. Радуйся, зрителю славы Христовой; радуйся, послушателю молящихся тебѣ. Радуйся, подателю милости той требующим; радуйся, ходатаю благ почитающим память твою. Радуйся, великомучениче и целителю Пантелеимоне.

Кондак 7

Миро излился на душу твою, богомудрый целѣбниче, от Утѣшителя Духа; тем же по смерти честныя мѣщи твоя, благоуханіем своим страстей злосмрадіе отгоняя, исцеленіе подаѣт вопиющим верою Богу: Аллилуѣа.

Икос 7

Егда узрѣша идолстии чтители многолѣтна разслабленна, молитвою твоєю, святе, воздвигнута и ходяща, мнози увероваша во Христа; жрецы же бесовстии, завистию снѣдаѣми, подвигоша царя на ярость. Тебѣ убо, нещадно за Христа стружему и опаляему бывшу, со умиленіем зовѣм:

Рáдуйся, наслаждéния земнáя презрéвый; рáдуйся, благ вéщественных превýшший. Рáдуйся, я́ко вся крáсная мíра сегó ни во что же вмени́л еси́; рáдуйся, я́ко слáву скороте-ку́щую с себе́ отря́сл еси́. Рáдуйся, неуловíм пребы́вый ловлénии Велиáра; рáдуйся, победíвый мучíтелей кова́рства. Рáдуйся, не пощади́вый за Христа́ жízни своея́; рáдуйся, враг я́вивыйся враждéбныя плóти. Рáдуйся, многобóжия широтý утесни́вый; рáдуйся, божéственной сýлою идо́лы попрáвый. Рáдуйся, острéйшая стрелóб, язвя́щая врагí; рáдуйся, предста́телю, заступа́яй вéрующая. Рáдуйся, великомучени́че и целíтелю Пантелеíмоне.

Кондак 8

Страннолéпно явля́шеся тебе́ Господь, ободря́я и соблю́дая в мучéниях за íмя Его́: во о́бразе бо пресви́тера Ермола́я, клоко́чущее о́лово, в не́же вве́ржен был еси́, охлади́, и в мо́ри отрешíв ве́лий ка́мень от вы́и твоéй, изведе́ невреждéнна на зéмлю. Ты же, па́ки предста́в пред ца́ря, торже́ственне пел еси́ Христу́ Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 8

Весь у́мне на небеси́ водворя́лся, и níзу на земл́и сýщих не оставля́еши, сопребывáя с на́ми всесечно́ю главо́ю твоéю, вели́кий страстоте́рпче Христо́в, приéмля от Го́спода и пода́я просвещéние и освящéние вопию́щим тебе́ тако́вая:

Рáдуйся, премудро́сте божéственныя испол́ненный; рáдуйся, промы́шления Бо́жия о нас тайнни́че. Рáдуйся, богомудренны́х умóв усладжéние; рáдуйся, боголюбíвых душ увесе-лénие. Рáдуйся, пресвётлый Христо́в бисере́; рáдуйся, освящéнный душе́ю и тéлом. Рáдуйся, во двóрех перворождéнных на небеси́ всели́выйся; рáдуйся, в присноблажéнных обита́яй чер-то́зех. Рáдуйся, свéта Трби́ческаго зрíteлю; рáдуйся, в моли́твах к Бо́гу тёплый о нас пред-ста́телю. Рáдуйся, просвещéние душáм подава́яй; рáдуйся, скорбя́щим утешéние низпосы́лаяй. Рáдуйся, великомучени́че и целíтелю Пантелеíмоне.

Кондак 9

Вся́кое естество́ удиви́ся, Пантелеíмоне, сия́нию в тебе́ благода́ти и богáтству добродéте-лей: ангелоподо́бней чистоте́ твоéй, вели́кому му́жеству в лю́тых страда́ниях, крéпкой любóве ко Христу́ и мно́гому сострада́нию к лю́дем, в нíхже твори́ши преслáвная, во éже пéти: Алли-лу́иа.

Икос 9

Ветíя многовещáнныя не возмо́гут по достоя́нию восхвалíти борéния тво́я, слáвный доб-ропобéдниче, ка́ко непобедíмою сýлою Бо́жиею ю́ный лéты победи́ дрéвняго исконна́го врага́ и посрами́ идо́льскую прéлесть. Мы же, удивлénия испол́нении, зовéм ти:

Рáдуйся, радóстное зрéлище Ангелов; рáдуйся, благоговéйное удивлénие челове́ков. Рáдуйся, кровь за Христа́ излия́вый и в смéрти млéко источíвый; рáдуйся, тéло за Него́ муче-нической смéрти преда́вый. Рáдуйся, исповéдничества пра́вило; рáдуйся, до́блйи воíне Ца́ря царéй. Рáдуйся, тмы держа́вца победíвый; рáдуйся, побéдою твоéю небéсных и земн́ых обве-сели́вый. Рáдуйся, гóрняго мíра обита́телю блажéнный; рáдуйся, до́льняго мíра му́дрый стран-ниче. Рáдуйся, дрéво, украшéнное пло́дами благодáтных дарова́ний; рáдуйся, нося́й добропо-бéдныя вéтви. Рáдуйся, великомучени́че и целíтелю Пантелеíмоне.

Кондак 10

Сострадания исполнен, яко истинный подражатель Подателя милости Господа, честный страдалец, Пантелеимоном (си есть, всемилостивым) от Него преименован еси, на вся притекающая к тебе милость изливая, юже и нам неоскудно источай, о тебе вопиющим Богу: Аллилуиа.

Икос 10

Стену ты твердо обрет мучитель, никкими же муками победим, покусися сокрушить крепость твою зубы зверей и остриями мучилищного колеса, обаче и в сем ничтоже успе: сила бо Христова лютость зверей укроти, а страшное коло, на немже обращаемо бе тело твоё, абие сокрушися. Тебе убо, непобедимому страстотерпцу, зовём:

Радуйся, честное Христово избрание; радуйся, непорочное Богу благоухание. Радуйся, твердый адаманте Церкви; радуйся, непоколебимый столпе, досязая до небес. Радуйся, звери видимыя укрощая; радуйся, драконов невидимых сокрушая. Радуйся, обагрённый твоею за Христа кровию, срастворённою млеком; радуйся, неувядаемая приёмы венцы. Радуйся, радость причинивый Ангелом и человеком; радуйся, прославленный Богом на небеси и на земли. Радуйся, небожителю, ликовствуя с мученики; радуйся, насыщаясь лицецерением Христа пресладким. Радуйся, великомучениче и целителю Пантелеимоне.

Кондак 11

Песнь исходную приносим твоему за Христа заклению священному, в немже вместе с кровию млеко истечёт от тебе, великому чениче, и масличина, под неюже усечён был еси, исполнися целительных плодов. Темже Христу, дивно прославляющему славящая Его, тепло вопиём: Аллилуиа.

Икос 11

Светозарная луча был еси, богомудре, во тме многобожия сидящим, путеводящая к Солнцу Правды Христу Богу, Ему же молися, во свете заповедей Его присно пребывать и нам, сицевая радостная тебе приносящим:

Радуйся, пресветлая звезд, на мысленной тверди блистающая; радуйся, луча, христоименитым людем светящая. Радуйся, таинственно облиставаемый от Солнца Христа; радуйся, умне землю обтекаая. Радуйся, селение красное Пресвятаго Духа; радуйся, сосуде пречестный, изливая исцеления. Радуйся, чистоты сокровище; радуйся, милости тезоимените. Радуйся, Царствия Небеснаго наследниче; радуйся, вечныя славы сопричастниче. Радуйся, предстателю бедствующим в мори житейстем; радуйся, безсребрениче, помогаая призывающим тя с верою. Радуйся, великомучениче и целителю Пантелеимоне.

Кондак 12

Благодати обилие приял еси, треблаженне, по обилию любви твоея ко Христу Богу, иже и яви ты многоцелебным источником, безмездно врачующим душевные и телесны болезни притекающих к тебе с верою и Богу вопиющих: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще многотрада́льныя по́двиги тво́я за Христа́, сла́вный страстоте́рпче, хва́лим долготерпéние твоё, ублажа́ем му́ченическую кончи́ну, почита́ем и свяще́нную па́мять твою́, засту́пниче наш и це́лителю, и в похвалу́ сицевая́ тебе́ зове́м:

Ра́дуйся, благоче́стия трубо́ благозвучная; ра́дуйся, мечу́, посека́яй нече́стие. Ра́дуйся, строга́нный на древе́ за Распросте́ршаго ру́це Свои́ на древе́ Крестнем; ра́дуйся, я́ко опаляе́м за Него́, преле́сти пещь погаси́л еси́. Ра́дуйся, я́звами твои́ми враги́ уязви́мый; ра́дуйся, кро́вию твоёю то́ки идо́льския кро́ве изсуши́вый. Ра́дуйся, в кипя́щее о́лово вве́рженный за Христа́; ра́дуйся, погруже́нный за и́мя Его́ в вода́х морских. Ра́дуйся, промы́слением Бо́жиим неврежде́н в сих пребы́вый; ра́дуйся, я́ко чрез огнь и во́ду муче́ния вшел еси́ в поко́й Небе́сный. Ра́дуйся, излива́яй неизсяка́емыя стру́й ми́лости ве́рным; ра́дуйся, благосотрада́тельный врачу́, исцеле́ния благода́ть подава́яй. Ра́дуйся, великому́чениче и це́лителю Пантелеи́моне.

Кондак 13

О многотрада́льный и предивный страстоте́рпче Христо́в и це́лителю наш Пантелеи́моне! Ми́лостиво прие́м сие́ ма́лое от нас приноше́ние, от многообра́зных неду́гов исцели́ ны и предста́тельством твои́м сохрани́ от враг ви́димых и неви́димых и ве́чнаго муче́ния избе́жится нам Го́спода умоли́, да во Ца́рствии Его́ вы́ну воспева́ем: Аллилу́иа.

Этот кондак читается трижды, затем икос 1 и кондак 1.

Молитва 1-я

О вели́кий Христо́в уго́днике и пресла́вный целе́бнике, великому́чениче Пантелеи́моне! Душе́ю на небеси́ Престо́лу Бо́жию предсто́яй и триипоста́сныя Его́ сла́вы наслажда́йся, те́лом же и ли́ком святы́м на земли́ в божественных хра́мах почива́яй и да́нною ти свы́ше благода́тию разли́чная источа́яй чуде́са! При́зри ми́лостивым твои́м о́ком на предсто́ящия лю́ди, честне́й твоёй ико́не уми́льно моля́щияся и прося́щия от тебе́ целе́бныя по́мощи и заступле́ния: простри́ ко Го́споду Бо́гу на́шему те́плыя тво́я моли́твы и испроси́ душáм на́шим оставле́ние согреше́ний. Се бо мы, за беззакония́ на́ша не сме́юще возвести́ очес на́ших к высоте́ небесне́й, ниже́ вознести́ глас моле́бный к Его́ в Божестве́ непристу́пней сла́ве, се́рдцем сокруше́нным и ду́хом смире́нным тебе́, ходата́я ми́лостива ко Влады́це и моли́твенника за ны, грешны́я, призыва́ем, я́ко ты прия́л еси́ благода́ть от Него́ неду́ги отгоня́ти и стра́сти исцеля́ти. Тебе́ у́бо про́сим: не презри́ нас, недостойных, моля́щихся тебе́ и твоёй по́мощи тре́бующих. Буди́ нам в печа́лех утёшителю́, в неду́зех лю́тых стра́ждущим врач, напа́ствуемым ско́рый покрови́тель, очесы́ недугующим прозре́ния да́тель, ссу́щим и младе́нцем в боле́знях гото́вейший предста́тель и исцели́тель. Исхода́тайствуй всем вся́ ко спасе́нию поле́зная, я́ко да твои́ми ко Го́споду Бо́гу моли́твами получи́вше благода́ть и ми́лость, просла́вим всех благи́х Исто́чника и Даропода́теля Бо́га, Еди́наго в Тро́ице Святе́й сла́вимаго Отца́ и Сы́на и Свята́го Ду́ха, ны́не и при́сно и во ве́ки веко́в.

Ами́нь.

Молитва 2-я, от лица болящего читаемая

О, великий угодниче Христов, страстотерпче и врачу многомилостивый Пантелеимоне! Умилосердися надо мною, грешным рабом, услыши стенание и вопль мой, умилостиви Небеснаго, Верховнаго Врача душ и телес наших, Христа Бога нашего, да дарует ми исцеление от недуга, мя гнетущаго. Приими недостойное моление грешнейшаго паче всех человек. Посети мя благодатным посещением. Не возгнушайся греховных язв моих, помажи их елеем милости твоея и исцели мя; да здрав сый душею и телом, остаток дней моих, благодатию Божиею, возмогу провести в покаянии и угождении Богу и сподоблюся воспринять благий конец жития моего. Ей, угодниче Божий!

Умоли Христа Бога, да предстательством твоим дарует здравие телу моему и спасение души моей. Аминь.

Молитва 3-я

Святый великомучениче и целителю Пантелеимоне, Бога милостиваго подражателю! Призри благосердием и услыши нас, грешных, пред святою твоею иконою молящихся. Испроси нам у Господа Бога, мужа со Ангелы предстоиши на небеси, оставление грехов и прегрешений наших. Исцели болезни душевные же и телесные рабов Божиих, ныне поминаемых, зде предстоящих и всех христиан православных к твоему заступлению притекающих. Се бо мы, по грехом нашим люте одержимы есмы многими недуги и не имамы помощи и утешения, к тебе же прибегаем, яко дадеся ти благодать молитися за ны и целити всяк недуг и всяку болезнь. Даруй убо всем нам святыми молитвами твоими здравие и благомощие души и тела, преспеяние веры и благочестия и вся к житию временному и ко спасению потребная. Яко да, сподобившися тобою великих и богатых милостей, прославим тя и Подателя всех благ, дивнаго во святых, Бога нашего, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Молитва 4-я

О, преславный мучениче и доблий воине Небеснаго Царя, Пантелеимоне всеблаженне, Милостиваго Бога преизрядный подражателю, иже Христа на земли дерзновенно исповедав и многообразныя за Него муки претерпев, неувядаемый приял еси венец на небеси, идеже вечнаго наслаждаешься блаженства и со дерзновением Престола Трисолнечнаго Божества предстоиши! К твоему Христоподражательному состраданию по Бозе прибегаем вси мы грешнии и всеусердно молим тя, теплаго заступника и предстателя нашего: не престай призирати на нас, сущих в нуждах и скорбных обстояниях, и твоею молитвенною помощью и цельбоподательною силою избавляй нас присно от лютых зол, всегубительства и всякия иныя беды и болезни. Ты бо приял еси, святе, неоскудную благодать исцелений от Спаса нашего Иисуса Христа за твердую твою к Нему веру, при чистом и непорочном житии, запечатленную мученичеством и многопобедною твоею кончиною, в нейже по данней ти благодати и наименован от Христа Пантелеимоном, милости тезоимемитым, милующим всех притекающих к тебе в скорбех и болезнях. Сего ради ведуще тя милостиваго ко всем помощника и исцелителя, с верою взываем к тебе, услыши нас и богоприятным ходатайством твоим подавай нам вся благопотребная в житии сем и нужная к вечному спасению. Мученическим же дерзновением твоим умоли Милостиваго Бога, да помилует нас, грешных и недостойных, по велицей милости Своей, да избавит от труса, потопы, огня, меча и всякаго праведнаго гнева и прещения, благовременно подвизая нас к очистительному и умилостивительному во гресех наших покаянию, ради множества щедрот

Своих, да подаст всем нам безбедное, тихое и богоугодное житие, и всех нас от врагов видимых и невидимых да сохранит благодатию Своею и непобедимым ополчением Ангел Своих, имиже ограждаеми и наставляеми да проживем в веце сем в покаянии, чистоте и в творении богоугодных дел; да сподобимся твоим теплым предстательством христианскую кончину улучшить безболезненну, мирну, непостыдну, избавитися от козней воздушных князей тьмы и от вечных муки и быти наследниками безконечного, всеблаженного царствия. Ей, угодниче Божий! Не престаи молиться за ны грешныя, да, твоим ходатайством временных и вечных бед избавлени, величаем тебе, заступника нашего и молитвенника, и вечно прославляем общего Владыку и Господа нашего Иисуса Христа, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцем и Пресвятым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва 5-я

(благодарственная, по исцелении от болезни)

Святой великомучениче, *целителю* и чудотворче Пантелеймоне, всеизрядный угодниче Божий и молитвенниче присный христиан православных! Достойно наречен еси Пантелеймоном, еже есть всемилостивый, яко приняв от Бога благодать молиться за ны и болезни целити, ты богато подаеши всем, к тебе притекающим, различная исцеления и вся к жизни временной и ко спасению потребная. Сего ради и мы, недостойнии, сподобившися твоея милости, паки пред святою твоею иконою прибегаем к тебе, и прославляюще тя, яко искренняго угодника Божия, нашего же вернаго молитвенника и исцелителя, усердне благодарим тя и Подателя всех благ Господа Бога нашего о великих благодеяниях, от Него тобою нам бывших. Приими убо милостивно малое сие молитвенное благодарение наше, зане не имамы ино что по достоянию воздати тебе, и прочее время живота нашего не лишь нас, немощных и грешных, твоея помощи и молитвеннаго ходатайства у Господа Бога нашего, Ему же подобает всякая слава, благодарение и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Приложение I

Пребывание честной главы великомученика Пантелеимона в Москве в 1996 году

Послание

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II архипастырям, священнослужителям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви в связи с принесением святых мощей великомученика и целителя Пантелеимона со Святой Горы Афон в Москву (25 апреля – 12 июня 1996 года)

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, всечестные отцы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры – чада нашей Святой Церкви!

В святые пасхальные дни мы с духовной радостью встречали в Москве цельбоносные мощи святого великомученика и целителя Пантелеимона, прибывшие со Святого Афона.

Мы восприняли это как милость Божию к нам, ибо каждый мог поклониться и припасть к честной главе великого страстотерпца.

В прошлом году мы радостно и торжественно встречали принесенный с Афона список Иверской иконы Божией Матери. Царица Небесная – Отрада и Утешение, Покров и Заступление наше – благоволила вновь, как и в XVII веке, прийти в Москву, в воссозданную часовню у Красной площади. Ныне Благая Вратарница вновь ограждает нас Своим предстательством пред Господом нашим.

Промыслительно, что совершилось это спасительное событие сейчас, ибо всем нам нужны молитвы и предстательство пред Богом этого великого святого. У каждого из нас много телесных недугов и душевных язв, и молитва скорого помощника, сострадательного и милосердного святого, внимающего нашим мольбам и воздыханиям сердечным, всем нам необходима.

Святой великомученик и целитель Пантелеимон жил в III веке, в эпоху жестоких гонений на христиан в Римской империи. Получив блестящее образование, он обучился врачебному искусству и своим умением и силою Христовой избавлял людей от самых тяжелых недугов. Его врачевание было бескорыстным, он посещал страждущих в темнице, раздавал все, что имел, нуждающимся. Врачи города Никомидии по зависти донесли императору, что Пантелеимон исцеляет христиан. Его принуждали отречься от Христа, но он мужественно, укрепляемый силой Божией, перенес страшные страдания и в 305 году принял мученический венец. После кончины Господь прославил святого великомученика Пантелеимона как врачевателя человеческих недугов по молитвам и вере в силу его чудо-творений.

Честная глава целителя в течение многих веков пребывает в Русском Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе Афон, и наши соотечественники-святогорцы возносят пред этой святыней молитвы за многострадальное, но возрождающееся ныне Отечество наше. Будем и впредь уповать, что их молитвы в земном Уделе Божией Матери – на Святой Горе – укрепят нас в жизненном подвиге и помогут народу земли нашей возвратиться к вере.

За полтора месяца пребывания святых мощей целителя Пантелеимона в нашем Первопрестольном граде сотни тысяч православных людей со всех пределов нашей Святой Церкви приходили поклониться этой святыне, вознося великомученику и целителю Пантелеимону свои усердные молитвы, припадая к ковчегу с цельбоносной его честной главой с глубокой верой в молитвенное предстательство Угодника Божия.

Мы свидетельствуем о многих исцелениях, полученных по вере нашей и по молитвам к святому целителю Пантелеимону.

Прославим же, возлюбленные, Господа нашего, возблагодарим Царицу Небесную за радость поклонения честной главе скорого многомилостивого целителя и молитвенника пред престолом Божиим, святого великомученика Пантелеимона, егоже молитвами чаем мы получить благодать и милость у источника всех благ и Дароподателя Бога, в Троице Святой славимого, Отца и Сына и Святаго Духа.

«О многострадальный и предивный страстотерпче Христов целителю наш Пантелеимоне... от многообразных недугов исцели ны и предстательством твоим сохрани от враг, видимых и невидимых, и вечного мучения избавитися нам Господа умоли, да во Царствии Его выну воспеваем: Аллилуиа».

*(Из Акафиста святому великомученику и целителю
Пантелеимону).*

Алексий,
Патриарх Московский и Всея Руси.
Москва, июнь 1996 г.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II по вопросу перенесения святых мощей для поклонения им в Москву направил письмо Священному Киноту святой Горы Афон. В августе 1995 года на своем заседании Кинот удовлетворил обращение Предстоятеля Русской Православной Церкви.

Духовный Собор Свято-Пантелеимонова монастыря назначил иеромонахов Кириона, Исидора, Никона и иеродиакон Кенсорина и Харалампия хранителями и сопровождающими святые мощи на время их пребывания в России.

Проблему транспорта взяло на себя решать Афонское подворье в Москве. Господь послал благодетелей, которые согласились безвозмездно предоставить самолет.

По прибытии в Москву с Афона ковчег со святой главой Пантелеимона был доставлен в Богоявленский кафедральный собор.

Чтобы выйти на встречу святых мощей перед внесением их в храм, Святейший Патриарх и архиереи ожидали святыню перед западными дверями собора.

Иеромонах-святогорец передал ковчег со святыней Святейшему Патриарху. Приложившись к ней, Патриарх вошел в храм и поставил ее на раку, установленную на кафедре собора. Духовенство вслед несло Афонскую икону святого Пантелеимона.

Пелось величание святому великомученику. После чтения Евангелия и стихир Святейший Патриарх прочитал молитву святому целителю и обратился со словом ко всем собравшимся на торжество. «Все мы с вами, братья и сестры, – говорил он, – имеем какую-либо болезнь, душевную или телесную, все нуждаемся в благодатной помощи святого великомученика Пантелеимона. Для того, чтобы получить исцеление, молясь святому Чудотворцу, необходимо иметь твердую веру. С крепкой верой будем притекать к святым мощам великомученика».

Помазывая елеем духовенство, молящихся, Святейший Патриарх каждому давал иконку святого великомученика Пантелеимона.

Святые мощи и икону разместили у северного выхода из храма. Собор был открыт с 6 часов утра и до полуночи. По составленному расписанию настоятели московских храмов со своим клиром, хором и прихожанами, сменяясь, непрерывно служили в течение дня молебны с акафистом святому великому ченику. Стали приезжать паломники из монастырей и приходов других епархий. Люди стояли по 6–8 часов, читали акафисты, пели церковные песнопения. Подходили к ковчегу и малоцерковные лица. Но всех объединял необыкновенный подъем духа,

прилив веры. У немощных появилась здесь бодрость, энергия. Особенно трогательно вели себя дети: охотно тянулись приложиться к святым мощам, а если по росту не дотягивались, то дежурные их приподнимали. Люди просили маслице от лампы у святых мощей. Была срочно организована раздача масла. Послушники, иноки, священнослужители Афонского подворья, принимавшие участие в обслуживании паломников, были перегружены до предела.

В субботу, 4 мая, в Богоявленском соборе была совершена Литургия архиерейским чином. Служили архиепископ Солнечногорский Сергей, архиепископ Валентин, епископ Истринский Арсений и епископ Орехово-Зуевский Алексей. Им сослужили московское духовенство и священноиноки со святой Горы Афон. Святые мощи и икону святого целителя вновь установили на середине храма, на кафедре, и по окончании Литургии был отслужен молебен святому великомученику Пантелеимону.

К началу молебна прибыл Блаженнейший Патриарх Александрийский Парфений с сопровождавшими его архиереями Александрийской Церкви. Приложившись к святым мощам, он обратился с кратким словом ко всем собравшимся на поклонение святыне: «Заметны изменения в жизни Русской Православной Церкви, которая переживает свое возрождение. Любите свою Церковь, любите своего Патриарха Алексия II. Будьте готовы к мученичеству за веру, за Церковь Божию!»

После молебна все служащее духовенство приложилось к честной главе святого Пантелеимона, и затем афонскую святыню на автобусе повезли на подворье Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря на улице Гончарной.

В нижней части улицы духовенство в пасхальном облачении во главе с настоятелем подворья иеромонахом Феоктистом встретило святыню с пением, и крестным ходом все направилось к воротам подворья.

Ковчег и икона были внесены в главную часть храма, где собравшееся духовенство совершило молебен святому великомученику Пантелеимону и был открыт доступ к святым мощам. И снова – вереницы людей к святыне. Вечером было совершено всенощное бдение с литией. На полиелей вышел епископ Истринский Арсений с духовенством подворья и насельниками Святой Горы Афон. Пели хористы из Троице-Сергиевой Лавры.

В воскресенье, 5 мая, была совершена Литургия архиерейским чином, которую возглавил епископ Истринский Арсений. После молебна Владыка обратился ко всем собравшимся с приветственным словом, отметив важность происходящего для каждого христианина: «Мы видим, братья и сестры, как много народа пришло сюда, чтобы еще раз прикоснуться к святым мощам. Что движет людьми, приходящими к святыне? Вера! Мы все нуждаемся в помощи святого целителя и, если не болеем телесно, то одолевают нас греховные страсти, и мы подчас даже ропщем, когда Господь посетит нас болезнями. Однако вера наша спасает от них. Это она привела вас сюда, братья и сестры, чтобы приложиться к великой афонской святыне и получить благодатную помощь».

Храм был переполнен молящимися. Поток паломников не уменьшается. Подходят к христианской святыне и инославные, и мусульмане. Все паломники были утешены вниманием и радушием Афонского подворья, благодаря чему все могли увезти с собой благословение от честной главы, пережив неповторимые чувства радости от прикосновения к великой святыне христианской Церкви. Поклониться святым мощам приезжали из многих монастырей. Приходили здоровые и больные. Одержимые бесовской силой, приближаясь к святыне, издают крики, визжание, грубые изрыгания, лай и вопли: «Не уйду!»; горестно смотреть на их дергание, трясение, мотание головой и прочие проявления недуга. Тяжкобольных подводят к святым мощам неоднократно, и возбуждение одержимых обыкновенно в конце концов стихает.

17 мая, в пятницу вечером, было совершено всенощное бдение. Служение Литургии в храме Афонского подворья возглавил епископ Верейский Евгений, ректор Московской Духовной Академии и Семинарии. Перед совершением молебна на территории подворья, у храма,

Владыка-ректор обратился ко всем собравшимся на проводы святыни, переносимой в Ново-Спасский монастырь, со словом назидания, призывая почитателей великого Чудотворца к благодарственной молитве за все его благодеяния, милости к нашему православному народу. Молебен прошел торжественно, два хора из Троице-Сергиевой Лавры (учащиеся духовных школ) пели с воодушевлением, вся площадь между воротами обители и храмом была заполнена провожающими паломниками, духовенством и учащимися духовных заведений.

Из Афонского подворья святыню повезли в Ново-Спасский монастырь. Здесь, перед святыми воротами обители, афонскую святыню встретили братия монастыря во главе с наместником епископом Орехово-Зуевским Алексием. Он принял ковчег, и, сопровождаемый пением духовенства, внес его в монастырь.

Перед входом в собор был совершен молебен. Затем шествие последовало в Преображенский собор, где Владыка-наместник произнес краткое, но вдохновенное слово. Раку с ковчегом разместили у западной стены храма.

К святым мощам сразу же образовалась огромная очередь, уходящая за пределы монастыря, и так было во все последующие дни. Пение молебна с акафистом не умолкало и ночью. Как и ранее, была быстро отработана система поддержания общего порядка, раздача освященного масла и святой воды. Чин ежедневного богослужения соединялся с памятью святого великомученика Пантелеимона.

Теперь святыню Афона переносили в Свято-Данилов монастырь. Там, перед святыми воротами, ее встречали наместник, архимандрит Алексей, и братия обители. Шествие направилось в Троицкий собор, где после установления ковчега и иконы на кафедре также был совершен молебен с акафистом. По составленному расписанию, как и ранее, приезжали настоятели московских храмов с прихожанами и служили молебен с акафистом.

28 мая Блаженнейший Патриарх Болгарский Максим, находясь в Москве, посетил Данилов монастырь и приложился к святым мощам Страстотерпца. Вместе с ним прикладывался к святыне Святейший Патриарх Алексей II.

Далее главу великомученика перенесли в Донской монастырь. Наместник, архимандрит Агафодор, взял ковчег и под колокольный звон понес его с крестным ходом, в сопровождении духовенства, к собору. На площади, перед западным входом, шествие остановилось. Один из иеромонахов, насельников Афонской обители, по благословению о. Наместника, возглавил молебен, после совершения которого святые мощи внесли в собор, весь убранный живой зеленью. У северного выхода храма было приготовлено место для раки, по верху стены, обтянутой золотистой парчой (с внешней стороны левого клироса) читалась исполненная славянским шрифтом надпись: «Великомучениче Пантелеимоне, моли Бога о нас».

Затем совершались непрерывные молебны с акафистом святому целителю. Очередь быстро вытянулась от северных ворот до северо-восточного угла. Люди шли и шли. Погода стояла жаркая. Многие искали тени, некоторые в многочасовом ожидании отдыхали на траве.

По благословению о. Наместника в течение всех дней пребывания святых мощей в Донском монастыре службы отправлялись под знаком всеобщего бдения святому великомученику Пантелеимону. Вместе с монастырским духовенством ежедневно служили в Большом соборе насельники со святой Горы Афон.

Святые мощи провожали из Донского монастыря в Елоховский собор. В последнюю ночь народу в соборе осталось много, молитвы у раки не умолкали, проникновенно пел хор Регентской школы и семинарии из Троице-Сергиевой Лавры, на лицах не видно никакой усталости, словно это был день, а не ночь. Утром Литургию в Большом соборе обители возглавил епископ Истринский Арсений. Ему сослужили насельники разных обителей Москвы, священнослужители окрестных приходов. Завершающий молебен был совершен вонне перед западными дверями. Люди в слезах провожали удаляющееся шествие, многие падали на колени, молились, держа в руке иконочку святого целителя.

Владыка, донеся ковчег до места отправления, передал его одному из святогорцев. Далее путь следовал по Москве, сопровождавшие на протяжении всей дороги пели песнопения в честь святого великомученика.

Перед Богоявленским Патриаршим собором святыню вынесли из машины, и архиепископ Одинцовский Иов принял святой ковчег и с высоты площадки западных дверей собора осенил на три стороны собравшихся.

Перед святыми мощами был совершен молебен с акафистом. Здесь святые мощи пребывали с 8 по 12 июня. Люди шли прикладываться к мощам днем и ночью. Стояли в очереди по полсуток.

Святогорцам Его Святейшество преподал благословение и особо написанные образа святого великомученика Пантелеимона в киотах. При этом он сказал, что пребывание святых мощей Чудотворца в Москве имело самое благотворное действие

То, что произошло в России, в Москве, за 49 дней, стало важным событием церковной истории. Православная Москва полтора месяца жила под благодатным впечатлением пребывания в ней афонской святыни. Святой великомученик Пантелеимон, посетивший Православную Русь своими многоцелебными мощами, явил всю свою любовь к русскому христианскому народу за его глубокое почитание, непоколебимую веру в помощь и молитвенные обращения к нему, угоднику Божию.

Чтобы убедиться в силе веры, достаточно было увидеть, как народ проявлял ее, поклоняясь искренне великой афонской и вселенской святыне – цельбоносным мощам святого великомученика Пантелеимона, черпая из неистощимого источника для себя новые духовные силы.

Новые чудеса, явленные с верою притекавшим к честным мощам святого великомученика Пантелеимона

Вот одна из записей о совершившемся чуде: «У меня около двух лет была опухоль в нижней части затылка головы. Она у меня постоянно увеличивалась. Я понимала, что это по грехам моим. К врачам я не обращалась, а положились на волю Божию. И вот когда привезли в Москву мощи святого Пантелеимона, я стала ходить и прикладываться к мощам и просила исцелить мою душу и тело. 5 мая я после приложения к мощам почувствовала очень, очень сильную боль. Я к этому привыкла и принимала как должное.

Приехав домой, свалилась в постель. К вечеру боль прошла. А 9 мая я случайно дотронулась до того места, где у меня опухоль. И не сразу поняла, что опухоли нет и голова стала нормальная. Я до сих пор не могу поверить, что у меня нет опухоли. Слава Богу за мое исцеление! Благодарю святого Пантелеимона за его молитвы».

Раба Божия Надежда

А вот запись дочери исцеленного: «16 мая 1996 г. Фадеев Юрий Иванович приложился к мощам великомученика Пантелеимона, на следующий день у него было улучшение в здоровье. Он, участник Великой Отечественной войны (1924 г. рождения), в 1943 г. ранен, инвалид. Одна нога короче на шесть сантиметров. Восемь лет назад был инсульт на эту ногу, потерял надежду на выздоровление, были сильные боли, еле ходил, качался, больная нога отказывала слушаться.

Но – о чудо! – по воле Божией, после того как папа приложился, боли прошли, нога стала послушная, может ходить на большие расстояния. Мощи и молитвы великомученика Пантелеимона помогли!»

* * *

Среди поданных на молебен записок для поминовения оказалась такая: «Благодарственный молебен святому великомученику и целителю Пантелеимону по исцелении хромой Анны, ныне ходящей без боли».

* * *

Сделанные записи далеко не исчерпывают всех фактов благодатной помощи. При таком стечении людей редко возникали благоприятные ситуации, когда возможна была встреча с теми, кто получил благодатную помощь. За полтора месяца к святым мощам приложилось около миллиона верующих, и для выявления фактов исцелений потребуется особая работа. И, конечно же, неоправданно будет умалчивать о совершившихся здесь чудесах. Да и непозволительно не собирать и не оглашать свидетельства о чудесах во исцеление душ и телес наших, прочитав, например, такую сокровенную исповедь:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа! На второй день после прибытия честной главы целителя Пантелеимона в Москву я была тяжело больна (душевно и духовно). Но я сказала себе: «Вот твое лечение», и, собравшись, с трудом поехала в собор (повторяю, на второй день). Я долго стояла около мощей и боялась поверить, что во мне все изменилось. Старалась ходить за мощами каждую минуту, день, час, куда бы их ни везли. И я теперь с уверенностью могу сказать: «Я здорова!» А теперь хожу за ними уже из любви к ним (мощам) и закрепления своего факта исцеления. Слава Богу за все!

Страстотерпче и Целебниче Пантелеимоне, моли Бога о нас! Аминь!»
Москва, прихожанка Богоявленского собора в Елохове.
П. А. М.

Из книги посещений Афонского подворья

В Богоявленском храме приложилась к мощам великомученика Пантелеимона. Через две недели стали рассасываться соли на суставах кистей рук и во всех суставах. Молилась Господу, чтобы он прославил Своего угодника, врача, целителя Пантелеимона по мне, грешной, и чтобы исцелил меня душевно и телесно. Благодарю Господа, великомученика Пантелеимона и братию Афонского подворья за предоставленную мне возможность исцеления и буду молить Бога о вас. Особое благодарение Богу и великому господину нашему Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II.

Инокня.

Ново-Алексеевский женский монастырь.

30.04.96 г.

Свидетельствую, что семья моих духовных чад взяла домой бумажную икону святого Пантелеимона. А ночью больному мальчику десяти лет с болезнью астмы стало плохо, он задыхался. Он взял иконку святого Пантелеимона, приложил к носу и сразу стало легко дышать, а наутро икона на бумаге замироточила, и вся сторона правая сейчас у нее облита благодатным елеем, что я сам видел и свидетельствую доньше. Я сам благодарен святому Пантелеимону, так как когда в соборе в Елохове мы ждали приезда мощей, то на площади у входа в храм все видели радуго полчасу на безоблачном небе и луну. Моли Бога о нас, святой угодниче Христов!

Священник Сергей Степанов.

Село Коломенское. Храм Казанской Божией Матери.

14.05.96 г.

Двадцать лет я курила и не могла избавиться от этой привычки, сколько ни старалась бросить. И, в конце концов, потеряла надежду, и от этого уже не имела твердого намерения бросить курить. Я страдала от этой привычки, священник мне сказал, что это уже одержимость и надо отчитываться. У мощей целителя Пантелеимона я молилась об избавлении от этого пристрастия, об укреплении намерения бросить курить. И с помощью Божией и, великого мученика, смогла переломить себя. Шестой день не прикасаюсь к табаку, и это для меня чудо.

Вера П. Казахстан.

16.05.96 г.

Радуюсь и молимся целителю и чудотворцу Пантелеимону, чудесно избавившему сестер обители, возвращавшихся после молебна перед мощами, и сохранившему их невредимыми в случившейся аварии (автобус перевернулся, а сестры не получили ни единой царапины!). Радуюсь и благодарим настоятеля подворья – игум. Феоктиста и богомудрую братию за труды в укреплении Православия.

Игуменья Ксения с сестрами.

Коломна, Ново-Голутвин монастырь.

16.05.96 г.

Я пришла в храм святого великомученика Никиты, чтобы приложиться к честной главе святого Пантелеимона. У меня очень болела правая рука, я не могла ее поднять вверх, взять на руки своего внука, повернуть руку за спину, снять свободно одежду. Рука болела около года, и становилось все хуже. В очереди к мощам я простояла около 9 часов, но, что удивительно, я стояла без всякого усилия над собой, мне было просто хорошо, легко, я только просила, чтобы Господь допустил меня войти в храм. Я приложилась и была счастлива, мне стало легко,

свободно, и того чувства, которое я испытала, я даже не могу передать, чувства благоговения, благодарности, потом я почувствовала, что боль уходит, я стала поднимать руку, поворачивать за спину, и вчера – 26 мая, я подняла на руки внука и пронесла его. Я благодарю Господа, великомученика и целителя Пантелеимона за мое исцеление и не могу выразить словами всего того чувства, которое я испытываю, мне только очень хочется плакать от счастья и той духовной легкости, которую я испытываю.

Галина. Москва.

16.05.96 г.

Был болен с 1979 г. душевной болезнью. После поклонения святым мощам великомученика и целителя Пантелеимона полностью выздоровел. Благодарю за все.

Зиновьев А. Ф.

Дорохово, Московская обл., Рузский р-н.

18.05.96 г.

Благодарим Господа, Матерь Божию и великомученика Пантелеимона за оказанную нам милость и благодать и за полученное исцеление нашей сестры Мариамны. На левой ноге была уже язва в течение семи лет с образованием нароста. Ей предлагали сделать операцию, но она несколько раз приложилась к мощам великомученика Пантелеимона и мазала маслом больное место. О чудо! Нарост отпал, а из раны вытекла зловонная жидкость. Благодарим за милость к нам, грешным.

Схиигуменья Пинна с сестрами.

Ново-Алексеевский женский монастырь.

24.05.96 г.

Больше десяти лет страдала гинекологическими болезнями: гиперплазия, эндометрия, миома, эндометриоз. Назначена была на операцию. Сдала предоперационные анализы. После того как приложилась к мощам, пришла к врачу для окончательного решения вопроса, прошла еще раз обследование (результаты на руках), и врач сказал, что я абсолютно здорова.

Янушкевич Нина Всеволодовна. Москва.

25.05.96 г.

Исцеление: стоматит, бронхит. Благодарю Господа Бога и святого Его великомученика и целителя и чудотворца Пантелеимона за исцеление тяжкого страдания души моей.

Раба Божия Антонина (Быкова). Москва.

26.05.96 г.

Была больна духом, не могла причащаться. Сегодня причастилась. Бросила курить после первого прикладывания. Благодарю Господа Бога и святого Его великомученика Пантелеимона за исцеление души и тела моего.

Изюменко Евгения.

Москва.

26.05.96 г.

Меня неудачно оперировали, был оставлен ватный тампон в операционном поле кишечника. Через двенадцать часов после операции температура у меня поднялась до 42 градусов. Профессор установил гангрену кишечника со скорой повторной операцией.

Перед операцией ко мне в больницу явилась неизвестная мне старушка восьмидесяти лет. Она сказала, что послана от Бога, по заведомо указанному адресу, и зная мое имя и меня.

Сказала, что ей в сновидении трижды являлся человек и велел срочно явиться в больницу ко мне и назвал мое имя. Имя старицы Ефросиния.

Ей было указано взять с собой акафист целителю Пантелеимону.

Накануне моим духовным отцом иеросхимонахом Нектарием (г. Елец, из собора Казанской иконы Божией Матери, где есть престол целителю Пантелеимону и Знамению Божией Матери) была мне передана через мон. Валентину (моя родная сестра) икона целителя Пантелеимона и письмо о. Нектария с предсказанием об исцелении меня целителем Пантелеимоном, открытое ему во сне. Подобный сон, который видел о. Нектарий, был и у меня (о. Нектарий скончался в г. Ельце 1 марта н. ст. 1991 г.). Ефросиния сказала мне, что нужно читать акафист, который она привезла, перед иконой целителя Пантелеимона, присланной мне духовным отцом Нектарием из г. Ельца. И сказала, чтобы в ночь перед операцией я прочитала его.

Утром мне сделали тяжелую операцию. Она прошла успешно.

Вакуленко Пелагея Михайловна,

операционная мед. сестра. Москва, Красногвардейский р-н.

29.05.96 г.

Благодарим Бога и целителя Пантелеимона. Пять лет страдала сахарным диабетом. 29 мая вернулась из поликлиники – сахар снизился до нормы. Слава Богу!

Мирянка Булаева Валентина Федоровна,

сторож церкви сорока мучеников.

31.05.96 г.

Плохо слышал на левое ухо, исцеление произошло моментально, как попросил в молитве, чтобы выгнал беса глухого и исцелил слух. Непрерывно читаю молитву Иисусову.

Коломиец Григорий.

5.06.96 г.

Страдала болезнью ушей с зимы, наступала глухота. После того как приложились к святым мощам, боль в ушах исчезла.

Ионина. Москва.

5.06.96 г.

Разболелся зуб так, что решила его удалить. Приложились к святым мощам, и боль опала совершенно, и отказалась вырывать зуб. Зрение было плохое (+5), и боялась за глаза. Еще раз приложились к святым мощам (15-й раз) и стала видеть без очков ясно.

К. Г. из Санкт-Петербурга.

6.06.96 г.

Когда я прикладывалась к святым мощам великомученика и целителя Пантелеимона в третий раз в Ново-Спасском монастыре, я получила исцеление. У меня девять лет болели почки, а теперь не болят.

Раба Божия Елена. Гиреево.

Храм Нерукотворного образа Христа Спасителя.

7.06.96 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Дивны дела Твои, Господи, и во святых Твоих!

Хочу рассказать о чуде, которое совершил Господь на мне через Своего святомученика Пантелеимона.

В 1927 году я трехлетней девочкой была больна дифтерией в тяжелой форме. Вместе с мамой мы лежали в больнице. Врачи сказали, что я не перенесу этого заболевания, и велели маме приготовить все на смерть. Мне пошили платье на смерть и принесли его в больницу. Мама моя была очень верующая и неустанно молилась Богу о моем спасении. Крепко уверовав в небесного свято-великомученика Пантелеимона, она имела при себе его образ и усердно молила его о моем спасении.

В ту ночь мне стало совсем плохо. Мама в тревоге ждала моей смерти. Дыхание прекратилось, посинели ногти, произошло предсмертное очищение. Мама смочила мне губы святой водой, положила на грудь мне иконку Пантелеимона-мученика и все время молилась ему. Я притихла.

Мама подумала, что я скончалась, но вдруг она услышала шепот. Я позвала ее и прошептала: «Мама, где тот доктор в красивом платьице, который мне горлышко смазал, позови его». В палате никого не было, и мама поняла, что это было великое исцеление святомученика Пантелеимона, и горячо благодарила его за чудотворное исцеление. У меня восстановилось дыхание, щеки порозовели, и я ожила. Каково же было изумление врача, когда он утром увидел меня сидящей в кровати и сказал: «Это невиданный случай выздоровления».

Мама всегда твердила мне, чтобы я помнила о своем исцелении и молилась святому великомученику и исцелителю Пантелеимону, благодаря его за чудное исцеление. И вот теперь, через семьдесят лет, Господь сподобил мне прикоснуться к святой главе Пантелеимона и горячо поблагодарить его за мое исцеление. Слава тебе, святой великомученик Пантелеимоне. Я всегда благодарю Бога и святого великомученика Пантелеимона за чудотворное исцеление, дарованное мне. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Царица Небесная и все святые, помилуйте нас, на вас уповаем.

Логинова Нина Алексеевна. 10.06.96 г.

Приложение II

Из книги Б. К. Зайцева «Святой Афон»

Монастырь святого Пантелеимона

...Передо мной снимок, изображающий вход в обитель. Залитая солнцем четырехугольная сень, увенчанная куполом, вся увитая зеленью. Темно, прохладно под нею! Несколько монахов, и в глубине врата, ведущие в крепостной толщины сумрачный проход, на двор монастыря.

Смотрю на колонны с коринфскими капителями, поддерживающие углы этого огромного крыльца, вспоминаю блеск афонского солнца, розовое цветение азалий, увивающих стены с небольшими заоваленными окошечками, откуда иной раз выглянет монах – вспоминаю и переживаю те минуты, когда – столько раз – входил и выходил я этими «тесными вратами». А сейчас в полутьме над входом едва различаю низ большой иконы, но я знаю, кто это, не раз почтительно снимал я шляпу пред изображением Великомученика и Целителя Пантелеимона.

Вот я раскрываю большой том истории монастыря, и на одной из страниц нахожу снимок со старинной чудотворной иконы святого, ныне находящейся во втором Соборном храме Покрова Богородицы. Я не раз видел ее в церкви. Теперь рассматриваю подробнее – она является как бы живописным житием святого: вокруг лика изображены четырнадцать наиболее замечательных событий его жизни.

Св. Пантелеимона можно было бы назвать святым-отроком. Таким его всегда изображают, таков он был в действительности.

Царь в короне с наивно вырезанными зубцами сидит на троне. Перед ним мальчик с ореолом вокруг головы. Царь делает рукой знак одному из стоящих позади мальчика – это «царь повелевает Евфрасину обучать святого врачебному искусству». Далее почтенный монах сидит у стола, мальчик пред ним слушает наставления. Затем мальчика «оглашает» Ермолай, над ним совершают крещение, и уже он сам воскрешает умершего. Вот он, несколько старше, «врачует очи слепого» (ребенка), раздает хлеба бедным, пред тем же царем в той же зубчатой короне исцеляет расслабленного, которого приносят на носилках. Начинаются его страдания. За что мучают юношу, делавшего только добро? Значит, за то же, за что и Христа распяли. Вот его «ужигают», привязав к дереву, факелами. Бросают диким зверям. Вот его нежное тело на страшном колесе. И, наконец, огромный воин «усекает» святого, стоящего на коленях, и голова эта, столь уже знакомая, в том же золотом нимбе, покорно лежит на земле.

Как св. Цецилия есть образ страдальницы-девы, прославленной римскими катакомбами, так св. Пантелеимон есть облик Целителя и Утешителя отрока, укрепленный в Восточной Церкви.

На некоторых иконах святой изображен с почти девической мягкостью лица, и на уединенном Афоне, столь строгим и чистом, это есть звук величайшей мировой нежности. Середину вышеуказанной иконы занимает его главный лик: в потоке света, сходящего сверху, юноша в нимбе держит в левой руке ковчежец, а в правой у него ложечка с крестом на конце. Он смотрит прямо в глаза. «Если у тебя болит душа или тело, подойди ко мне с верою и любовью, я зачерпну из своего ковчежца доброго для тебя снадобия».

Я видал изображения святого и в греческих монастырях. Но особенно он утвердился в русских. Тысячи паломников поклонялись ему. Это преимущественно «русский» святой, как и Николай Мирликийский.

Не потому ли он так привился у русских, что России более, чем какой-либо стране, при ее великих, но подчас слепых силах и страстях, ее великой иногда тьме и «карамазовщине», более чем кому-либо нужна целительная ложечка св. Пантелеимона?

А русское сердце легкоплавко. Оно охотно поддается трогательному. Нуждаясь в очищении и исцелении, оно без затруднения раскрывается на призыв кроткого Великомученика.

Список использованных источников

1. Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона. Изд. 11-е Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1903. Орфография – современная.
2. Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на святой горе Афонской. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1995. (репринт издания 1886. Орфография – современная.)
3. Православный церковный календарь. М., Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, 2000.
4. Протопр. Эммануил К. Схиниотакис. Игумен Венедикт. Греция. Путешествие по святым местам. СПб., Изд. Александра Зимина, 2004.
5. Акафистник. М., Даниловский благовестник, 1995.
6. Полный молитвослов и псалтирь на всякую потребу. СПб., Общество святителя Василия Великого, 2008.
7. Афонская святыня в Москве. М., Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, 1997.
8. Житие, страдания и полное описание чудес святого великомученика и целителя Пантелеимона.
М., Трифонов Печенгский монастырь, Новая книга, Ковчег, 2000.
9. Б. К. Зайцев. Собрание сочинений в 11 тт. Т. 7. Святая Русь. М., Русская книга, 2000.
10. [www. kazan.eparhia.ru](http://www.kazan.eparhia.ru)
11. [www. pravoslavie.ru](http://www.pravoslavie.ru)